

Фируза

Сказки татарских писателей

Перевод

АЗАЛИИ БАДЮГИНОЙ

КАЗАНЬ
ТАТАРСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
2003

УДК 821.512.145:398

ББК 82.3(2Рос=Тат)

Ф 62

Художник *Ю.А.ЩЕТИНКИНА*

ДЛЯ ДЕТЕЙ СРЕДНЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Фируза: Сказки татарских писателей.— Казань: Татар.кн.изд-во, 2003.— 271 с.

В книгу вошли сказки известных татарских писателей: К.Насыри, Г.Баширова, А.Файзи, А.Еники, Н.Исанбета и других.

ISBN 5–298–01307–4

© Татарское книжное издательство, 2003

Катись, катись, волшебный мой клубок

КАЮМ НАСЫРИ. Солом-Торхан

авным-давно жил один очень бедный человек.

Нечем было ему наготу прикрыть, негде приютиться. Вот и вынужден был весь свой век в соломе сидеть. Люди в шутку прозвали его за то Солом-Торхан-падишахом. Была у него приятельница — лиса. Она как-то и говорит:

— О друг мой, пришла мне охота женить тебя. Ведь тоска берет, как погляжу на такую твою жизнь. Пора бы уж и людям тебя показать.

Солом-Торхан отвечал на это:

— Ну что ж, окажи мне такую милость.

Отправилась лиса ко дворцу падишаха и попросила пудовку: мол, Солом-Торхан-падишах золото свое перемерить желает. Собрала лиса кое-какие крупички золота с серебром, насыпала их в щелочки пудовки и назад отнесла. Выждала денька два — и снова к падишаху за мерой, и опять вернула ее с крупичками золота и серебра. Так проделала она три раза. А потом явилась к падишаху и сказала:

— О великий падишах, отдай твою дочь в законные жены моему другу Солом-Торхан-падишаху.

И сосватала дочь падишаха за Солом-Торхана, пообещав богатый калым — пять коней вороных да двести городов...

Кончив дело, побежала лиса к Солом-Торхану:

— Друг мой, сосватала я за тебя дочь самого падишаха!

Очень удивился Солом-Торхан, услышав такое:

— Да как же я голый к дочери падишаха пойду?

— Ничего, не горюй, придумаем какую-нибудь хитрость,— отвечала лиса.

Повела она Солом-Торхана к реке, посадила в дырявую лодку и столкнула в воду. А сама разбросала по прибрежным кустам старое тряпье и побежала вдоль берега, крича:

— Караул! Караул! Солом-Торхан-падишах тонет! Помогите!

Так добежала до дворца.

— Скорее,— кричит падишаху,— прикажи спасти твоего зятя! Он со всем добром своим ко дну идет!

Слуги падишаха вытащили Солом-Торхана из воды и доставили во дворец. Нарядили его в богатое платье и как зятя усадили на почетное место. Но Солом-Торхан не замечал никого, он смотрел только на свою одежду: ведь бедняга в жизни не видел на себе платья.

— Похоже, он никогда одежды не видел,— сказал падишах,— глаз с нее не сводит.

Лиса на это отвечала:

— Попробуй дать ему что-нибудь получше, может, платье ему не нравится?

А сама незаметно шепнула Солом-Торхану:

— Уж ты не оглядывай себя так, неприлично это.

Так вот и стал бедняга, который весь век просидел в соломе, зятем падишаха. И счастливо зажил с супругой.

Я у них нынче гостил, на колу чай пил, насилиу вчера вернулся.

А соломой-то от него все же пахнет.

Падчерица

Жыли в давние времена у одного человека две дочери и сын. Одна из дочерей была неродная ему. Не любили ее в семье. Посоветовались однажды и решили отвести девушку в лес. Сказал ей брат:

— Пойдем в лес, будешь там ягоды собирать, а я дров нарублю. Вечером вернемся.

Взяла девушка ведро и клубок с собой прихватила. Далеко забрались они, в самую чащу. Наконец остановились. Распряг брат лошадь и пустил ее траву пощипать, а сестре говорит:

— Ступай за ягодами да прислушивайся, вернешься, когда работу кончу.

Достал он топор и принялся дерево рубить. А девушка взяла ведро и пошла искать ягоды. Брату только этого и надо было. Подвесил он к высокому дереву колоду, запряг лошадь и уехал домой. А девушку в лесу оставил. Вот ходит она по лесу и прислушивается. Колода на ветру раскачивается и — тук-тук — ударяется о ствол. Кажется девушке, что это топор дровосека стучит. «Брат все еще дрова рубит», — думает она и продолжает собирать ягоды. Но вот и ведро с верхом наполнилось. Мало-помалу начало смеркаться. Улегся ветер. «Видно, брат домой собирается», — решила девушка и пошла назад. Вышла на знакомое место, а брата и след простыл. Заплакала девушка и пошла по лесу. Шла она, шла, пока на опушку не выбралась. А там дорога в поле. Идет она по дороге, плачет и приговаривает: «Укатился мой клубочек, не видал ли кто его?» Причитает она так, а сама все плачет и плачет. Видит, впереди табун лошадей пасется. Девушка и говорит пастуху:

— Укатился мой клубочек, не видал ли ты, пастух?

А тот отвечает:

— Видал. Поможешь мне табун пасти, дам тебе лошадь.

Согласилась девушка.

Целый день пасла она табун, получила лошадь. Дальше верхом поехала. Едет, а сама все плачет и плачет. Долго ехала так, смотрит — впереди стадо коров. Целый день пасла она коров, пастух дал ей за это корову. А потом повстречалось ей стадо овец. Получила девушка овцу. А там и козье стадо показалось. Дали ей козу. Поехала она дальше. Темно уж стало, глаза слипаются. «Что же мне делать?» — горюет девушка. Далеко впереди мелькнул огонек. Обрадовалась она, припустила лошадь быстрее, подумав, что это деревня. Подъезжает ближе, видит, изба стоит, а в ней старушонка. То ведьма была. Девушка и говорит:

— Укатился мой клубочек, не видала ли, бабушка?

А та отвечает:

— Как же, видела, доченька. А ты издалека ли путь держишь?

Рассказала девушка, что с ней приключилось. А ведьма говорит:

— Ты, доченька, долго шла, устала, оставайся у меня погостить.

Наутро ведьма посылает девушку баню топить. Та все как надо сделала и приходит к старухе:

— Баня готова, бабушка, пойдем помоемся.

— Ладно, доченька, — отвечает ведьма.

Выйдя из дома, старуха и говорит:

— Не могу я идти, доченька. Возьми-ка ты меня за руки да коленкой сзади поддавай. Так и доведешь.

А девушка отвечает:

— Нет, бабушка, нельзя так. Ты старенькая, обидишься на меня.

Взяла она старуху на руки и отнесла в баню.

А ведьма снова говорит ей:

— Возьми меня, доченька, за волосы да втащи наверх.

— Нет, бабушка, — отвечает девушка, — не годится так, обидишься ты. — И осторожно усадила ее на полоч.

Старуха говорит:

— А теперь попарь меня, доченька. Возьми веник за листья да бей что есть мочи другим концом.

— Нет, бабушка, нельзя так, — отвечает девушка.

Попарила она старушку веником, отнесла в дом, в мягкую постель уложила.

Ведьма и говорит:

— Что-то голова у меня зачесалась, доченька, почеси немного.

Принесла девушка гребень, посмотрела на ведьмину голову, да так и ахнула: там под каждым волоском золото, серебро, жемчуга, камня драгоценные. Кончила чесать, а старуха говорит:

— Спляши-ка, доченька, очень уж охота мне поглядеть, хорошо ли плясать умеешь.

Сплясала девушка, и ничего не упало на пол.

А старуха ей уж новое дело нашла.

— Сходи, доченька, в баню, я там лоток с солодом сушить подвесила. Взгляни, просох ли.

Пошла девушка, заглянула в лоток, а там золота, серебра, жемчугов, кораллов видимо-невидимо. Прибегает к старухе, а та спрашивает:

— Просох ли, доченька?

— Просох, бабуля.

— Ладно. А теперь спляши-ка еще разок, — говорит старуха.

Сплясала девушка, и снова на пол ничего не посыпалось. Поняла старуха, что гостья ее так же правдива, как и добра. Сказала она:

— Ну а теперь, доченька, можешь домой ехать, коли хочешь.

— Я бы поехала, — отвечает девушка, — да дороги к дому не знаю.

Сказала на это старуха:

— Иди, доченька, я укажу тебе дорогу. Возьми с собой зеленый сундучок, да только, смотри, не открывай его, пока до дому не доберешься.

Взяла девушка сундучок, поблагодарила старушку. Потом села на лошадь и отправилась в путь-дорогу, а корову, овцу и козу за собой на веревочке повела.

День прошел, ночь минула, вот уж и деревня близко.

А у брата собачка была. Как примется она тявкать да приговаривать:

— Думали со свету сжить, а девушке богатой быть, тяв-тяв!

— Что это с собакой? Сбесилась, никак?

Бросились они бить собачонку палкой, а она знай свое твердит:

— Думали со свету сжить, а девушке богатой быть! Тяв-тяв!

А тут и сама девушка подъехала. Вошла в дом, открыла сундучок, смотрит, глазам не верит: он до краев золотом, серебром, редкими камнями набит!

Зажила с того дня девушка безбедно, а брат со своей женой покоя от зависти лишились. Решили они родную сестру в лес свезти. Она тоже с собой ведро и клубок ниток взяла. В глухом лесу распряг брат лошадь и отпустил ее пастись. Сам принялся дрова рубить. Пошла сестра по ягоды. Брат тем временем, как и в первый раз, подвесил к дереву колоду, да и уехал домой. Девушка, перестав слышать стук топора, поспешила к брату, а его уж нет.

Пошла она по лесу, приговаривая: «Укатился мой клубочек, не видал ли кто его?» Шла так, пока не набрела на табун лошадей.

— Укатился мой клубочек, не видал ли ты его? — спросила она пастуха.

— Видал. Помоги мне табун пасти, дам тебе лошадь.

— А на что мне твоя лошадь? — сказала девушка и пошла дальше.

Прошла она мимо коровьего стада, миновала стадо овечье. Вот уж и козье стадо позади. Шла, пока на избушку не набрела.

— Укатился мой клубочек, не видела ли, бабуся? — спросила она, войдя в дом.

А старуха отвечает:

— Как же, видела. Иди, доченька, истопи баньку.

А когда девушка выполнила просьбу, сказала ведьма:

— А теперь, доченька, пойдем помоемся. Возьми меня за руки да поддавай сзади коленкой, так и доведешь.

Девушка так и сделала, как ее старуха просила: взяла ее за руки, стала поддавать коленкой — и довела до бани.

Сказала старуха:

— Будешь меня парить, веник за ветки держи и бей по спине что есть силы.

Девушка так и сделала. И что бы ей старуха ни поручала, она все исполняла в точности. Говорит ей старуха:

— Расчеши мне, доченька, волосы.

Взглянула девушка, а голова старухи золота, серебра, камней самоцветных, жемчугов полна. Девушка золото да серебро выбирает, к себе в карманы складывает, за пазуху сует. А старуха и говорит:

— Спляши-ка, доченька, очень уж поглядеть охота, как плясать умеешь.

Начала девушка плясать — все, что она припрятала, на пол и посыпалось. Посылает ведьма девушку в баню:

— Посмотри-ка, доченька, просох ли солод в лотке.

Пошла — смотрит, а лоток золота, серебра, камней дорогих самоцветных полон. Снова набила она карманы да за пазуху насовала. «Так вот как сестрица-то разбогатела!» — смекает про себя.

А старуха опять плясать ей велит. Сплясала девушка — серебро да золото на пол посыпались. Поняла старуха, что она за человек, и говорит:

— А теперь домой ступай, доченька. Иди во-он той дорогой,— и протягивает ей черный сундучок.— Возьми это с собой. Смотри же не открывай, пока домой не придешь.

Обрадовалась девушка, сундучок схватила и домой побежала. Долго шла она, вот уж и деревня близко. В доме брата собачка затыкала:

— Думала богатой быть, а уж ей теперь не жить, тяв-тяв!

— Собака не иначе как сбесилась! — закричали хозяева и стали швырять в нее камнями. А она опять за свое:

— Думала богатой быть, а уж ей теперь не жить, тяв-тяв!

Как ни били собаку, как ни тузили — не так, мол, говоришь, надо: «Поехала за добром и приехала с добром»,— она свое твердит.

Девушка между тем дошла до дому. Откинула она крышку сундучка, а оттуда змея выскочила и задушила ее.

Вот ведь до чего зависть доводит!

Гульназек

Давным-давно жил бедняк по имени Гульназек.

Беднее шайтана был он. Ничего не дал Аллах лентяю и лежебоке, разве что ребятишек целую кучу. Надоела Гульназеку нищета, смастерил он лук со стрелами и пошел в лес.

Идет, а навстречу ему — див. Испугался Гульназек, задрожал весь, не знает где укрыться. А див уж рядом.

— Тебе чего тут надо, человек? — спрашивает.

— Я — охотник, поохотиться пришел,— отвечает Гульназек.

— А что у тебя в руке?

— Лук со стрелой. Думал дива на обед подстрелить.

Услышав такое, не на шутку перетрусил див, застонал даже. А потом и говорит Гульназеку:

— Пойдем, друг, ко мне, гостем будешь.

Что тут делать? Гульназек ни жив ни мертв стоит: и с дивом идти боится, и остаться не смеет. Все же решился пойти. Вот подошли они к логову дива, а в лесу уже темным-темно. Накормил, напоил див Гульназека, угостил на славу. Потом они с женой гостю постель приготовили. Лег Гульназек, а сна ни в одном глазу.

Притворился спящим, а сам ждет: что-то будет. Слышит, как шепчет див жене:

— Горе нам, жена. Как от страшного гостя избавиться?

Долго ломали голову. Наконец жена дива говорит:

— Когда человек уснет, придавим его камнем, а утром вынесем.

Ночью Гульназек видел, как див с женой вышли тихонько в лес. Он быстро встал, набросал на свое ложе поленьев, прикрыл их тулупом, а сам за печку спрятался. Притащили дивы огромный камень и бросили его на постель. Поленья под тулупом так и захрустели. Выждав немного, дивы понесли камень назад, а Гульназек снова под тулуп забрался. Утром потянулся Гульназек, будто только что от сна пробудился, и говорит:

— Ох и беспокойный у тебя, приятель, дом! Ночью на меня упало что-то — то ли клоп, то ли таракан с потолка сорвался. Если бы вы были мне чужие, разметал бы сейчас ваше логово, а самих за облака закинул бы. Только ради дружбы не сделаю этого.

Пуще прежнего перепугался див, боится он Гульназека одного оставить. «Пойдем,— говорит,— провожу тебя до дома». «Ладно»,— отвечает Гульназек. Вместе и пришли они к дому. «Ты побудь здесь,— говорит Гульназек гостю,— а я пойду жену предупрежу, чтобы в доме немного прибралась». Остался див за порогом. А Гульназек и говорит жене: «Привел я гостя. Трижды велю я тебе принести угощение, а ты молчи, ничего не отвечай. Только после третьего раза скажешь: «Сам знаешь, нечем нам гостя накормить». Тогда я скажу: «Принеси голову вчерашнего дива и тушу позавчерашнего».

Вот зовет Гульназек дива в дом и говорит жене:

— Ну-ка собери чего-нибудь гостю на стол!

Та молчит, не отзывается. Только на третий раз отозвалась:

— Тут не то что гостю, самим есть нечего, сколько уж дней голодные сидим!

— Как это нечего? А голова дива, которого я вчера подстрелил, а туша позавчерашнего?

Див, как только услышал это, поднял угол дома и как ошпаренный на улицу выскочил, чуть избу не разнес.

Бежит див, запыхался, назад посмотреть боится. А навстречу лиса идет.

— Здравствуй, див, откуда так спешишь?

— Некогда мне, лиса, насилу ноги унес!

— А что случилось? — спрашивает лиса.

Див все и рассказал ей.

— Напрасно ты боишься его,— говорит лиса.— Гульназек очень робкий человек.

Не может он никому зла причинить. Вчера только я перетаскала у него десять кур. Пойдем полакомимся его курочками.

И повела дива к дому Гульназека.

А Гульназек весь их разговор слышал.

— Иди, иди сюда, сестрица,— закричал он,— ну и обманщица ты! Съела у меня вчера десять кур, обещала за это двух дивов привести, а ведешь одного. А ну давай его сюда скорее! Так и быть, второго завтра приведешь.

Накинулся див на лису:

— Так вот ты какая! Я тебе верил, а ты продать меня собралась! — Схватил ее за хвост да со всего маху оземь трахнул. Из бедняжки дух вон.

А сам пустился наутек.

Подобрал Гульназек лису, снял с нее шкуру да на базаре продал. В тот день хлеба досыта наелись.

Байдек

Не так давно жил в Нижнем Ширдане некто по имени Байдек. Собрался он однажды с товарищами в путь. Шли они, шли, пока не пришли к реке. Подрядились к одному баю пшеницу в дальний город доставить и поплыли в лодке. В дороге заболел Байдек, бросили его на берегу.

Остался бедняга один, лежит и плачет. Подходят к нему два вора. «Ты чего здесь валяешься? — спрашивают. — Вставай, товарищем нам будешь». И насильно повели его с собой.

Уже смеркалось, когда подошли они к какой-то деревне. Задумали вору к тамошнему баю в амбар залезть. Отодрали в крыше доску и спустили Байдека на веревке. Стал он подавать им, что в амбаре было. После обвязал себя и крикнул: «Тащите!» Увидели вору, что это он, обрезали веревку и ушли.

Сидит Байдек в амбаре, как ему быть, не знает. К счастью, кадку с гороховой мукой в темноте нашарил. Скатал из муки два комка и стал ждать.

На рассвете подошла к амбару женщина. Только дверь открыла, Байдек и бросил комки ей в лицо. Пока женщина с плачем протирала глаза, он и убежал.

Долго шел Байдек, вот впереди показалась деревня. Вошел в крайний дом, поздоровался. Встретила его беременная женщина — последние деньки доживала. «Добро пожаловать, путник, — сказала она, — ты, верно, проголодался в дороге. Вот, сядь поешь». И поставила перед Байдеком блюдо с перемьячами. Наелся Байдек. Женщина просит его: «Скоро должна я родить. В соседней деревне матушка моя живет. Не позовешь ли ее ко мне, добрый человек?»

Пошел Байдек, разыскал старушку. «Пойдем, — говорит, — бабушка, тебя дочь зовет». Шли они пешком, и старушка скоро выбилась из сил. Взял ее Байдек на руки. Но вот и он устал. «Дай немного передохнуть, бабушка», — сказал он и посадил старушку на пенек. А пень тот колодцем оказался, она и упала в него. «Что же я теперь женщине скажу?» — сокрушался Байдек. И решил обмануть ее: «Не пошла бабушка, не поверила мне. Ступай, говорит, принеси что-нибудь из вещей дочери, тогда пойду с тобой». Дала женщина Байдеку свое хаситэ, расшитое золотыми и серебряными монетами. Взял он хаситэ и пошел своей дорогой. А женщина, поди, до сих пор его дожидается.

До вечера Байдек немалый путь проделал. Когда стемнело, увидел вдали огонек. Пошел на него, а это во всей деревне одно-единственное окошко светится. Влез Байдек на забор — не знал он, что караульщики под ним сидят. «Вор! Вор!» — закричали они и стащили Байдека на землю.

Уж и били его, и тузили его! А потом посадили в бочку, заколотили и спустили с высокой горы. Бедняга чуть душу Аллаху не отдал...

Едва оправившись, вынул он из кармана ножичек и принялся ковырять дно бочки, пока не проделал в нем дырку, чтобы руку просунуть можно было. Прислушался, а вокруг волки, медведи бродят, принохиваются. Конец хвоста одного волка, пока он возле бочки крутился, нечаянно просунулся в дырку. Схватил его Байдек, намотал на руку, да как гикнет — волк без оглядки бежать бросился и бочку за собой поволок. Ударилась она о кочку и рассыпалась. Хвост — хрясть! — и оторвался. Умчался волк, а Байдек опять на свободе.

Огляделся он — лес кругом. Темно. Волки где-то воют. «Ну, эти слопают и не подавятся!» — подумал Байдек и полез на высокий дуб. Собрался было на нем до утра отсидеться, да дерево внутри полым оказалось — провалился Байдек.

Сидит он на дне глубокого дупла, чувствует под собой что-то мягкое. Потрогал, а это мед. Наелся досыта.

Тут вскоре светать начало. Утро настало, а там и день пришел. Байдек все в дупле сидит, выбраться не может. Посмотрел вверх, а там медведь осторожно задом в дупло спускается. Знать, не почуял еще человека.

Подождал Байдек, пока совсем рядом будет, крепко ухватил его за заднюю лапу, да как свистнет — мишка с перепугу мигом на верхушке оказался. И Байдека вытащил! Прыгнул косолапый с дерева — тут ему и конец пришел. А Байдек снял с медведя шкуру, взвалил ее на себя и пошел лесом.

Шел он так, пока на дорогу не выбрался. А по ней подводы тянутся. Расспросил Байдек людей, откуда и куда путь держат. Отдал им медвежью шкуру, они его за то до родной деревни довели.

Из дому Байдек еще весной ушел, а воротился глубокой осенью — уж снег в воздухе кружился.

Обрадовался Байдек, что своих близких и друзей снова увидел. Захотелось ему устроить для них пир — благо, на хаситэ доброй женщины немало золотых и серебряных монет было.

Отправился за матерью: она в соседней деревне жила. Впряг лошадь в широкие розвальни, на которых в лес за дровами ездил.

Мать Байдека совсем дряхлой старушкой была. Закутал он ее в большой тулуп и усадил в сани. Полы тулупа тащились, свесившись из саней. По следу похоже было, будто воз сена везли. На беду в той деревне как раз сено украли. След и привел к дому Байдека. Насилу монетами с хаситэ откупился.

Разозлился Байдек на шубу: столько убытка из-за нее потерпел! И бросил ее в огонь. Шуба, видать, дубленая была — съежилась вся и стала со свиной пяточок. Швырнул ее Байдек, а она за частокол зацепилась и повисла на нем.

В другой деревне в тот же день свинья пропала. Всю округу обыскали, нигде найти не могли. Увидели люди на заборе Байдека штуковину, похожую на свиной пяточок, и закричали: «Вот кто свинью украл!» Что тут поделаешь, пришлось последние монеты отдать. Еще и брать не хотели, едва уговорил.

Позарился Байдек на чужое хаситэ, и вот что из этого вышло... Правду говорят люди: что с ветру приходит — на ветер и уходит.

Три сына

Давным-давно было у одного человека три сына.

Жил он не то чтобы богато, но справно, нужды не знал. Были у него жернов, барабан да колодки для лаптей с кочедыком. Вот пришло ему время помирать. Призывает он сыновей и говорит: «Умру я скоро. Живите без меня дружно. Хватит вам того, что оставлю». Отдал он одному сыну жернов, другому барабан, а третьему колодки с кочедыком. «Этим станете себе на жизнь зарабатывать, — говорит, — кусок хлеба у вас всегда будет».

Похоронили братья отца и разбрелись кто куда. Один с ручной мельницей по деревням ходит, зерно людям перемалывает, силой своих рук кормится. Другой с барабаном в лес отправился. Взобрался на высокий дуб и давай в барабан бить. На

шум медведи сбежались. Переловил их средний брат. Одних продал и взамен лошадь купил, других приручил и стал по деревням водить, людей тешить. Так вот и жил, не тужил.

А самый младший из братьев, которому колодки с кочедыком достались, тоже в лес пошел. Облюбовал у озера липку и принялся лыко драть, оборы для лаптей вить. Вылезает из воды шайтан и спрашивает:

— Ты что это здесь делаешь?

— Веревку вью.

А шайтан снова спрашивает:

— Для чего тебе веревка?

— Да вот озеро к небу подвесить хотел, дождя давно не было.

Шайтан и говорит:

— погоди, не торопись. Я мигом, деду только скажу! — И нырнул на дно.

А в том озере старый-престарый шайтан жил. Внук и говорит ему: «Беда, дедушка! Наверху какой-то человек веревку вьет, наше озеро к небу подвесить хочет!» А дед и отвечает: «Не отдавай ему, внучек, озера. Возьми кистень, померяйся с ним силой. Кто кистень пять раз вокруг озера пронесет, тому оно и достанется».

Вынес шайтан кистень и говорит:

— Вот, дядя, кистень. Кто его пять раз вокруг озера пронесет, тому озером и владеть.

— Что ж, ладно. Давай с тебя и начнем.

Пронес шайтан кистень, чуть дышит от усталости. Передал человеку. Тот положил его на землю, а сам на небо поглядывает.

— Ты чего это? — встревожился шайтан.

А человек отвечает:

— Хочу кистень вон за то облако закинуть.

Взмолился шайтан:

— Не надо, дядя, он у нас единственный!

Поспешил он снова к деду. «Ну как дела, внучек?» — спрашивает дед. «Человек хотел наш кистень за облако закинуть, да я удержал». Старый шайтан и говорит: «Тогда вот вам конь. Пронесите его вокруг озера. Кто справится, тому и достанется озеро».

Выходит шайтан с конем.

— Давай, дядя, — говорит, — коня вокруг озера носить. Кто пять раз обернется, тому озеро и достанется.

— Ладно, — соглашается третий брат, — только ты, чур, первый.

Пять раз обошел шайтан озеро, передает коня человеку. А тот вскочил на него верхом да вмиг озеро пять раз и объехал.

Задрожал шайтан, скорее к деду спешит. «Человек сильнее меня, дедушка! Я и моргнуть не успел, а уж он коня пять раз вокруг озера между ног пронес. Как бы не забрал он у нас озеро». А старый говорит ему: «Ступай, внучек, поборись с ним. Озеро тому будет, кто слабого одолеет».

Вылезает шайтан и говорит человеку:

— Давай бороться, дядя. Поглядим, кто из нас сильнее.

А тот отвечает:

— Некогда мне. Вон за кустом мой дед лежит, поборись с ним покуда. Сейчас он задремал, наверно. Ты подойди и двинь ему в ухо. Иначе деду не проснуться.

А за кустами медведь спал. Шайтан так и сделал, как его человек научил: подошел и дал медведю в ухо. Вскочил медведь, схватил шайтана в охапку да как грохнет оземь, а сам убежал. Лежит шайтан, не шевелится. Насилу очухался.

Встал и снова к деду бежит. «Не видать нам, дедушка, озера!» — говорит. «Почему?» — спрашивает старый шайтан. «Ты еще не знаешь, какой у человека дед. Попробовал я было схватиться с ним, а он как шваркнет меня, чуть душу не вышиб! А ну как без озера останемся, что делать-то будем? Он уже кончает веревку вить». А старый шайтан говорит: «Нельзя, внучек, допустить это. Надо с человеком миром поладить. Спроси, не возьмет ли он денег».

Вылезает шайтан, просит человека:

— Что хочешь бери, дядя, только озера не тронь. Денег дадим тебе, скажи, сколько надо.

— Что ж, — отвечает младший из братьев и показывает на свою шляпу, — вот, полную насыпешь — и довольно будет.

Нырнул шайтан на дно озера: так, мол, и так. «Ну что ж, — отвечает старый шайтан, — не много он хочет. Вынеси, пусть уйдет».

Насыпал шайтан золота в шляпу, а она только наполовину наполнилась. Посылает его человек снова:

— Видишь, мало.

Пока шайтан за золотом бегал, младший из братьев выкопал под шляпой яму, а в шляпе дырку просверлил. Монеты в яму и попадали. Совсем мало в шляпе осталось. Замучился шайтан совсем, пока наполнял шляпу золотом:

— А теперь, — сказал мужик, — шляпу ко мне домой снеси. Земля под ней мне тоже понадобится, так что возьми и ее.

— Ладно, — шайтан рад услужить, лишь бы тот ушел скорей.

Взвалил он золото себе на голову и за человеком пошел. Идут они так, видят, на дороге столб стоит.

— Что это? — спрашивает шайтан.

А человек отвечает:

— То посох деда, с которым ты давеча боролся.

Идут дальше. Видит шайтан, борона лежит.

— Что это? — спрашивает.

— Гребень. Дед им бороду расчесывает.

Дальше идут, а на дороге соха валяется. Шайтан и спрашивает:

— А это что такое?

— То зубочистка дедова.

Ладно, добрались они до дому. Вошли. Человек и говорит жене:

— А ну-ка, жена, подавай гостю угощение!

Сходила женщина за вилами. Муж и давай шайтана вилами колоть. Колет, а сам приговаривает:

— Вот тебе угощение! Ешь давай! Лопай! — совсем беднягу замучил.

— Хватит! — кричит шайтан. — Сыт я, сыт по горло!

— Так ступай домой, провожу тебя с честью! — и спустил на шайтана собак.

Собаки лают, рвут шайтана на части, до самого рыла достать норовят. Шайтан насилу ноги унес. Прибежал на озеро, деду рассказывает: «Ох и натерпелся же я,

дедушка!» И поведал, что с ним случилось: «Был я у человека дома. Такого поднес он мне угощения! Угощал, угощал — чуть до смерти не закармлил. Сыт я, кричу, сыт! Тогда только и отстал. Так вот насильно и сует: ешь, говорит, ешь! А потом повел меня к порогу. «Проводите его!» — детям своим кричит. А те как насыдут на меня: «Гау-гау, сау бул, сау!» — кричат. Затормошили, затеребили совсем, насилу отбился».

А дед утешает его: «Ладно, внучек, что было, то было, зато теперь спокойно заживем».

Так вот третий из братьев богатым стал.

М.Гафури. Заятюляк и Суслу

Давно это было. В киргизских степях, в краю уйматов, правил семью своими племенами светлый хан Моркас.

Могуч был хан, велик числом народ его и довольно было у него золота и добра всякого. Но не могуществом и богатством славился Моркас, а веселыми пирами. И тем еще, что более всего на свете ценил хорошую шутку и смех.

Родила ему молодая жена сына. В честь милостивого божества, покровителя всего живущего на земле, мальчика называли Заятюляком.

Юный Заятюляк обучался всему, что положено знать ханскому сыну, что могло пригодиться ему после, когда настанет время добывать себе славу и честь. Во всем был он первым среди прочих сыновей Моркаса: лучше всех держался в седле, ловко метал копьё, ни одна стрела, пущенная им, не пролетала мимо цели. Даже в борьбе, несмотря на молодость, он не знал себе равных. Особой удальёю считалось умение охотиться с хищной птицей. И здесь Заятюляк не уступал никому.

Вместе со старшими сыновьями хана проводил юноша дни в скачках, состязался в стрельбе из лука, пропадал в степи на охоте.

Стараясь обойти друг друга в удальстве, меткости, сноровке, гордецы-братья отчаянно завидовали один другому, не прощая чужих побед. Только в одном были они единодушны — все не любили Заятюляка и не упустили случая обидеть его. Сговорившись между собой, делали вид, что не замечают его доблести. Да и как им было любить меньшого брата, если он не только ловко скакал верхом и метко стрелял, но лучше всех умел слагать стихи, играть на домбре, был к тому же пригож собой и ладен сложением?

Зато сам Моркас и его приближенные любили Заятюляка и выделяли среди других ханских сыновей.

Однажды Моркас позвал детей в просторный свой шатер. Как и должно сыновьям повелителя, юноши явились в одинаковых легких шляпах, нарядных шелковых халатах, стянутых широкими поясами. Из-за пояса у каждого торчал черного серебра кинжал в золотых ножнах. Рядом с ханом сидели прославленные беки и мудрецы.

Юноши приветствовали родителя и его свиту. Хан спросил каждого о здоровье, узнал, как проводят его сыновья дни. Он смотрел на здоровых, румяных детей своих, и лицо его светилось радостью. Решил Моркас наградить их — каждому дать по коню.

— Милые дети мои,— сказал он им на прощание,— а теперь ступайте к табунам да не забудьте прихватить с собой уздечки. Пусть каждый из вас побренчит ею. Какой конь глянет, того и берите. Не отказывайтесь, если даже он будет неказист с виду.

Обрадовались братья, поклонились отцу, забрали птиц и помчались в степь к ханским табунам. Держа в руках уздечки, украшенные золотыми бляшками, приблизились к лошадям, но брэнчать не стали, а просто увели лучших скакунов. Один Заятюляк не посмел нарушить наказ отца. На звон обернулся плохонький бело-сивый жеребчик. «Видно, это и есть мой конь»,— подумал юноша. Делать нечего, поймал он жеребчика, набросил на него уздечку и вдруг — о, чудо! — тот преобразился на глазах. Высоко вскинул голову, подобрался, и Заятюляк увидел, что перед ним добрый конь, только совсем еще молодой.

Прошло время. Велит как-то хан сыновьям собираться на охоту и выбрать птицу — какая кому по душе. Расхватили братья что получше — кто взял орла, кто сокола, кто ястреба,— ну а младшему, как всегда, подсунули плохонькую сову. И не сову даже, а совенка малого.

Стали у озера выслеживать дичь и посылать ей вдогонку обученных быстрокрылых своих ловцов. Орлы, соколы да ястребы приносили то гусей, то уток, то журавлей, а совенка Заятюляка добыл гагару. Как стрела, взвился в небо и настиг редкую птицу. После принес в когтях и сложил к ногам хозяина.

Добычу несли отцу, а он выдавал в награду за каждую убитую птицу по золотому. Гагару младшего сына Моркас заметил сразу же и отсчитал за нее десять золотых.

Удачлив был в тот день Заятюляк как никогда. Много дичи принес ему совенка. И золота отец отсыпал больше, чем другим. Как ветер, носился по степи бело-сивый его жеребчик, ставший резвым, легконогим конем. Братья не могли его обскакать, как ни старались, и зависть мучила их. Чем больше хвалил хан Заятюляка, тем больше ненавидели его братья. И задумали они известить отцовского любимца, заманить его в степь и убить там.

И вот собрались они в путь, захватив с собой шестьдесят всадников. Долго ехали. Зеленым ковром стелилась под копытами лошадей степь, в стороне оставались красивые озера, чистым серебром сверкавшие на солнце. Все дальше и дальше уходили они от ханского становища.

Остановились у озера, где было много лебедей. Выпустили охотничьих своих птиц.

Все добыли по одному лебедю, а птица Заятюляка сбита сразу восемь лебедей.

Так прошел день, охотники засобирались в дорогу. Едва успели они сесть на коней, а уж жеребчик Заятюляка мчался по степи и вскоре исчез — только его и видали! Не удалось братьям исполнить задуманное, мрачнее тучи ехали они домой.

А Заятюляк первым вернулся к отцу и получил от него много подарков. Увидев это, еще больше разозлились братья. «Сколько можно терпеть нам обиду,— говорили они,— надо поскорей избавиться от обидчика!»

Снова отправились в степь. Целый день были в пути и только к ночи приехали на дальнее озеро. Устроились на ночлег. Когда Заятюляк уснул, стали думать братья, какой смерти его предать. Одни говорили, надо утопить в озере, другие предлагали убить, а хану сказать, что конь зашиб его младшего сына копытом.

— Нет,— сказал один из братьев,— не годится нам самим проливать кровь. Будет лучше, если вобьем в копыта его коня гвозди. Конь не сможет идти. Заблудится Заятюляк в степи и пропадет.

Так и сделали. Вогнали в копыта бело-сивого коня гвозди.

А Заятюляк крепко спал в это время и не ведал, какую беду готовят ему братья. Тут явился ему во сне старик. «О сынок Заятюляк! — сказал он.— Ты спишь, а братья решили сгубить тебя и вбили в копыта твоего коня гвозди. Я научу тебя чудесному заклинанию, а ты хорошенько запомни его. Когда будет плохо — прочтешь».

Проснулся Заятюляк и пошел к коню. Смотрит, а тот чуть жив лежит. Пошептал заклинание, какому научил его во сне старик,— конь и поправился.

Утром решили братья потешиться над Заятюляком, говорят ему:

— Съезди на дальнее озеро, погляди, водится ли там дичь.

Тот как ни в чем не бывало вскочил на коня и поехал. Братья глазам своим не поверили. «Где это видано,— говорили они,— чтобы конь ходил с гвоздями в копытах? Все же придется нам, как видно, порешить Заятюляка, пока отец не посадил его вместо себя ханом». Один из братьев сказал:

— Пусть трое слуг догонят его, сорвут с коня узду с удилами да хорошенько огреют плетью. Ошалев от боли, конь понесет, и брат разобьется где-нибудь о дерево или большой камень. Так и избавимся от него.

Послушались братья, послали вдогонку джигиту троих слуг. Те, налетев сзади, сорвали с коня узду с удилами и что есть силы стегнули коня плетью.

Рванулся вперед бело-сивый конь и легче ветра полетел по степи. Семь дней и семь ночей мчался он без передышки и только на рассвете восьмого дня остановился на берегу большого озера.

С высокого берега озеро это казалось огромной скатертью, края которой терялись в белом тумане. Это был Ачылыкуль, известный людям и теперь.

Напрасно искали ханские сыновья младшего брата. Не знали они, что конь так далеко занес его. А Заятюляку не хотелось ехать назад. Решил он навсегда остаться в этом краю.

Был в том озере свой повелитель — хан Чачуар, неведомо какого роду-племени. Не то из джиннов, не то из пери. А может, сам шайтан был ему родным братом.

Была у хана Чачуара дочь красоты неслыханной. Кому доводилось ее увидеть, тут же в нее влюблялся и терял разум. Каждый день на заре выходила ханская дочь из озера и садилась на большой камень возле самой воды. Она расчесывала свои длинные прекрасные волосы и заплетала их в косы. (Люди рассказывают, будто бы камень этот до сих пор лежит на том месте и зовется камнем Заятюляка. Это кусок скалы величиной с дом, и такой ровный, что кажется, будто кто-то нарочно обтесал его. Правда, башкиры зовут его камнем Суслу, потому что здесь любила она сидеть по утрам.) Конь принес Заятюляка как раз к тому месту и в тот час, когда Суслу сидела на широком камне, опустив белые ноги в прозрачную, как серебро, воду, и прихорашивалась, глядя вниз, на свое отражение. Тень, отбрасываемая ею на озеро, в косых лучах восходящего солнца была очень длинной.

Девушка опустила длинные густые волосы на лицо, собираясь сделать пробор посередине, и не заметила, как Заятюляк подошел к ней совсем близко. Услышав за спиной незнакомый голос, приветствовавший ее, она едва не лишилась чувств от испуга и закрыла лицо руками. Никогда в жизни не слышала водяная красавица Суслу столь красивого, ласкового голоса. Она сидела, прикрывшись волосами, и от смущения не знала, как быть ей дальше.

— Никому не открыла бы я своего лица,— сказала она наконец, откинув волосы,— если бы знала, что встречу тебя.

Увидев лучезарное лицо девушки, Заятюляк онемел от восхищения и тут же навсегда отдал ей свое сердце. Словно замороженный смотрел он на Суслу, а она думала о том, как бы поскорее спрятаться от него в озеро. Но странный юноша ни на мгновение не спускал с нее глаз. Тут, словно очнувшись от сна, Заятюляк заговорил:

Мой конь примчал меня к тебе,
к моей любви, к моей судьбе.
Живая явь моей мечты,

как свет луны, прекрасна ты.
Как мне теперь найти слова?
Я замер, говорю едва.
Твое лицо светлее дня,
и слаще меда речь твоя.
Скажи хоть слово мне, Суслу.
Скажи хоть слово мне, Суслу!
Мы вышли в путь, и было нас
немало. Но в недобрый час
пришла измена. Я — один.
Мой конь летел среди равнин,
парила птица в облаках.
Моя дорога далека.
Я позабыл свое жилье,
Я имя позабыл свое.
Хоть слово молви мне, Суслу.
Хоть слово молви мне, Суслу!

Девушка Заятюляку:

Ты имя не забыл свое,
и помнишь ты свое жилье.
Твой конь летел среди равнин,
и птица пересекала высь.
Царя Моркаса младший сын,
чужого племени киргиз.
Ты — младший сын, Заятюляк,
Ты — младший сын, Заятюляк.
Твой путь далек, твой конь горяч,
за быстрой птицей мчался вскачь.
Летел, играя и шая.
О, далеко твоя земля!
Ты царский сын, Заятюляк,
сын богача, Заятюляк!

Заятюляк девушке:

Совенок мой, гроза небес,
жертве шел наперерез.
От него уйдут едва ль
и гагара, и журавль.
Налетит, ударит влет,
от такого кто уйдет?
Птица берегись и зверь...
Только что он мне теперь?
Ах, охота весела —
когти, клюв и два крыла.
Убегай и берегись,
волк и кривоногий лис,
и медведь — спасенья нет,
сверху — камнем на хребет.
Птица берегись и зверь...

Только что он мне теперь?
Что азарт и жаркий пыл?
Я давно уже забыл
все охотничьи труды,
о Суслу, дитя воды.

Девушка Заятюляку:

Оглянись вокруг, джигит.
Солнце жаркое — в зенит,
ветер носится, пыля, —
такова моя земля.
Камениста и тверда,
сгинешь — не найти следа!
Здесь тоска, как суховей,
вмиг задушит. Поскорей
возвращайся, мой Тюляк,
в край свой дальний, мой Тюляк!

Тюляк девушке:

Мой совенек, два крыла,
зоркий, быстрый, как стрела.
Чудо-птица. Но, поверь,
он не нужен мне теперь.
Аргамак, лихой скакун,
обойдет любой табун.
Стройный, гибкий. Но, поверь, —
он не нужен мне теперь.
Явь моей слепой мечты —
ты, Суслу, дитя воды.

Девушка Тюляку:

О джигит, тебе пора
в путь обратный. Пусть добра
будет дальняя дорога
и попутными ветра.
Там, в краю своем родном,
с грустью вспомнишь о былом.
Ты прими, джигит, на память
ожерелье с перстеньком.

Заятюляк девушке:

Что мне память-перстенок,
одинокства зарок?
Без тебя я буду вечно
Неприкаян, одинок.
Жизнь постыла и длинна,
нет покоя мне и сна.
Мою душу успокоит
Лишь озерная волна.
Без тебя не жить и дня.
О Суслу, услышь меня!

Мать, носившую в утробе
девять месяцев меня,
ту, что имя мне дала,
что ночами не спала,
я забыть готов, девица,
лишь бы ты со мной была.
Без тебя не жить и дня.
О Суслу, услышь меня!

Девушка Заятюляку:
Чужеземец, путь далек,
сто путей и сто дорог.
Ты подарок мой не принял —
ожерелье, перстенок.
Мой подарок, мой привет.
Что ты хочешь? Дай ответ.

Заятюляк девушке:
Старый, мудрый хан Моркас
мой отец. Его приказ
для меня закон, девица,
да, видать, в недобрый час
встретил я тебя. Дана
богом жизнь всего одна.
Только ждет меня не счастье,
а озерная волна.

Девушка Заятюляку:
Слово мне свое скажи,
все обдумай, все реши.
От земли своей, от близких
отвернуться не спеши...
Что я слышу? Там, вдали,
скачут всадники в пыли.
Пятеро. Вглядишься получше —
кто они, зачем пришли?!

Обманула красавица Заятюляка и, едва он отвернулся, нырнула в озеро. Смотрит джигит, а уж красавицы нет на берегу, только ее волосы в шестьдесят вершков длиной, извиваясь черной змеей, уходят под воду. Вот-вот скроются последние шесть вершков.

— Ах, Суслу! — вскричал Заятюляк. — Что ты со мной сделала? Ты заставила меня отвернуться, чтобы самой спрятаться на дне. Как могла ты бросить меня одного? Лучше уж утонуть с любимой в озере, чем разлучиться с ней!

И джигит бросился в воду. Он ухватился за кончик девичьих волос и вместе с ней стал быстро погружаться в озеро.

Вскоре они очутились в светлом царстве. Здесь у Суслу был хрустальный дворец. Они опустились прямо перед ним. Заятюляк все еще крепко держал девушку за волосы, хотя она умоляла его отпустить. Тогда дочь Чачуара обратилась к нему с такими словами:

Вот здесь мой дом. Постой, джигит.
Будь терпелив. Одно мгновенье —
и час любви вознаградит

твое терпенье и смирение.
Взойдет счастливая звезда,
она близка, уже мерцает.
Терпи, и ты войдешь туда,
где нам никто не помешает.

Только после этого Заятюляк освободил девушку. Она быстро вошла во дворец и заперла дверь на засов. Заятюляк остался ждать за порогом.

Много времени прошло, а дверь хрустального дворца все не открывалась. От нечего делать Заятюляк стал разглядывать дворец. Хрустальные стены его сверху были украшены жемчугами, а полы выложены редким мрамором. В прозрачных озерах, окружающих дворец, плавали разноцветные утки и лебеди, каких он никогда раньше не видел. Из глубоких чистых родников за дворцом выбивались, серебристо звеня, ручейки. И было видно, как сверкают драгоценные камни, устилающие их русла. А дальше среди пестрых берегов текли прозрачные речки. В их волнах плескались золотые и серебряные рыбки.

Наконец понял джигит, что снова обмануло его подводное диво. Видно, не желает оно приглашать его во дворец. Тогда решил он прочитать заклинание, которому научил его старик. Едва успел он договорить последние слова, как все вокруг стало меняться: ручьи и озера стали высыхать, а птицы и рыбы в них задыхаться.

Поспешили джинны и пери к своему владыке.

— О милостивый падишах! — кричали они. — Возле дворца твоей дочери сидит какой-то человек. Великий вред от него нашему царству — гибнут реки, сохнут озера! Никто не знает, как попал он в нашу страну.

Тогда хан послал к дочери гонца с таким письмом: «О дочка! Этот джигит наверняка увязался за тобой, когда выходила ты на берег. Лучшепусти его в свой дворец и хорошенько расспроси, чего ему нужно. Он не причинит тебе зла. Поговори с ним, и пусть идет себе с миром».

Прочитав послание родителя, Суслу отворила дверь. Рассерженный Заятюляк вбежал во дворец и снова схватил ее за волосы.

— Отпусти меня, джигит! — взмолилась Суслу. — Отныне я твоя. Сейчас я сообщу об этом отцу.

Послушался ее Заятюляк, отпустил волосы, и подводная царевна села писать отцу ответ: так, мол, и так, дозвожь мне выйти за человека замуж.

Встревожился Чачуар, прочитав письмо дочери.

— Как это понимать? — спросил он своих визирей. — Может ли моя дочь стать женой человека, если мы, джинны, сотворены из огня, а человек — из праха? Мы живем под водой, а они — на земле.

— О великий владыка, — ответили на это визири, — видно, такова судьба твоей дочери — быть женой человека.

И Чачуар согласился выдать свою дочь за Заятюляка. Устроил он в честь молодых великий пир. Все жители подводного царства явились на свадьбу. Так стали Заятюляк и Суслу мужем и женой.

Говорит однажды Суслу мужу:

— Давно не гуляла я в степи. Подожди меня здесь, я скоро вернусь.

Остался Заятюляк в подводном дворце один. Стал он ходить по комнатам и осматривать их. Набрел на большое зеркало. Взглянул на себя и испугался: на него смотрел человек с желтым от тоски лицом.

— Что же со мной стало? — опечалился Заятюляк. — Полюбил я водяную девушку и пожелтел совсем от любви к ней. Позабыл ради нее отца с матерью, бросил родной Туркестан!

Захотелось ему вспомнить родные места — поиграть на домбре. Смастерил Заятюляк инструмент, а тут и Суслу с прогулки вернулась.

— Какую красивую вещицу ты сделал! Поиграй мне на ней, — попросила она. Взял Заятюляк в руки домбру, заиграл и запел:

Ты, домбра моя, домбра,
стань послушна и добра!
Пой, струна, звени, струна,
будь печальна и нежна!
Подходи — веселый, грустный —
да наслушайся сполна.

Суслу часто оставляла мужа одного. Удивляло это Заятюляка, и спросил он однажды:

— О Суслу, где это ты пропадаешь?

— Я выхожу на берег в том месте, где встретила тебя, и расчесываю волосы, а потом возвращаюсь.

— А не видала ли ты там коня моего и сову?

— Они все время стоят на берегу, там, где ты их оставил, и глядят в воду. Оба исхудали совсем, — ответила Суслу.

Вздыхнул Заятюляк.

— А не могла бы ты доставить их сюда? — попросил он жену.

— Для чего тебе конь, для чего сова, когда я есть? — удивилась Суслу. — Разве не ты говорил, что забудешь ради меня одной всех — и коня, и сову, что не нужен тебе, кроме меня, никто?

Конь копытом землю бьет,
есть не ест и пить не пьет.
Без хозяина-батыра
он и с места не сойдет.
Без тебя ему невмочь,
он чужого гонит прочь.
Я помочь ему бы рада,
да не знаю, чем помочь.

Вспомнил Заятюляк заклинание старика и прочел его — конь с совенком тотчас очутились перед хрустальным дворцом. Бросился он обнимать и ласкать верных своих друзей. Конь весело заржал в ответ, а птица приветливо взмахнула крыльями. Успокоился Заятюляк. Снова в безмятежном счастье потекли его дни.

И вот однажды призывает Чачуар-хан Заятюляка и Суслу в свой дворец. Говорит им:

— Страна эта принадлежит джиннам. Вы не должны больше жить здесь, пора вам отправляться на землю. Я дам вам много золота и всякого добра.

Чачуар приказал погрузить их в хрустальную телегу и поднять на берег Ачылыкуля.

Очутившись на земле, пригорюнился Заятюляк — куда же ему деваться теперь, где жить? Смотрит, по берегу озера идет тот самый старик, которого видел он во сне.

Говорит он Заятюляку:

— Не кручинься, сынок, прямехонько ступай на Балкан-гору. Знай, она создана для тебя.

Сказала Суслу мужу:

— Милый, когда будешь подниматься на Балкан-гору, не вздумай оглядываться назад! Только раз оглянешься, все добро, что пожаловал нам отец, тут же и потеряешь.

Сел Заятюляк на коня, посадил на руку сову и, не оглядываясь, поехал на Балкан-гору.

Снарядил Чачуар-хан вслед за дочерью и зятем много телег, нагруженных добром — сундуками, полными золота и драгоценных камней-самоцветов. Послал невольниц. Большой и шумный обоз следовал за Заятюляком — ржали лошади, скрипели телеги, ссорились рабыни. За спиной то и дело раздавались резкие, непонятные звуки, но он ни разу не посмотрел назад. Так добрался до речки Айдерек, что текла у подножия Балкан-горы.

И тут непонятная тревога охватила Заятюляка. Не стерпел он и оглянулся на шум. Посмотрел назад и глазам своим не поверил — по всей степи, от самого Ачылыкуля до речки Айдерек, тянулась нескончаемая вереница одинаковых мышино-серых лошадей с черными гривами и хвостами. Повозок было уже очень много, а из озера все шли и шли новые лошади. Увидев, что Заятюляк смотрит на них, лошади стали испуганно пятиться назад и одна за другой исчезать в озере. Повозок осталось совсем немного. Хорошо, что он оглянулся, иначе вся земля, наверное, была бы заполнена серыми лошадьми, и повернуться было бы нельзя.

Поднялись Заятюляк с Суслу на гору и зажили там счастливо. В те годы на Балкан-горе водилось много дичи, не то что теперь. Весело было у Заятюляка на душе. Любил он играть на домбре и петь разные песни. Увидев, к примеру, резвящихся на приволье зверей и птиц, он сложил такую песню:

Много гор, много скал я видал. Но Балкан —
всех прекрасней и выше. Плывут облака,
чуть касаясь заросшей вершины ее,
а на склонах пологих — лесное зверье.
Вы видали слепящие вспышки зарниц,
как мерцают глаза у матерых волчиц,
маслянистые отблески змей под ногами
и стремительный бег ярко-красных лисиц?
Вы слышали оленей прерывистый зов?
Шорох зайцев под тенью столетних дубов,
дрожь земли под ногами угрюмых медведей
и волшебные трели лесных соловьев?
Ах, Балкан, Балкан-гора!
Что дожди мне и ветра,
что мне бури и пожары,
дом родной, Балкан-гора?
Места нет в родном углу
черной зависти и злу.
Что мне злоба и унынье,
если ты со мной, Суслу?

Кормит Волгу Ирмель-тау,
Мать Яика — Буер-тау.
Только выше и стройнее
дом родимый, Балкан-тау.
Человеку и орлу
вольно здесь. И я хвалу
господу воздам за счастье
быть с тобой, моя Суслу.

Так и катились дни за днями. Люди, жившие в тех краях, полюбили Заятюляка за добрый, веселый нрав, за его красивые песни. Слава о нем разнеслась далеко по свету.

Докладывают как-то джинны Чачуару:

— Зять твой стал известным человеком. Он теперь хан на Балкан-горе!

Зовет подводный владыка зятя в гости. Подняли джинны Заятюляка в воздух и мигом доставили в покои повелителя своего. Велит ему Чачуар петь и играть на домбре. Запел Заятюляк, глядя тестю в глаза:

Сладки меды и пиры,
и щедры твои дары,
падишах. Но я печален —
нет Суслу, Балкан-горы.

Приказывает Чачуар джиннам:

— Ступайте и доставьте сюда мою дочь вместе с Балкан-горой!

Принесли джинны Суслу, полетели назад за Балкан-горой, да сбились с пути — притащили совсем другую гору. Заятюляк сразу понял их ошибку и запел так:

Падишах, твои слуги сильны и верны.
Опоясав цепями, тащили они эту гору сюда.
Неужели я слеп, не замечу подмены?
Взгляни же, взгляни — разве это Балкан?
Не отыщешь нигде той горы,
что сравнится с Балкан в красоте.
В чистом воздухе тает вершина ее,
словно рыба в прозрачной озерной воде.
В чистом воздухе тает вершина ее,
словно дети, резвится в лощинах зверье.
Неужели я слеп, не замечу подмены?
И гора не моя, и жильё не мое.
В диких зарослях тускло мерцает змея,
убегает лисица, в чащобу маня.
Неужели я слеп, не замечу подмены?
И жильё не мое, и гора не моя.
Там причудлива стройных оленей игра,
реки — чище алмаза, светлей серебра.
Посмотри, падишах, неужели я слеп?
Не мое здесь жильё, не моя здесь гора.
Там привольно медведям, орлам и волкам.
Посмотри, падишах, разве это — Балкан?
Разве могут сюда перенести целый мир
и железная цепь, и свистящий аркан?

Пригорюнились Заятюляк и Суслу. Пожалел их владыка подводного царства и отпустил на землю. Вернулись они к себе на Балкан-гору и зажили еще лучше прежнего.

Долгую, счастливую жизнь провели они, пока не пришел их последний час. Так и не собрался Заятюляк побывать у себя на родине, потому что очень любил свою жену, без которой не мыслил прожить и дня. Так и прошла их жизнь между Ачылыкулем и Балкан-горой. На склоне этой горы до сих пор покоится их прах.

А.Еники. Кузнечик

В далекие времена, которые никто никогда не знал и не видел, учился в одном старом медресе мальчик-сирота. Деваться ему было некуда, вот и жил при медресе летом и зимой — ставил для учителя самовар, готовил еду. С учительского стола, глядишь, кое-что и ему перепадало. А тут еще по четвергам деревенские мальчишки кто мучицы, кто крупы горстку, кто яиц подкинет. И учитель не забывал сироту: случалось в гости куда пойти, приносил ему пропитанное мясным бульоном доньшко бэлиша. Такое лакомство, правда, доставалось не часто, но и на том спасибо!.. И все же еды шакирду не хватало. Вверх он тянулся быстро и худющий был — страх смотреть: руки-ноги как палки. Потому, наверное, и прозвали его товарищи Кузнечиком. Сирота на них за это не обижался — был он молчалив и умел терпеть.

Мало-помалу настоящее его имя все забыли, осталось одно прозвище.

Вот однажды долгая зима сменилась теплой весной, шакирды разъехались по домам. Учитель, как всегда, сунул под мышку Коран и отправился по деревням собирать подношения. Остался бедный сирота в медресе один-одинешенек.

На этот раз учитель почему-то задерживался дольше обычного. Запас еды кончился, подачки по четвергам делать стало некому. Совсем пригорюнился забытый всеми парнишка. Чем было кормиться, как жить? Голод не тетка, под ложечкой сосет — сил нет! Думал Кузнечик, думал и кое-что придумал. Выгреб из печи золу, просеял ее, насыпал в небольшой мешок и отправился в соседний аул на базар... Добрался он до базара, нашел себе местечко в ряду торговцев, поставил мешок на землю, развязал его, чтобы видели «товар», и стал поджидать покупателей. Базар между тем ширился, народу все прибывало, и вот уж то один, то другой подходит и спрашивает Кузнечика:

— Что это у тебя, сынок? Чем торгуешь?

— А это крысиная отрава, дяденька,— верное средство, бери — не пожалеешь!

А отраву для крыс деревенскому люду нужна. Мужики стали брать золу горстями. Мешок скоро опустел — вот и деньги! Купил парнишка себе кое-что из еды, да и был таков — незачем людям глаза мозолить.

Тем временем мужики, собравшись в трактире, стали спрашивать друг у друга, как крысиным ядом пользоваться... Оказалось, толком никто не знает, никому в голову не пришло расспросить мальчишку. «Эх и раззявы мы!» — ругали себя мужики. Тут один из них обратился к другому, помоложе:

— Давай-ка садись верхом да смотай на базар — все как есть у мальчика вызнай!

Поскакал крестьянин, а мальчишки уж и след простыл. Стал мужик расспрашивать, не видел ли кто, куда парнишка девался. Один человек показал, в какую сторону тот с мешком пошел. Погнался крестьянин следом. Догнал, остановил и говорит:

— Послушай-ка, братец, ты нам крысиную отраву продал, а как пользоваться, не научил... А ну-ка растолкуй!

Кузнечик, глазом не моргнув, сказал:

— Да это совсем просто, дяденька! Надо поймать крысу и всыпать порошок ей в глаза. Тут она и сдохнет. Понятно?

— Вот теперь ясно! — обрадовался парень и повернул лошадь назад.

А Кузнечик цел и невредим в аул воротился. Заботы о еде не было, и сирота стал себе жить-поживать в опустевшем медресе.

Тут вскоре пропавший учитель объявился... И вернулся не пешком, как раньше бывало, а прикатил в добротном тарантасе, запряженном резвой лошадкой. Кузнечик выскочил встречать его. Они пожали друг дружке руки. Шакирд ног под собой не чувял — так обрадовался учителю. Мигом поставил самовар, собрал на стол, любимое место учителя мягким одеялом застелил и подушку положить не забыл, чтоб удобней было.

Учитель распряг лошадь, умылся, выложил на скатерть гостинцы и устроился на одеяле, подвернув под себя ноги. Они сотворили молитву и не спеша принялись за трапезу. А перед ними чего только нет — и лепешки пресные, и баурсак¹, и курт², и мед с маслом в жестяной банке — у Кузнечика аж глаза разбежались. Такого угощения он отродясь не видел.

И учитель был в духе. Поездка оказалась на редкость счастливой: удалось выколотить хорошие денежки, да еще бай какой-то раскошелился — дал ему в долг. На эти самые деньги и купил он лошадь с тарантасом. Поведав все это шакирду, учитель сказал:

— Пора нам с тобой в путь собираться — что проку подыхать тут с голоду? Далеко на юге, в киргизских степях, есть караванные дороги — вот куда мы двинем. Там ходят большие караваны, груженные богатыми товарами. Хозяева их, купцы, народ денежный, они и подают щедрее. Но не след нам быть простыми попрошайками. Надо прикинуться святыми. Из тебя, шакирд, я сделаю ишана, а сам буду мюридом при твоей особе, — да-да, так и сделаем, с благословения Аллаха!.. Понимаешь? Где-нибудь поблизости от караванного пути разобьем шатер. Я уж и купить его успел — из настоящего шелку. Ну, чем не жилище для святого?

Кузнечик даже рот раскрыл от изумления, слушая странные речи учителя: насмехается он, что ли? Но высказать это вслух не решился. Учитель догадывался, о чем думал Кузнечик. Он спросил:

— Ну, чего молчишь, словно воды в рот набрал? Говори, что ты об этом думаешь.

— Хальфа-абзы, ты вот говоришь, что ишана из меня сделаешь. Сдается мне, ничего у тебя из этой затеи не выйдет, — сказал Кузнечик, потупив глаза.

— Еще как выйдет, если Аллах захочет! — весело вскричал учитель. — Парень ты смекалистый и суры² из Корана назубок знаешь, и внешность подходящая — вот увидишь, Аллах даст, из тебя, грязнули, такого святого сотворю — шайтан не подкопается!..

Слово учителя — закон. Хотя и не по душе была Кузнечику его затея, возражать он не стал. Учитель, не мешкая, взялся за дело: стал показывать парнишке, как положено ишану ходить, садиться, как с людьми разговаривать, как молитву творить, — словом, все, что ему знать следовало. Кузнечик освоил науку быстро.

А через неделю они уже стали собираться в дорогу. Запрягли гнедого, погрузили в тарантас одеяла, подушки, два сундука с пожитками, выдавшие виды таз с кумганом, сотворили перед дорогой молитву и, усевшись поудобней, тронулись, держа путь на юг, в сторону святой Мекки. Вот едут день, три дня, пять дней и на седьмой наконец увидели киргизские степи. Поплутав в бескрайних просторах, выбрались на дорогу. Оставалось найти стоянку. В ровной степи набрели на круглое, сверкающее, как

стекло, озерцо. Ну, чем не место? Смотреть любо!.. Обосновались не у самой воды, а поодаль, на возвышении, чтобы далеко видеть дорогу слева и справа. Да и сам шатер отсюда был заметней. Кузнечик не понимал, к чему все это, зато учитель рассчитал верно.

Итак, разбили они шатер, прикрепили к макушке зеленый флажок ишана. Покончив с этим, принялись наводить порядок в жилье: укрыли пол войлоком, поверх расстелили, сложив вдвое, мягкое одеяло, бросили на него перины, подушки, разложили священные писания в тяжелых переплетах. Одну книгу оставили раскрытой посредине. После этого учитель приступил к облачению Кузнечика: надел на него длинную — по самые колена — белую рубаху, широченные белые штаны, полосатый желто-зеленый шелковый чапан¹, на голову водрузил белую чалму из двадцати аршин бязи величиной с котел. Управившись, он сказал Кузнечику:

— Таксир², твое дело — сидеть здесь, над книгами, и листать их... Устанешь — вон подушка, можешь привалиться... Все остальное — мое дело.

Устроившись таким образом, они вскипятили чай (вода в озере, кстати, оказалась очень вкусной), потом учитель вскочил на лошадь и поехал осматривать окрестность. А Кузнечик уселся, подобрав ноги, за низенький стол и принялся за работу. Долго кружил учитель по степи, но не встретил ни души — ни человека, ни зверя. И на дороге не видно было никого. «А может, здесь уже не ездят?» — подумал учитель, но решил не торопиться. Поднявшись на небольшой холм, он стал всматриваться в даль. Тут ему показалось: на самом горизонте колышется что-то... Учитель стал терпеливо ждать. Время шло, день мало-помалу угасал, и вот стало видно, что по дороге неторопливо шагает вереница верблюдов. Учитель повернул лошадь и во весь опор помчался к шатру. А там Кузнечик, скинув чалму и чапан, сладко спал на перине.

— Эй, дурень, вставай! — закричал учитель, вбегая. — Нашел время дрыхнуть! Караван идет сюда! Одевайся живо да садись к столу! Купцы обязательно придут, готовься к встрече.

А сам вышел наблюдать за караваном. Верблюды были уже недалеко. Похоже, шатер заметили. Два всадника отделились от каравана и стали приближаться. Подъехали, спешили, поздоровались. Учитель низко им поклонился. Все трое, присев, сотворили молитву. Гости спросили вежливо:

— Не скажете ли, добрый человек, кто здесь живет?

Понизив голос, будто открывал невесть какую тайну, учитель поведал, что живет здесь известный на всю округу ишан.

— Но почему в степи? — удивились незнакомцы.

— Ишан-хазрет¹, — пояснил учитель, — ушел от мирской жизни, чтобы приблизиться к Аллаху. В глухой степи он день и ночь творит молитвы...

— Вот оно что, — промолвили незнакомцы смиренно. — Ну а сам ты кто будешь?

— Я — мюрид святого ишана, — сказал учитель и подождал, не добавят ли гости еще чего. Но те молчали, видимо, озадаченные услышанным. Тогда он сам принялся расспрашивать их, кто они, откуда и куда путь держат. «Проводники каравана, — отвечали всадники, — везем товар из такой-то страны в такую-то...»

— Счастливого вам пути, да убережет вас Аллах от бед и несчастий, — пожелал им учитель, оглаживая черную бороду.

Всадники поблагодарили, приложив руки к груди, и поспешили прочь, чтобы рассказать новость хозяевам.

Учитель вернулся в шатер.

— А, сидишь? Вот и хорошо,— похвалил он Кузнечика.— Так надо, таксир. Только чалму поглубже нахлобучь — не свалилась бы ненароком... Скоро купцы явятся, попросят благословения. Ты не отрывай головы от книги, говори поменьше, а молитвы читай подольше. Понял?

Кузнечик кивнул. Он уже устал сидеть за низким столом. Ему бы в степь, на волю, побегать бы в свое удовольствие, но надо терпеть: учитель не посмотрит, что ты ишан, такую трепку задаст — только держись! Туго скрученное полотенце у него всегда наготове — под подушкой...

Когда учитель вышел из шатра, верблюды уже стояли. Два человека направлялись к нему. Судя по одежде, то были купцы, хозяева каравана. Учитель присел на камень и стал поджидать их. Подошли, поздоровались, присев, сотворили молитву. Потом спросили:

— Эфенди, узнав, что этот шатер принадлежит святому ишану, мы очень удивились и обрадовались. Не согласится ли столь священная особа дать нам свое благословение? Мы хотели бы поклониться ему.

— Милости просим! Вижу, намерения ваши святы. Но раньше чем впустить вас к ишану, мне нужно узнать, согласится ли он. Подождите немного.

В шатре он шепнул Кузнечнику:

— Пришли! Смотри же не трусь. Сиди себе да гнусавь молитвы, кое-где можно и погромче прокричать — пусть послушают. Я попридержу их малость.

Выйдя к гостям, он объявил:

— Ишан-хазрет занят чтением священной книги, придется, эфенди, немного потерпеть.

Купцы стали покорно ждать, коротая время за расспросами о здоровье святого, о его житье-бытье. Через некоторое время учитель просунул голову в шатер.

— Теперь, братья, можно войти,— сказал он,— только не задерживайтесь слишком долго — ишан-хазрет сегодня весь день провел за молитвами и, похоже, утомился.

Купцы оставили башмаки у входа и упали на колени. Ползком добрались до ишана и уткнулись лбами в пол. Не поднимая головы, они просили святого дать им благословение. Кузнечик простер над ними руку с четками и, тихонько раскачиваясь, стал читать долгую молитву. Проведя ладонями по лицу, он принялся степенно расспрашивать путников о поездке, привел из Корана несколько выдержек о том, что торговля — богоугодное дело, напомнил, что пророк Аллаха Магомет тоже был купцом. Гости с почтением внимали каждому слову праведника, а когда он кончил, вынули из карманов и сложили к его ногам деньги. Потом поцеловали ишану руку. Тот пожелал им успехов в торговых делах, изобилия товаров, а также здоровья и благополучия. На прощание прочитал еще одну длинную молитву. Хозяева каравана, отвешивая земные поклоны, попятились к выходу.

Проводив их, учитель бросился к Кузнечнику.

— Ну как? — закричал он, вбегая.

Кузнечик раскрыл ладонь и показал ему две большие золотые монеты. Учитель счастливо засмеялся...

В ту ночь учителю было не до сна. Ему не давала покоя засевшая в голову мысль: показать бы караванщикам чудо, сотворенное святым. Прошел час, другой, а он все думал, думал. О, как нужно чудо! Вот когда слава об ишане разлетелась бы по свету!

Солнце скрылось далеко за горизонтом — степь быстро погрузилась в темень, а на небе, пугливо сбившись в стада, подобно киргизским овцам, мерцают звезды. Луны

еще нет, она доживает последние дни и всплывет не скоро, потому и ночь непроглядная такая.

Учитель вышел из шатра и стал прислушиваться. Ни звука вокруг. Видно, успокоенные молитвами ишана люди забыли об осторожности — караван спал. Учитель решил дождаться полуночи — сон в эту пору самый крепкий.

Стояла глубокая тишина, которая, казалось, ничем не была потревожена с начала мироздания... Осторожно ступая, учитель пошел к озеру. В крошечной тьме он видел как кошка, а потому вышел прямо к лагерю. Здесь все было объято сном, лишь изредка какой-нибудь верблюд принимался лениво пережевывать жвачку или лошадь хрупала овес. Учитель замер, вглядываясь в черноту, потом тенью прошмыгнул между лошадьми и верблюдами. Возле шатра, разбитого несколько поодаль от других, он различил двух коней. Он дал им по краюхе хлеба, отвязал и тихонько увел за собой. С неба упала звезда, прочертив светлую полосу. В стане караванщиков по-прежнему все было тихо.

В шатер учитель вернулся лишь перед рассветом. Без всякой учтивости он растолкал сладко спавшего святого:

— Эй, хватит спать! Тебе бы только дрыхнуть... Ишану не пристало так себя вести! Сходи-ка до ветру, надень чапан с чалмой да садись к столу. Мне сказать тебе кое-что нужно.

Кузнечик не смел ослушаться, быстренько сбегал за шатер, завернулся в чапан, нахлобучил чалму и, подсев к столу, приготовился слушать.

— Вот что,— начал учитель,— скоро сюда придут караванщики и попросят тебя погадать на священной книге. Сегодня ночью у них увели двух дорогих коней. Ты должен «отыскать» пропажу.

— А как?

— Говорю же тебе — по священной книге, тупица!.. Выслушай меня сперва! — И он подробно рассказал, какой масти эти кони, в какую сторону их увели, сколько верст до того места, где их спрятали. А потом добавил:

— Смотри не напутай — слово в слово купцам все перескажешь, глядя в книгу. Будто она по воле Аллаха сама раскрыла тебе тайну, понял?..

— Понять-то я понял, да только вдруг в том месте, о котором ты говоришь, нет никаких коней? Ведь ты, хальфа-абый, тоже не провидец.

— Делай как тебя учат, глупец! А будешь задавать дурацкие вопросы, я не посмотрю, что ты ишан... Избранник Аллаха, посвященный в таинства, недоступные темному люду, творец чудесных деяний — вот кто ты такой, заморыш!.. Вон под носом у тебя черная книга лежит, твое дело — листать ее, а как явятся купцы, раскроешь зеленую.

Наставив таким образом Кузнечика, учитель вышел из шатра и стал ждать. В лагере тем временем пробудились, началась возня, послышались крики. Вскоре три человека направились к шатру.

Учитель приоткрыл полог и предупредил Кузнечика:

— Идут!.. Да не торчи ты как шест, пригнись маленько! И глаза чтоб в книге были!..

Наконец те трое вошли, громко поздоровались, учитель любезно им ответил. Тут один из них — плотный, хорошо одетый человек, учтиво заговорил, не роняя, однако, своего достоинства:

— Эфенди, у нас дело к ишану-хазрету. Узнайте, пожалуйста, не согласится ли он выслушать нас.

— Ишан-хазрет не совсем здоров сегодня,— сказал учитель подумав,— и все же я передам ему вашу просьбу. Вы, эфенди, подождите немного.

— Хорошо, мы подождем.

Учитель придирчиво, с головы до пят, оглядел Кузнечика и, выждав немного, вышел.

— Ишан-хазрет согласен принять вас. Милости просим!

Войдя, караванщики упали на колени, коснулись лбами пола. Ишан-хазрет сидел, склонившись над священными письменами, словно бы отрешившись от мира и не замечая посторонних. Лишь спустя некоторое время он глянул на них из-под чалмы. Не говоря ни слова, воздел руки с длинными четками, долго читал молитву, потом сказал:

— Вижу по лицам вашим, рабы Аллаха, большая беда привела вас ко мне. Говорите!

— Вы правы, таксир! — воскликнул хозяин каравана, отвечивая глубокий поклон.— Сегодня ночью пропали лучшие наши кони. Думаем, тут замешаны дурные люди. Заклинаем вас, таксир, посмотрите, что сказано об этом в священной книге.

— Велико ваше горе, Аллах да ниспошлет удачу! Я не могу отказать вам в просьбе, братья, заглянем-ка в священную книгу. Если есть на то воля всевышнего, она не обманет нас.

С такими словами ишан вытащил из груды книг ту, что была в зеленом переплете. Воздав хвалу Аллаху, раскрыл ее на первой попавшейся странице и принялся читать, бормоча себе под нос. Через некоторое время он прервал чтение и спросил:

— Один из коней был темно-сивой масти, а другой — гнедой?

— Да, таксир, так, совершенно верно, темно-сивой и гнедой.

Ишан снова склонился над книгой и долго бормотал что-то, покачиваясь. Наконец он возгласил:

— Священная книга открыла мне: коней ваших злоумышленник похитил перед рассветом. Когда начало светать, он, боясь, что его поймут, привязал коней к дереву, что одиноко растет в ложбине. Видно, ждет темноты, чтобы увести их... Если поторопитесь, найдете пропажу.

— А где искать нам эту ложбину, таксир?

— Идите в сторону магриба... Если встанете спиной к восходящему солнцу и пойдете вперед, придете куда надо.

— А далеко ли отсюда то место, таксир?

Кузнечик прикинулся, будто не слышал вопроса, а сам пытался вспомнить, что же говорил об этом учитель. Восемь или восемнадцать верст, будь они неладны? Впрочем, кто здесь измерял расстояния? Ладно, хватит с них сказанного, пусть убираются!

Он прокашлялся и сказал:

— Счастливого вам пути, братья! Да хранит вас всевышний от новых бед, аминь!

— Спасибо, таксир, большое спасибо!.. Да исполнится все, как вы сказали!.. Только вот... о той ложбине...

— Побегите — так живо доберетесь! — бесцеремонно отрезал ишан и с сосредоточенным видом принялся перебирать четки.

Купцы, стоя на четвереньках, как по команде, ударились лбами о пол, потом, дотянувшись до стола, высыпали перед ишаном золотые рубли. С озабоченными лицами выбрались они из шатра и торопливо зашагали к каравану. Учитель с Кузнечиком видели, как четыре всадника поскакали в направлении магриба.

Когда пропавшие лошади были найдены, караван продолжил свой путь. В открытой степи еще долго было видно, как все дальше и дальше уходила, неторопливо покачиваясь, вереница тяжело навьюченных верблюдов.

Учитель оказался прав: после «чуда» с лошадьми молва об ишане у озера разлетелась далеко — вот это святой так уж святой!.. Вот кому дано творить чудеса!.. Вах-вах-вах! Видно, для него не существует тайн. Сам Аллах направляет его ум и помогает ему.

Теперь не было случая, чтобы караваны, проходя мимо озера, не останавливались. Купцы, проводники, погонщики толпами валили к шатру, падали перед ишаном на колени и сыпали, сыпали золото и серебро. Тонкая шея Кузнечика нестерпимо уставала под тяжестью огромной чалмы, во рту пересыхало от нескончаемого бормотанья молитв, свинцовой тяжестью наливались руки. Временами ему хотелось вскочить, пинком опрокинуть стол, швырнуть на пол чалму, а безмозглых баранов, ползавших перед ним на коленях, выгнать вон. Но... учитель не дремал, учитель не спускал с него глаз.

Но вот однажды к озеру подъехало несколько вооруженных всадников. Учитель в это время хлопотал возле шатра. Увидев неизвестных, он не на шутку испугался: уж не разбойники ли? И только благородный вид одного из всадников немного успокоил его.

Человек в дорогих одеждах поздоровался не сходя с коня, учитель же склонился перед ним, приложив руку к сердцу.

— Скажите, почтенный, не это ли шатер святого ишана? — спросил незнакомец.

— Да, это и есть его молельня, — ответил учитель. — А вы кто будете, высокочтимые путники, из какой страны?

— Мы — посланники падишаха, — сказал всадник. — Нам необходимо видеть самого ишана-хазрета.

— А по какому делу? — осторожно поинтересовался учитель.

— Нам велено передать ишану-хазрету приветствие от великого падишаха и доставить его святую особу ко дворцу.

— Ах, вон даже как, — проговорил учитель задумчиво. — Позвольте узнать, по какому поводу вы решились беспокоить святейшего?

— Такова воля падишаха... Вы не волнуйтесь, вреда мы ему не причиним, а когда прибудем на место, во дворце его ожидают высокие почести.

— Ладно, я пойду и передам все это ишану-хазрету. Вас позову чуть позже. Не обижайтесь, ишан-хазрет в эту пору всегда занят молитвой и без предупреждения никого не принимает.

Сказав так, учитель низко поклонился посланнику падишаха и скрылся за пологом. Он опустился возле Кузнечика на колени и зашептал ему на ухо:

— Счастливчик ты, шакирд!.. Сам падишах чужедальной страны прислал за тобой своих людей.

— Из какой это еще страны? — встревожился Кузнечик. — Нет, никуда я не поеду, я назад в Тарапуш хочу!

И горячие слезы полились у него из глаз. Учителя это рассердило:

— Что еще за причуда?! За тобой, ничтожеством, падишах верных своих слуг присылает, а ты нюни распустил. Нет, ты поедешь с ними!.. В нищую деревню мы всегда успеем... И заруби себе на носу: тебя, грязнулю, неспроста вызывают, выходит, слава о тебе докатилась до далеких стран. Если нам с помощью Аллаха удастся завоевать доверие падишаха, мы с тобой будем утопать в роскоши и довольстве... Ну, хватит! Вытри-ка поскорее слезы да не хлюпай носом... Я сейчас позову к тебе посла.

Сиди прилично, как полагается ишанам... Много не болтай, не подумав, не отвечай... Скажи, что ты не можешь отклонить высочайшее приглашение... Вот так... Смотри у меня!

Учитель поправил на Кузнечике чалму, сунул ему в руки четки и торопливо вышел.

Посол уверенно ступил в шатер. Поверх роскошных одежд на боку у него висел ятаган. Он поздоровался, прошел к ишану и опустился на колени. Оба, воздев руки, сотворили молитву. Посол важно объяснил, кто он, откуда прибыл, передал от своего повелителя привет и приглашение приехать в его страну. На это несчастный ишан отвечал устало:

— За внимание и честь, оказанные нам, падишаху большое спасибо, да ниспошлет ему Аллах здоровья и хранит его страну. Но что за дело у него к нам?

— А это узнаете после, падишах сам выскажет вам свою просьбу,— ответил посол,— нам велено лишь доставить вас.

Ишан опустил голову и долго молчал, задумчиво перебирая четки, потом сказал:

— Я всего лишь раб божий, бежал от суеты бренного мира, от людей, забывших о смерти, посвятил себя святым молитвам, и я ни за что... я... по собственной воле никогда не прервал бы своих занятий, но отклонить просьбу падишаха, который оказал нам честь, пригласив в царственный дворец, и прислал за нами своих людей, я не смею. Итак, досточтимый посол, я готов отправиться вместе с вами в далекое странствие. А теперь позвольте мне помолиться перед дорогой всевышнему и отдать распоряжения моему мюриду...

Закончив речь такими словами, ишан-хазрет воздел руки и, закрыв глаза, долго молился. И посол, очень довольный тем, что удалось получить согласие святейшего, принялся творить благодарственную молитву. Потом он положил перед ишаном кошелек, туго набитый золотом, и вышел.

Тотчас появился учитель.

— Ну как? — спросил он.

— Да уж все по-твоему вышло, хальфа-абзы,— грустно сказал Кузнечик.

— Ну и хорошо, молодец! Теперь в путь! Чуешь, куда дела наши повернули?

Шутка сказать — едем к самому падишаху во дворец!

Они убрали шатер, свернули флажок, связали объемистые книги, погрузили в тарантас одеяла и подушки, запрягли лошадь и, не мешкая, пустились вслед за всадниками. Кузнечику было нелегко: каждую минуту он должен был помнить о священном своем сане. Приходилось останавливать лошадей почти у каждого водоема, встречавшегося на их пути, для совершения омовения перед намазом. Там, где не было воды, он обходился песком. По этой причине продвигались медленно.

Дорога сначала шла бесконечной степью, потом степь сменилась знойной пустыней. Лишь на восемнадцатый день вдали показалась столица того царства, куда они ехали. Через городские ворота тарантас вкатил их в узенькие, кривые улочки города и, попетляв по ним, вывез к небольшому нарядному дворцу в глубине прекрасного сада, где журчали прохладные арыки. Дворец по велению падишаха был специально приготовлен для ишана-хазрета.

Кузнечика под руки бережно сняли с тарантаса и отвели в покои, украшенные дорогими коврами и золотыми светильниками. Его встретили слуги, одетые в шелка и атлас.

Доставивший их посол обратился к ишану:

— Таксир, отдохните после долгого пути и подкрепитесь... Падишах в свое время придет за вами.

Посол откланялся, а слуги тотчас принялись готовить на ковре трапезу: в золотых и серебряных блюдах принесли шашлыки и кебабы из дичи, всевозможные яства и диковинные плоды, изысканные вина в серебряных сосудах с узкими горлышками и большое блюдо с чудесным пловом. При виде такого великолепия у Кузнечика с учителем разгорелись глаза, но они, не подавая вида, устроились на шелковых подушках и, засучив рукава, принялись неторопливо руками, как это принято на востоке, есть плов. Оба были голодны как волки, но Кузнечнику приходилось сдерживать свой аппетит, ведь святому не годится быть рабом собственного чрева и есть он должен лишь для поддержания плоти. А учителю что, он — грешный человек, ему позволено есть сколько угодно, потому-то он и умял огромное блюдо плова почти один.

Плов Кузнечик запил фруктовым напитком, а учитель — вином. Полакомившись плодами, они наконец насытились.

Учитель и Кузнечик с наслаждением развалились на подушках, поглаживая животы. Учитель сказал:

— Ну вот, шакирд, ты и райские лакомства отведал, какие тебе и во сне не снились... Предаешься лени на шелковых подушках... А за что тебе все это? Уж не за двадцать ли метров бязи, которые ты намотал себе на голову? Падишах — тут и думать нечего — приготовил для тебя хитрое испытание. Ну и что ты станешь делать, если рядом не окажется такого советчика, как я?..

— Уж и не знаю, хальфа-абзы!

— «Не знаю» — не ответ... Просьбу падишаха не выполнить нельзя, помни это!

— Ну и что же мне делать? Если не под силу будет решить его задачу, скажу все как есть: так, мол, и так, никакой я не ишан...

— Ну и болван же ты, экую чепуху несешь! — вскричал учитель. — Только ляпни такое — тебя выволокут из дворца и повесят на первом же тутовнике... Ну уж нет, ты, паршивец, не спеши протягивать ноги, не для того мы тащились сюда через пустыни! Не забывай, что еще я есть на свете!.. Пусть услышат оба твои уха: для падишаха ты — все тот же святой ишан. Твое дело — сыпать суры из Корана, воздевать руки, творить молитвы да благословлять — и все... Ну а если падишах даст тебе трудное задание, скажи вежливо, смиренно: мне, мол, о великий, для исполнения вашей воли необходимо вернуться к себе и полистать священную книгу. Понял? Во всем на священную книгу ссылайся... А уж здесь мы с тобой не спеша все и обмозгуем. Глядишь, и распутаем узелок с помощью Аллаха. Вот эта голова еще ни разу не подвела нас, Аллах даст, и теперь выкрутимся.

Тут в дверь постучали, и вошел посол. Почтительно поклонившись, он сказал, что прибыл за ишаном-хазретом, дабы препроводить его во дворец к падишаху. Сердце Кузнечика замерло от страха. Но учитель вел себя как ни в чем не бывало. Он расторопно вскочил, как и положено мюридам, помог ишану подняться, подал ему чапан, четки и под руку вывел из дома. Идя рядом, он шепнул Кузнечнику на ухо:

— Смотри же держись крепко, не раскисай!

К хазрету подвели ослика, сбруя и седло которого были богато украшены серебром, а на шее висел золотой колокольчик. С двух сторон к ишану были приставлены конные телохранители. Так и отправился он во дворец. Учитель остался ждать Кузнечика.

Перед дворцом ишана сняли с седла и под руки ввели в пышно убранный зал, в котором падишах принимал обычно иноземных послов. Гостя усадили в мягкое кресло, обитое зеленым бархатом. В дверях по обе стороны зала тотчас показались визирь и другие важные сановники падишаха. Они заняли места согласно их положению. Вскоре где-то в глубине дворца заиграли трубы — все, кто был в зале, поднялись и замерли. Стало очень тихо. Один лишь Кузнечик, утонувший в подушках глубокого кресла, остался сидеть. Вот створки огромной резной двери в центре зала, богато украшенной золотой чеканкой, неслышно, будто сами собой, распахнулись, и, сверкая драгоценными одеждами, вошел падишах. Его сопровождал главный визирь с белой, как снег, бородой. Повелитель неторопливо прошел к золотому трону, который стоял посреди зала под атласным балдахином. Тут же у трона с двух сторон встали стражники с булавами в руках.

Сел падишах — все опустили на свои места. Тут ишан-хазрет воздел руки и, покачиваясь, принялся читать длинную молитву. Кончив, он провел ладонями по лицу. Падишах и все, кто был в зале, последовали его примеру. Хозяин обратился к гостю с приветливыми расспросами о здоровье, поинтересовался, хорошо ли он перенес трудное путешествие, поблагодарил за согласие приехать и под конец сказал так:

— Вам, верно, уже ведомо, таксир, что неизвестные грабители унесли из моего дворца много ценностей. Среди них перстень, которым я особенно дорожу, ибо получил его в наследство от родителя. Я обращался ко всем знаменитым в этих краях магам с просьбой найти воров, но никто из них не смог мне помочь. Узнав, что вы прославились в народе как святой, умеющий творить чудеса, я решился вызвать вас из далеких земель. Если все, что рассказывают о вас, правда, вы, без сомнения, наведете нас на след злоумышленников. И тогда я назначу вас своим главным визирем. Вот так... Ну а если вы окажетесь невежественным самозванцем и плутом, надувающим добрых людей, придется на площади при всем народе отрубить вам голову. Думаю, вы поняли меня, таксир?

— Да, понял, — промямлил Кузнечик чуть слышно.

Что и говорить, слова падишаха, который начал так ласково, а кончил круто, нагнали на Кузнечика страху. «Ох, пропал я!» — подумал он и уж хотел было броситься к двери, но, вспомнив наказ учителя, постарался овладеть собой. Долго сидел он закрыв глаза, перебирая с отрешенным видом четки, будто слова падишаха не возымели на него действия. Потом заговорил степенно:

— Великий падишах, я не в силах выразить вам свою благодарность за милостивое внимание и почтение, которыми вы меня окружили, однако должен сказать, что я не маг и не колдун. Я — ничтожный раб Аллаха, посвятивший себя святым молитвам. Разум мой слаб, и говорить я могу лишь то, что Аллаху будет угодно внушить мне. Для этого я должен удалиться в уединенное место, где бы меня не беспокоило ничто, даже крики петухов. Поэтому я нижайше прошу, великий падишах, позволить мне удалиться от мира и дать три дня срока. Если Аллаху будет угодно, думаю, за три дня он наставит мой разум с помощью священной книги.

Кузнечик, разумеется, неспроста заговорил об уединении: в глубине души он надеялся, что оттуда им удастся спастись бегством.

Падишах внял его просьбе и приказал визирям подыскать для ишана с его мюридом убежище вдали от города, куда бы не доносился крик петухов.

Такой дом был найден. Кузнечика с учителем доставили туда. Для них была приготовлена еда на три дня, от слуг ишан отказался, говоря, что беседовать с Аллахом ему удобнее наедине.

Когда их оставили вдвоем, Кузнечик с учителем стали ломать голову над задачей падишаха. Как найти проклятых воров? Кузнечику это дело казалось безнадежным — ведь даже известные маги и колдуны не смогли справиться с ним! Он решил не мочить себе голову, все равно через три дня придется расстаться с ней. Пусть учитель пошевелит мозгами, ему голова нужнее — сундучок-то почти доверху полон золотых монет, которые собрал для него Кузнечик.

А учитель и в самом деле крепко задумался, есть и спать перестал. Казни он не боялся (ведь голову отрубят не ему, а «ишану»), зато мечтал через «ишана» войти в доверие к падишаху, сделаться придворным... И нужно для этого не так уж много — найти притаившихся где-то поблизости воришек, только и всего... В задумчивости он не замечал, как то стягивал с себя тюбетейку, то снова надевал ее.

Наконец хитроумный план созрел. Учитель продиктовал Кузнечику следующее: «По приглашению падишаха в столицу прибыл прославленный на весь Восток своей святостью пророк ишан- хазрет. С помощью священной книги ему предстоит раскрыть злоумышленника, ограбившего сокровищницу падишаха. В случае, если вор сам вернет украденное золото и перстень с печаткой падишаха, оставленный повелителю в наследство отцом, ишан-хазрет берется сохранить ему жизнь. Если же грабитель не вернет украденного, он все равно будет пойман и предан самой суровой каре. Он должен явиться не позже чем на вторые сутки после оглашения сей грамоты. Поспешите, о вор, пасть на колени перед святым ишаном!.. Он не оставит тебя своим милосердием».

Заставив Кузнечика переписать эту бумагу несколько раз, учитель поспешил на базар. Он знал: по обычаям той страны, чтобы обнародовать указ правителя или другую важную грамоту, трубачи созывают жителей на площади города, а потом особые люди с громкими голосами — глашатаи зачитывают их. Услугой этих самых глашатаев учитель и намерен был воспользоваться. Он обежал все площади и заставил зачитать свое обращение к горожанам. Несмотря на усталость, он вернулся в домик на окраине весьма довольный собой. А Кузнечик тем временем беззаботно спал, посапывая.

— Это еще что такое? — закричал учитель, толкнув спящего «ишана» ногой. — Я, как собака, высунув язык, рыскаю по всему городу, а ты, как всегда, дрыхнешь! Вижу, ты совсем от рук отбилась, парень!

— Не сердись, хальфа-абзы, это я от горя,— оправдывался Кузнечик, протирая глаза.

— Что это за горе у тебя?

— Да как же, пропадает ведь моя головушка!.. Хотел забыться немного, вот и прилег.

— Ты давай-ка не торопись с головой расставаться! Хоть и глуповата она у тебя, а все же ей лучше на месте быть... Ты думаешь, чего ради бегал я целый день? Вот уж и трубы отгремели, и народ, сбегавшись, услышал наше обращение. Теперь оно крепко засело в котелках местных олухов. Аллах захочет — все это послужит нам на пользу. Сдается мне, что в этом деле не один вор замешан. Их, скорее всего, было двое, а то и трое... Услышав глашатаев, кто-нибудь из них обязательно придет. Вот увидишь. Прибежит спасать свою шкуру и товарищей не пожалеет!..

— Верно ли ты говоришь, хальфа-абзы, ведь такой трус вряд ли пойдет грабить падишаха? Что-то не верится,— усомнился Кузнечик.

— Да что ты в этом понимаешь, птенец из медресе? Как воровать — тут всяк герой, а как ответ держать — куда и храбрость девается. Отвага и трусость, таксир, всегда в

человеческом сердце рядом. Вот подождем. Вовек не видать мне дочери падишаха, если кто-нибудь не прилетит к нам, как мотылек на огонь!

Удивительное пророчество учителя сбылось в тот же вечер. Воров в самом деле было трое. Услышав новость, они сильно встревожились. Стали между собой совет держать: как быть? Что предпочесть — золото или жизнь? Самый трусливый из них предлагал, не мешкая, снести все золото ишану. Другой, похитрее, советовал не торопиться: сперва надо, мол, узнать, что за гусь эта знаменитость. Грозится найти нас по книге! Поглядеть бы, на какой это странице в ней про нас написано. Наконец третий вор, самый решительный из всех, вызвался ночью сходить к домику ишана.

В тот час, когда опустели базары, закрылись магазины и чайные, город постепенно угомонился, вор отправился на поиски жилища ишана. Шел он, пока не пришел к одинокому дому на глухой окраине города. Ни звука вокруг, ночь темна, только окошко светится. Вор вдоль стены неслышно подкрался к окну.

А учитель с Кузнечиком не дремали, давно поджидали ночного гостя — один у порога, другой в комнате.

Прячась за стеной, вор вытянул шею и осторожно заглянул в окно. Видит, посреди комнаты за низким столом сидит, покачиваясь, человек в чалме и чапане, читает толстую книгу. Так это и есть ишан-хазрет? Тут учитель за дверью чуть слышно кашлянул: «кхм». Вор его, конечно, не слышал. А ишан-хазрет, не отрывая глаз от книги, сразу же принялся бормотать что-то. Все громче, громче, а потом, вскочив на ноги, закричал во все горло:

— Явился! Один явился!

Вор затрясся от страха. «Узнал про меня! Книга выдала! О, здесь шутки плохи!» — думал он, удирая во все лопатки. Примчался к своим и выложил все, что видел и слышал. Пригорюнились воры. Двое готовы были тут же идти с золотом к ишану, но тот, что был похитрее, сказал, что хорошо бы еще разок испытать праведника, так ли уж он всемогущ. Как?.. Да хотя бы теперь же пойти к его дому вдвоем.

Приходят, а в окне по-прежнему огонь горит, ишан все сидит над книгой. Воры, затаившись под окном, ждали, что же будет. Учитель на этот раз дважды кашлянул за дверью. Святой сначала сидел тихо, покачиваясь и шепча что-то себе под нос. Но вот он сорвался с места, замахал руками, ногами и завопил:

— Двое пришли! Двое!!

Воров от окна словно ветром сдуло. Лишь отбежав далеко, они перевели дух.

— Плохи наши дела,— решили они,— нет нам спасения от бесноватого ишана! Надо бы поскорее избавиться от золота — голова-то дороже!

Но когда они вернулись к себе, третий, хитрец, опять говорит:

— Зачем же все возвращать? Давайте для начала отнесем один только перстень. Разве не было сказано, что перстень для падишаха всего дороже?

После долгих споров так и решили. А между тем хочется им еще разок испытать провидца — неужели и вправду найдет пропажу? В ту же ночь отправились они к ишану втроем. А тот все еще сидит над книгой. Только подкралась к окну — он уже ждет их, начал скакать по комнате и кричать:

— Все трое явились! Все трое!..

Он высоко вскидывал длинные ноги, широкие шальвары так и трепыхались на нем. Бросили воры перстень в окно и пустились наутек, только земля дрожала от дружного их топота.

Учитель вбежал в комнату, глаза его сияли:

— Ну, что я говорил?!

Кузнечик протянул ему перстень.

— Вот, в окно кинули.

— Хорошо, очень хорошо! — учитель довольно потирал руки.

— А золото не принесли... — сказал Кузнечик.

— Наплевать на золото! С нас и этого хватит.

— А если спросит падишах?

— Не спросит, богатства у него и так немало... Сколько же в перстне весу? Ох и тяжелый, шайтан!

А Кузнечик знай свое тянет:

— И воров мы не поймали, хальфа-абзы, что скажу падишаху?

— Ну, ну, цыпленок, не распускай нюни!.. Не забывай, что я есть на свете! Вот увидишь, завтра падишах упадет при виде перстня!

— Это как же?

— Утром узнаешь... А теперь давай-ка попьем с тобой чайку с молоком и изюмом.

Так прошла и эта ночь. Начало светать. Кузнечик сладко уснул под шелковым одеялом, а учитель, взяв перстень, отправился к дворцу падишаха.

При дворце был огромный сад. В нем росли диковинные деревья, благоухали редкие цветы, на солнце сверкали озера, журчали прохладные родники. Каких только птиц не было там!.. От самых маленьких, с мизинец, до огромных, с теленка... Сад был наполнен их трелями, щебетом, криками. Но как попасть в этот райский уголок, ведь стены неприступны? Учитель долго ходил вокруг, пока не заметил арык, вытекавший из-под стены. Недолго думая, он нырнул в него и, загребая под водой руками, стал пробираться против сильного течения. Очутившись в саду, он укрылся за широким стволом какого-то дерева. Отсюда удобно было наблюдать за птицами. До лебедей и уток в озерах ему не было дела, внимание его привлекали птицы, ходившие по земле, — чем крупней, тем лучше...

Важно вышагивая, к нему приблизились несколько страусов. Учитель остановил выбор на одном из них, на голове которого не было перьев, — он выделялся среди других могучим видом. Учитель достал из кармана перстень, тщательно облепил его хлебным мякишем и подкинул страусу. Птица тотчас проглотила его. Учителю этого только и надо было. Он снова залез в арык, нахлебавшись воды, кое-как выбрался из сада и поспешил назад.

А Кузнечик тем временем проснулся и, увидев, что в доме он один, испугался. «Куда это хальфа-абзы ушел?» — подумал он. Ему показалось, что учитель сбежал. Он заглянул под перину, где учитель прятал свой сундучок, и успокоился немного: деньги на месте. Нет, решил парнишка, что-что, а золото хальфа-абзы не оставит, не такой он человек!

В самом деле, на пороге вскоре показался учитель. Он сразу же спросил:

— Из дворца еще не приходили?

— Не видать пока...

— Ну, слава Аллаху, успел... Придут скоро, приготовься!

— Я-то готов, ты где-то пропадаешь, — с обидой в голосе проговорил Кузнечик.

— Ради тебя, осла, стараюсь, голову твою убереечь хочу! Сегодня тебе ответ держать, помни!

— Знаю. Перстень вернуть мне не забудь.

— А его уже нет.

— Как это нет?! — испуганно вскричал Кузнечик.

— Я, поручив нас воле всевышнего, дал его проглотить страусу,— спокойно сказал учитель, собрав в кулак черную свою бороду.

— Врешь, врешь! — Кузнечик не помнил себя от горя.— Ты спрятал его, себе забрать хочешь!..

— Не реви, дурень!.. Произойдет чудо, можешь ты это понять? Чудо святого ишана!.. Вещь падишаха ты отдашь не просто в руки, а прочтешь в священном писании: мол, перстень с печаткой, завещанный вам родителем, вы найдете в чреве страуса... Дошло до тебя наконец-то?

— Какого еще страуса? Где он?

— В саду при дворце. Ты, шакирд, только одно тверди: в чреве страуса — и все тут!..

— А если не поверят?

— А не поверят — пускай проверят! Не забудь только: страусов там несколько. Скажи, что та птица должна быть плешивой, понял?

— Понял,— буркнул Кузнечик.

Едва успели они переговорить, как за ишаном прибыла роскошная коляска, запряженная дворцовыми лошадьми. Ишан-хазрет взял свой зеленый посох и неторопливо сел в нее.

— Прощай, хальфа-абзы,— невесело усмехнулся он,— если что — не поминай лихом.

— Ха, шакирд,— учитель озорно сверкнул глазами,— скоро эта же коляска за мной прикатит, вот увидишь.

Кучер тронул лошадей, и Кузнечик, покачиваясь на подушках, отправился во дворец.

А падишах в окружении визирей уже поджидал гостя. Вот дверь распахнулась — двое слуг под руки подвели ишана к трону и бережно усадили на драгоценный ковер, устилавший почетное место напротив повелителя. Ишан-хазрет принялся творить молитву. Все, кто был в зале, дружно воздели руки вслед за ним. После падишах заговорил:

— Таксир, три дня, предоставленные вам для размышлений, истекли. За это время вы должны были узнать с помощью священной книги, кто те люди, что ограбили мою сокровищницу. Наши условия известны вам: вас ожидает либо смертная казнь, либо великие почести... Что вы на это скажете?

Кузнечик не торопился с ответом, он сидел прикрыв глаза веками, перебирая четки, будто и не к нему обращался падишах. Потом, вдруг очнувшись, поднял голову и, глядя падишаху прямо в глаза, сказал, стараясь не выдать своего волнения:

— Великий падишах, через священную книгу справедливому Аллаху было угодно довести до вашего слуги следующее: воров, посягнувших на ваши сокровища, было трое; прихватив награбленное, они бежали в другую страну. Но... (на этом месте Кузнечик помолчал немного), но перстень, полученный вами в наследство, находится во дворце.

— Здесь?! — падишах резко подался вперед.— А где его искать?

— Достать его будет нетрудно... В священной книге сказано, что перстень лежит в чреве страуса, который живет в вашем саду.

— Так ли, таксир? — падишах недоверчиво покачал головой.— Не обманывает ли нас священная книга? Да и страусов в саду несколько. Как узнать негодника, который носит в своем чреве перстень?

— Та птица должна быть плешивой.

— Плешивого страуса нет в моем саду! — закричал падишах сердито.

— Перья из головы, должно быть, выпали, — предположил Кузнечик.

— Такой как будто есть, — сказал падишах, успокаиваясь. — Но скажите, таксир, каким образом перстень оказался в птице? Ведь не могла же она проникнуть во дворец и открыть дверь в сокровищницу!

На такой вопрос готового ответа у Кузнечика не было, они с учителем как-то не подумали об этом. Кузнечик помедлил, перебирая четки, потом проговорил простодушно:

— А что если воры обронули перстень, когда пробегали через сад, а глупая птица возьми да проглоти его вместо камешка?

Такое объяснение рассмешило падишаха и его визирей.

— Ну что ж, таксир, — сказал падишах, насмеявшись вволю, — сейчас мы проверим, насколько справедливы твои слова!

Он приказал слугам поймать страуса. Птицу принесли, помолившись Аллаху, зарезали и на глазах у всех вынули из нее сверкающий драгоценными камнями перстень. Все, кто видел это, лишились дара речи — так велико было их изумление.

Падишах, как бы желая убедиться, достаточно ли он увесист, подбросил перстень на ладони, потом поднялся и сказал Кузнечнику:

— Прекрасно, таксир!.. Теперь я убедился, что вы — настоящий ишан.

А Кузнечик, будто ничего не произошло, продолжал сидеть и перебирать четки.

— Но мне хотелось бы поговорить с вами наедине, — продолжал падишах. — Давайте выйдем в сад.

Падишах сошел с трона, «ишан» поднялся с места. Все вокруг склонили им вслед головы.

В саду падишах дружески взял «ишана» под руку. Он повел его по дорожке, беседуя о том о сем. Внезапно он остановился, будто вспомнив что-то, и сказал:

— Вы идите, таксир, я сейчас догоню вас.

«Ишан» был удивлен, но и бровью не повел, продолжая идти дальше. Оглянуться он боялся. А падишах, присев на корточки, пытался поймать кого-то. Он встал, потом снова присел, хлопнул ладонью по земле и, зажав что-то в кулаке, догнал ишана.

— Ну-ка, таксир, угадайте, что у меня тут? — сказал он, протягивая руку.

Ишан растерянно смотрел на падишаха, а тот настаивал:

— Ну говорите же, говорите! Ведь вы — святой, все знаете.

Наконец Кузнечик понял: это новое для него испытание... Откуда же ему знать, что у падишаха в кулаке? И учителя нет рядом. Вот когда пришел ему конец! Сколько ни хитри, ни изворачивайся, а от расправы, видать, все равно не уйти!.. Прощай, бедная головушка! И он сказал с горечью самому себе:

— Эх, Кузнечик, Кузнечик! Прыгнул ты раз — не попался! Второй раз прыгнул — опять не попался! И в третий раз тебя не поймали! А на четвертый — нет тебе спасенья!

Услышав эти слова, падишах вскричал от удивления:

— Ах, таксир, угадали вы, угадали!.. Вот чудеса-то! — он разжал пальцы. На ладони у него сидел... зеленый кузнечик!

Ишан обратился ко всевышнему со словами горячей благодарности. «О Аллах, какое счастье, — думал он, — что среди твоих тварей не я один кузнечик!»

— Сколько в вас ума и чудесной прозорливости! — сказал падишах. — Ведь я в самом деле только на четвертый раз поймал кузнечика. Вот теперь, таксир, у меня не осталось и тени сомнения в том, что вы — истинный святой, величайший из

мудрецов!.. Слово мое — закон, с сегодняшнего дня вы — мой главный визирь. Я женю вас на единственной своей дочери. Согласны?

— Благодарю вас, падишах-абзы,— проямлил несчастный Кузнечик, который еще не успел оправиться от отчаяния.— Только у меня есть одно условие.

— Говорите, таксир!

— Не разлучайте меня с моим мюридом, который служил мне верой и правдой.

— А-а, это тот чернявый, который всюду сопровождает вас? Он, похоже, большой пройдоха, но, видать, умный человек. Ладно, я согласен, пусть пока при вас будет, а там подберем и ему какую-нибудь государственную должность, если он к тому времени не станет отпетым плутом.

— Благодарю вас, мой падишах, благодарю! Не волнуйтесь, я буду крепко держать его в руках.

В тот же день падишах распорядился послать за мюридом ишана свою коляску. И вот учитель в длинном черном казакине, отороченной мехом круглой шапке, лихо сдвинутой набекрень, прибыл во дворец, неся под мышкой свой заветный сундучок.

А наутро уже повсюду было предано огласке решение падишаха выдать свою дочь за ишана-хазрета. Во дворце начались приготовления к свадьбе. Город был украшен к празднику. Из соседних стран в гости были приглашены ханы, шахи и принцы. Во дворце собирались самые знаменитые певцы и музыканты той страны.

В день свадьбы народ высыпал на улицы. Всюду слышались музыка и песни... Для жителей города прямо на площадях в огромных котлах готовили плов.

А уж о пире во дворце и говорить нечего — стол там ломился от разных кушаний, плодов, вин.

После никяха Кузнечик наш сбросил чалму, чапан, надел на себя легкие шелковые одежды, в каких ходят принцы, и вошел в покои молодой своей жены — красавицы из красавиц, не знающей себе равных... И после этого уже никто не видел его среди гостей — ни святым, ни ишаном, ни шайтаном быть ему больше не хотелось.

А свадьба, похожая на волшебную сказку, длилась семь дней и семь ночей. Учитель, единственно близкий жениху человек, сидел на самом почетном месте. Своей находчивостью и веселым остроумием он завоевал любовь и симпатии гостей, которые не уставали его слушать. «Ох и уморил же нас этот татарин! — кричали чужеземные шахи и принцы, давясь от смеха.— И откуда он такой взялся?!» А учитель, подбоченясь, отвечал им: «Мы-то? А мы такие! Лучших визирей во всем мире не сыскать! И работать мастаки, и говорить ловкачи, и гулять не дураки!»

Отшумела свадьба. Кузнечик теперь главный визирь, мало-помалу в государственные дела вникает. Учитель неотлучно при нем. Надо отдать им должное — в важных делах они умели найти мудрые решения. Падишах был в восторге от них.

Дружно, без лишней суеты и волнений провели они многие годы. Сыновей не было у падишаха, а потому он издал указ, по которому вся власть после его смерти переходила к зятю.

Вот и старый падишах скончался. Его с великими почестями поместили в мавзолею из белого мрамора, страна погрузилась в траур, который длился неделю. А после падишахом стал Кузнечик. Народ любил его, потому что наш сирота, с малых лет знавший нужду, был мудрым, простым и добрым падишахом. На пост главного визиря он назначил учителя. Тот, уже в годах, не имел семьи и был привязан к Кузнечику, как к родному сыну.

У Кузнечика родилось пятеро детей — три мальчика и две девочки. Жена его не ведала старости. Жили они красиво, счастливо... Долгую жизнь прожили... А когда скончался Кузнечик...

Впрочем, нам неизвестно, что после было. Сказка на том кончилась, не гневайтесь. Сказка — там, я — здесь, а вам хвала да честь!

Р.Батуллин. Про джигита, который хотел стать бессмертным

Давным-давно была на свете прекрасная страна. Богато и беззаботно жили там люди. Только нашло затмение на мудрого некогда правителя, стал он с соседями ссориться и войны затевать.

Горькие в стране настали времена. Когда ни глянь, враг тучей идет, белый день ночью темной застилается. Запылали повсюду пожары. Дома, минареты, караван-сарай, мавзолеи — все в груды пепла превращалось. Многие храбрые джигиты полегли — воронью только и раздолье...

Исчезали города, на их месте поле голое — то ли был город, то ли не был, понять невозможно. И народу убавилось вдвое.

Сел хан, правитель той страны, под обгорелое дерево, голову руками обхватил, крепко задумался.

Советники у хана люди умные, но злые. Это они воевать его научили. Не послушайся он их, не пришлось бы за голову хвататься.

Был также у хана шут. Он смеялся всегда, а потому визири дураком его считали и не обращали на него внимания. Улыбка и вправду не сходила с лица шута — даже когда он спал, даже когда лил слезы. Оттого мудрые его слова визири потешными считали и только фыркали в ответ. Отец, дед и прадед шута бесстрашно говорили повелителям правду. На то ведь они и шуты.

Долго сидел хан под деревом, да только ничего не смог придумать. Склонился над ним главный визирь и зашептал:

— Мой повелитель, не время теперь сложа руки сидеть. Так и в лужу сесть недолго! Надо, не мешкая, войско собирать, мечи ковать.

Встал хан и сказал грозно:

— Я, великий хан страны этой, в первый день весны года Тигра повелеваю: все кузнецы с сегодняшнего дня должны ковать только мечи, копья и кинжалы! Всех джигитов повелеваю обучать ратному делу!

Так говорил хан, а визири весело скрипели перьями, боясь пропустить хоть одно ханское слово. Губы их повторяли: «копья ковать, джигитов обучать...» А сановники поважнее затянули величальную песню, в которой славили хана за великие дела его. И так они были собой довольны (ведь хан был послушен им), что скоро забыли, кого славят, потому что все заслуги приписывали только себе.

— Да замолчите вы! — прикрикнул на них шут. И хорошо сделал, потому что иначе они не остановились бы никогда.

— О мой хан, неотесанный чурбан,— продолжал шут (ему позволялось говорить всякий вздор),— ты много слушал своих умных визирей. Не хочешь ли теперь меня, дурака, послушать?

Визири ухмылялись, слушая шута.

— Говори, шут! — приказал хан.

— Войны вымотали людям душу, о мой владыка, да и ты устал. Дай отдохнуть твоему народу. Пусть люди немного для себя поживут.

Услышав столь вредные речи, Тыйтык, главный визирь, поспешно склонился к уху повелителя и зашептал что-то.

— Ты, никак, в рабство к другому хану захотел? — сказал хан шуту.

— Фи! Мне-то что за разница, кого смешить — тебя или другого? Нам, шутам, все нипочем: телега поломается — дрова, бык околеет — мясо. Да разве во мне дело!

И он тоже шепнул на ухо хану. Выслушав, тот вдруг весело рассмеялся и обнял шута. Визири переглянулись удивленно.

А шут напомнил хану, что нет у него до сих пор наследника. Из-за вечных войн хану даже жениться некогда было. Только и всего.

— Нет у тебя сына, о хан, — сказал он. — Кого после себя на троне оставишь?

И тогда хан решил немедленно жениться. Нашли ему достойную невесту.

Отпраздновали свадьбу. Кому захочется оставить молодую жену сразу же после свадьбы и идти воевать? Вспомнил он совет шута и издал такой указ:

— Я, великий хан, объявляю свою волю. С сегодняшнего дня войско мое сократит наполовину! Землю отдать хлеборобам! Пусть работают в свое удовольствие.

Услышав такое, визири долго не могли прийти в себя.

— Плохи наши дела, — говорили они между собой, — хан женился и не хочет воевать... Тут надо хитростью действовать. Давайте-ка вот что сделаем...

Пошли они к хану.

— О величайший из повелителей! — сказали они льстиво. — Отчего бы тебе не довести дело до конца и не упразднить войско совсем? Как сказал шут, пусть народ живет и радуется.

— А что, — сказал хан, — это мудрая мысль!

И издал такой указ: «Перелить копья, мечи и кинжалы в кувшины и прочую утварь! Повсюду соорудить дворцы и башни высокие! Да возрадуется народ мой от мала до велика!»

Шут потянул хана за полу.

— Послушай-ка, хан, — сказал он, — визири твои любят перегибать палку. Разве можно совсем без оружия?

Но хан был добрый в тот день, и слова визирей ему понравились. Он приказал всем веселиться и пошел к молодой жене.

Вскоре хан и вовсе забыл о войнах. Народ мирно трудился в его стране — сеял хлеб, строил. Люди стали славить Красоту. Поэты воспевали ее в песнях, гончары стремились увековечить ее в невиданных узорах своих изделий, кузнецы отливали из меди изящные вазы и кувшины, а зодчие возводили прекрасные дворцы. Люди редко вспоминали теперь о былых страданиях. Благодарные хану, они прозвали его Улемсезхан, что означало Бессмертный хан.

Во дворце наконец прогремела долгожданная весть: на свет явился маленький ханзада, наследник престола. Отец был счастлив и объявил в стране праздник. На радостях он выпустил из тюрьмы всех узников, чтобы и народ порадовался вместе с ним.

А может быть, не стоило хану так уж ликовать?.. Впрочем, не станем забегать вперед и расскажем все по порядку.

Ханзада рос быстро — за день поднимался так, что другому и за месяц не успеть. Дни свои мальчик проводил в прекрасном саду, потому что хан поручил его воспитание мудрецу — большому ценителю Красоты. Тот обучил царевича игре на курае, и вскоре его музыкой заслушивались не только люди, но и все живое вокруг.

Дни шли за днями, а злые визири все не могли успокоиться, ломали голову, как бы снова втянуть хана в войну. Скучно им было — хан редко вспоминал о них.

— Как сладко нам жилось, когда хан воевал! — говорили они друг другу при встречах. — Тогда ему так нужны были наши советы.

Послушал их Тыйтык, главный визирь, и сказал:

— Нам надо царевича драться научить.

Решили отправить к мальчику старого хромого визирия. Это был опытный и очень хитрый царедворец. Прокрался он в сад и притаился в кустах. Дождавшись, когда Ханзада подойдет совсем близко, вышел из своего укрытия. Мальчик вздрогнул от неожиданности.

— Не бойся меня, о прекрасный джигит, — сказал старик, — я визирь твоего отца.

— Здравствуйте, — вежливо поздоровался Ханзада.

— Прости меня, сынок, — старик сладко улыбнулся, — есть у меня к тебе маленькое дело... Послушай меня, я расскажу тебе поучительную историю... Был сын у одного падишаха. Но вот беда: не умел царевич драться... Всякий мог обидеть его, а он даже за себя постоять не умел. Надоело царевичу обиды терпеть, решил он научиться драться, чтобы наказать обидчиков и чтобы все вокруг перед ним трепетали... Не хочешь ли ты обучиться этому, о Ханзада?

— А зачем? Меня никто не обижает.

— Все равно надо быть сильным. Видишь, вон там олень пасется?

— Он гуляет там каждый день.

— Надо тебе научиться из лука стрелять. Убей оленя. — Визирь вытащил из кустов лук со стрелой и протянул мальчику.

— Но я не хочу убивать оленя! — вскричал Ханзада.

— Ну что ж, не хочешь из лука, я научу тебя владеть мечом. — Старик достал меч. — Будешь справляться со своими врагами.

— Людей убивать я тоже не собираюсь!

— В таком случае будем учиться метать аркан.

Надоел Ханзаде назойливый старик. Отвернулся он и заиграл на курае. Визирь онемел, зачарованный. Он и сам не заметил, как воскликнул:

— Ах, до чего же красиво ты играешь, Ханзада!

— Ну вот, — спокойно сказал мальчик, — теперь ты и сам видишь, ни к чему мне твои лук и стрелы.

Тут только понял старик, какую оплошность допустил. Он заметил все же наставительно:

— Страну от врагов не кураем, а оружием защищают.

Пока они так разговаривали, олень вышел на поляну и остановился, глядя на людей. Тут визирь изловчился и накинул на его ветвистые рога аркан. Олень отскочил, но было поздно. Он фыркал, кидался из стороны в сторону, крутил рогами, но от этого петля лишь затягивалась все туже и туже.

— Сейчас же отпусти! — крикнул мальчик.

— Ах, мой Ханзада, мясо оленя так вкусно! — сказал старик, которому не хотелось расставаться с добычей.

Тогда мальчик нахмурился и приказал:

— Я, Ханзада, повелеваю визирю моего отца отпустить оленя!

Только после этого старик подчинился.

— Сколько живу на свете, — сказал он, сдерживая злость, — а такого глупца, как ты, не видел! Ты ничего не знаешь, ничему не обучен. В этом мире нельзя без дела. Не

желаешь зло творить, твори добро. Бездельника ждет бесславная гибель или позорная жизнь!

— Я хочу по-своему жить! — сказал Ханзада.

— Что это значит?

— Я буду жить очень долго, как мой отец. Долгая жизнь — это же счастье! Люди очень странные, они сами ищут смерти — ходят на охоту, дерутся. А мне вовсе не хочется умирать. Я жить хочу!

— Ради счастья и долгой жизни делом надо заниматься.

— Я на курае играю. Разве это не дело?

— Этим нельзя прожить.

— Почему? Я никому не причиняю зла. А значит, я творю добро!

— О Аллах! — застонал визирь.

— Что, разве не прав я? Не тот ли человек добр, который не делает людям зла?

— Нет! Тысячу раз нет! Ты погибнешь, и конец твой будет жалок!

— Вы, визири, сначала заставляли отца воевать. По вашей вине он пролил много невинной крови. Потом вы же надумали его разогнать войско и отправить воинов пахать землю. А теперь вы снова толкаете его на войну! И когда только вы будете говорить правду?

— Сейчас. Вот сейчас я говорю тебе чистейшую правду, Ханзада. Эту жалкую трубочку, которой ты собираешься посвятить жизнь, когда-нибудь рассечет меч или пробьет копьё. Сам ты погибнешь от голода или кончишь дни свои в рабстве! Курай — всего лишь жалкая тростинка. Нужна могучая сила, чтобы защитить его! А ты слаб и беспомощен. Где тебе!

Мальчику стало страшно. Старик, похоже, говорил правду. Но правда эта так жестока...

— Неужели визири отца желают людям смерти?! — воскликнул он.

Старик усмехнулся и привлек Ханзаду к себе.

— Видишь ли, — заговорил он вкрадчиво, и было похоже, что он дает добрый совет, — жизнь очень сложна. Чтобы не было смерти, надо пролить немало крови. Люди вынуждены убивать врагов, чтобы не стать их добычей. Чтобы не было убийств, надо истреблять самих убийц. Ты, сынок, должен понять эту старую истину. Ее понимали еще за сотни и тысячи лет до нас с тобой.

Ханзада смотрел на визиря, и не было у него слов, чтобы возразить ему. Горько стало мальчику, и он заплакал.

— Я не могу, не хочу так жить! — говорил он, всхлипывая.

— Ха-ха-ха! — засмеялся злой старик, надрывая душу мальчику. — Он не хочет! Чтобы жить, надо уметь умирать. А ты ничего не умеешь. Тебе бы только в свистульку дуть!

Ханзада побежал к шуту.

— Помоги мне, — попросил он, — я чувствую, в словах визиря есть какая-то непонятная мне правда. Скажи мне, шут, кто прав, отец или его визири?

— Ах, на свете так все перепуталось! Никто, никто не прав — ни отец твой, ни его визири! — воскликнул шут.

Так и не добившись от шута ясного ответа, пошел Ханзада к пахарю. Поздоровался. Ответил пахарь, но работы не прервал.

— Отдохни немного, — сказал ханский сын, — я поиграю тебе на курае.

— некогда мне отдыхать да курай твой слушать, — ответил пахарь, погоняя лошадей.

— Когда же ты отдыхаешь? Курай когда слушаешь?

— Я, сынок, не умею отдыхать — с самого рождения работаю, для хана и баев хлеб выращиваю...

— А ведь хан наш всем весело жить приказал...

— Если все веселиться станут, кто же хлеб будет выращивать? Может, ты?

— Нет, я не пахарь.

— Так кто же ты?

— Я на курае играю.

— Разве это дело? На курае и пастух играет. Я тебя про дело спрашиваю.

Ханзада не знал, что на это ответить.

— Если ты ничего не умеешь, тогда хоть ханским доносчиком будь. Или дворец его сторожи.

— Не желаю я доносчиком быть!

— Ну, тогда придется тебе умереть с голоду.

— А я не желаю умирать!

— Вижу, ничего ты не хочешь. Нет у меня времени разговорами с тобой заниматься! Отойди, не мешай мне работать.

Пошел Ханзада к отцу. А тот в это время пировал у себя во дворце. Придворные музыканты услаждали его слух игрой на сазе, курае, барабанах. Кружились прекрасные танцовщицы. Столы были уставлены блюдами и кувшинами с вином.

— Отец! — сказал Ханзада, приблизившись к хану.

Тот не понял, зачем пришел к нему сын, и обратился к гостям с такими словами:

— Мой сын учится музыке у самого лучшего наставника. А ну-ка, сынок, сыграй нам.

Мальчик вынул из-за пояса курай и заиграл. Гости слушали его с наслаждением.

— С сегодняшнего дня Ханзада, наследник наш, будет главным распорядителем искусств в нашей стране! — сказал хан. — Я так решил.

— Улемсез-хан! — обратился Ханзада к отцу. — Отец, у меня к тебе дело.

— Слушаю, сынок.

— Отец, ты хотел создать страну счастья... Так почему же в твоей стране одни работают с утра до ночи, а другие пребывают в праздности и неге?.. Во дворце твоём, отец, затаилась измена. Визирь...

Тут мальчика прервал Тыйтык:

— Бессмертный хан, сын твой повторяет глупые слова шута. В стране полный порядок! Все делается по твоему велению...

Хмель бросился в голову хану, не поверил он сыну, поверил Тыйтыку.

— Ложь! — закричал он. — Ради тебя прекратил я войну, ради твоего же благополучия проводил бессонные ночи, обдумывая, как создать страну счастья. И я создал ее! Ты слеп, если не видишь этого! Схватите его и бросьте в тюрьму. Пусть хорошенько подумает там обо всем.

Шут тихонько шепнул хану:

— Ты сам не ведаешь, что творишь. Визирь нарочно дразнит тебя...

Не успел шут договорить, как в зал вбежал гонец. Весь в пыли, прошел он по роскошным коврам и повалился перед ханом на колени.

— Что случилось? — встревожился хан.

— На нас идет враг... — гонец говорил с трудом. Он скакал издалека, чтобы принести хану страшную весть.

— Какой враг? Откуда?

— Драконовы полчища идут сюда... Дракон узнал, что нет у тебя войск... Визирь продал тебя... Дракон уже близко.

Тотчас поднялся переполох во всем дворце. Шут громко рыдал, улыбаясь, хан в бессильной ярости метался по залу, а злой Тыйтык хохотал.

— Конец! Всею конец! — кричали люди в отчаянии.

Грозный враг между тем подходил все ближе. Во главе огромного войска ехал на коне сам Дракон. Он не был похож на крылатого змея, каким его изображают в детских сказках. Это был человек, только лицо у него страшное и безжалостное.

Враг подступал к городу, а за ним стлался черный дым пожара.

— Где вы, храбрые мои батыры? — воскликнул хан. — Почему не выходите встречать врага?!

Но никто не откликнулся на его зов. Тогда хан сорвал со стены меч и один пошел навстречу Дракону.

В тот же миг неведомо откуда полились волшебные звуки, и — о, чудо! — остановился враг.

Увидев это, бросился Тыйтык искать смельчака, который посмел помешать Дракону. Дивная мелодия привела его к тюрьме. Припал Тыйтык к решетке, а там, внизу, Ханзада на курае играет. Спустился визирь в тюрьму, подкрался к юноше сзади и сломал его курай. Оборвалась песня...

В то же мгновение ожило вражеское войско. А Тыйтык уж к городским воротам бежит.

— Входи, о могущественный повелитель! — зовет он Дракона. — Дорога открыта тебе!

Хан, едва выйдя из дворца, был поражен отравленной стрелой в самое сердце.

Нашлись еще храбрецы, да только мало кто из них в живых остался. А тех немногих, кто от вражеских стрел не погиб, Дракон приказал повесить.

Снова пришла в страну беда... Люди долго проклинали день, когда жестокий Дракон ступил на их землю.

Прошли Драконовы полчища. Где город был, стала пустыня. Померкло все вокруг. Покинула Красота тот горестный край...

Ханзада, увидев, что дверь открыта, вышел из тюрьмы. Стон и плач стояли вокруг.

— О, где вы, славные джигиты, — плакали женщины, — придите и спасите нас! Где вы, батыры? Остался ли хоть кто-нибудь, чтобы отомстить жестокому Дракону?..

Тут одна из женщин, увидев Ханзаду, воскликнула:

— Сынок! Ты единственный во всей стране жив остался. Спаси, спаси нас от позора! Украло у нас Красоту мерзкое страшилище! Ступай, сынок, верни Красоту из неволи!

Отправился Ханзада в путь. И куда бы он ни пришел — всюду было одно и то же: пепелище, горе и муки.

Но вот перед юношей раскинулась пустыня. Долго шел он по ней, пока не перестал слышать ужасные стоны. Присел на высокий холм отдохнуть.

— Как здесь хорошо, — сказал Ханзада. — Это край вечной тишины. Неведомы ему ни горе, ни слезы...

— Ты ошибаешься, джигит, — вдруг послышался где-то рядом тихий голос.

Ханзада огляделся, однако никого не увидел.

— Я здесь, сынок, — снова зашелестел таинственный голос.

Только тогда увидел юноша сидящего на песке старичка.

— Саламалейкум! — сказал он, поклонившись старцу.

— Вагалеякум ассалам! — ответил житель пустыни. — Куда путь держишь?

— Я сын Улемсез-хана. Отца прозвали Бессмертным, но он погиб... А я так не хочу умирать.

— Тогда оставайся со мной. Я очень долго живу на свете. Гораздо дольше твоего отца.

— Ты что же, бессмертный?

— Нет,— покачал старичок головой,— вовсе не бессмертен я... Но я проживу еще очень долго. А край этот пустынный, сынок, повидал много, очень много скорби... Когда-то здесь жил мой народ. Отцы и деды знавали прекрасные времена. Земля эта была богатой и цветущей некогда...

— Что же случилось? Куда все девалось?

— Погибло.

— И жителей не осталось?

— Да, сынок, смерть прибрала всех. Люди, став богатыми, сделались завистливыми и алчными. Они копили добро, и каждый старался перещегоолять другого. Они высушили землю, уничтожив все леса, выловили из воды всю рыбу. Они были прожорливы, как шакалы, и вино пили из больших кувшинов.

Слушал Ханзада старичка, и ему были отвратительны люди, о которых тот рассказывал.

А древний старичок продолжал свой невеселый рассказ:

— Так вот и превратилась плодородная земля в бесплодную пустыню. Знойное солнце высушило ее. А люди, которым стало нечего есть и пить, набросились друг на друга, стали грабить и убивать. Взгляни, сынок, что оставили они после себя!..

На глаза юноши навернулись слезы. О, как ненавидел он насилие!

— В пустыне люди гибнут от жары и суши,— говорил старик.— Я спасаю их от смерти. Я возродил озеро. Издалека ношу я воду. И я не умру, пока не доведу дело до конца. Оставайся, сынок!

Но Ханзада не мог оставаться среди песков, в которых таилось столько горя. Теперь все здесь говорило о смерти. А он не хотел умирать. Нет, он пойдет дальше и обязательно найдет землю, где люди не знают горя и живут вечно.

Много дней и ночей шел юноша, остались позади горы, реки, пустыни. Вот пришел он в прекрасную рощу.

Как непохож был этот край на те земли, которые прошел он! Всюду звенели ручьи, в ветвях пели звонкоголосые птицы, в густой траве пестрели диковинные цветы. Вдохнул Ханзада прохладный, душистый воздух и воскликнул радостно:

— Наконец-то я нашел страну вечного блаженства!

Потом он достал курай и заиграл.

Перед ним появилась нежная, стройная, невиданной красоты девушка и спросила:

— Кто ты, о юноша?

Ханзада смотрел на красавицу и не в силах был шевельнуть языком.

Голосок девушки звучал, однако, очень грустно.

— Ты откуда пришел сюда?

Но юноша молчал, околдованный красотой незнакомки.

— Что привело тебя в эту проклятую Аллахом землю? — снова спросила она.— Каждый, кто является сюда, остается навечно! Отсюда нет пути назад.

— Я... ищу вечную Красоту...— сказал Ханзада запинаясь.

— Ты нашел, что искал,— проговорила красавица,— это и есть страна вечности. Здесь ничто не знает конца. Я — Красота. И я тоже бессмертна.

— Ты — Красота? — радостно засмеялся Ханзада.— Вечная Красота! О, наконец-то я нашел тебя!

Он подскочил к девушке и хотел обнять ее, но она остановила его движением руки.

— Это земля Дракона, юноша! Сам он теперь на войне. Он идет по свету и всюду крадет красоту, чтобы доставить ее сюда... Я его пленница.

— Ах, Красота! Красота! — повторял Ханзада, обезумев от счастья. Он не понимал, что говорила ему девушка, только смеялся, не сводя с нее глаз.—

Бессмертная Красота! Позволь мне навечно остаться с тобой!

— Как ты похож на других искателей вечной и красивой жизни!

Ханзада словно отрезвел при этих словах.

— Как? — вскричал он.— Разве, кроме меня, здесь еще есть кто-нибудь?

— Много я повидала недотеп, вроде тебя... Они, как и ты, хохочут и льют слезы при виде меня. Они бродят здесь, в лесу, и все время смеются. Дракон любит слушать их безумные голоса...

— О, меня не страшит ничто, даже безумие, лишь бы ты позволила остаться!

Ханзада умолял со слезами на глазах. Красота долго молчала, потом сказала, вздохнув:

— Вижу, напрасно потратила я время на уговоры, ведь ты уже безумен — ни одно мое слово не дошло до твоего сознания. Ты погиб, юноша... Что ж, оставайся...

Ах, как счастлив был Ханзада! Никогда теперь не узнает он горя! Рядом вечно будет сама Красота!

Ханзада смеялся и не мог остановиться. Вдруг перед ним предстал Дракон.

— Безумцев в моем царстве прибавляется, как я погляжу!..— вскричал он весело, довольный собой.— Так кто же из нас прав, красавица? Много ли мудрецов нашла ты среди жалких людей? Захотел ли хоть один из них уйти из моей рощи, послушавшись тебя? И не бывать этому никогда! Еще ни один из моих рабов не ушел от меня по своей воле. Дракон спокоен, пока живут на свете себялюбцы и трусы, пока есть предательство и ложь!

— Эй ты! — крикнул он Ханзаде.— Я не держу тебя, ступай откуда пришел!

— Мне уйти отсюда? — испугался Ханзада.— Пожалуйста, не гони меня, позволь остаться возле Красоты!

Дракон с усмешкой взглянул на девушку. Та отвернулась и медленно пошла по лесной тропе, роняя слезы.

— Мне нужны люди вроде тебя, Ханзада,— окликнул Дракон юношу, который направился было вслед за красавицей.— Я посылаю своих рабов воевать против их народов. И они идут! И заносят мечи над головами своих же братьев и сестер!.. Все они потеряли ум при виде Красоты и ревниво оберегают ее день и ночь. И пусть попробует кто-нибудь увести ее из моей рощи! Ты тоже стереги ее! Ступай!

— Слушаюсь, мой повелитель,— сказал Ханзада и бросился догонять Красоту.

Так прошло много лет. Приходили в Драконов лес юноши, и участь их была столь же печальна.

— Сколько безумцев в моем лесу? — спросил как-то Дракон своего визиря.

— О, лучший из владык,— отвечал тот,— их сорок человек! Я же — первый из твоих глупцов.

Надоело Красоте жить в неволе, стала она придумывать, как бы ей от своих стражников избавиться.

— Дайте мне уйти отсюда, юноши,— пробовала она уговаривать их.

— А как же мы?! — кричали сорок безумцев.— Нет, мы не можем отпустить тебя!

— Тогда пойдемте со мной.

Но безумцы и слушать ее не желали.

— Мне грустно,— пожаловалась как-то девушка,— развеселите меня. Кто из вас умеет играть на этом курае? Я нашла его на лесной тропе... Разве никто? Ах, я была бы так рада послушать.

Ханзада взял курай из рук Красоты, попытался заиграть, но ничего у него не получилось.

— Играй, юноша,— сказала девушка,— вспомни, как счастлив бывал ты на праздниках в родном краю!

И вдруг полилась песня. Девушка запела:

Сыграй, дружок, мне на курае
О милом и счастливом крае...

Песня заполнила лес, устремилась ввысь и поплыла над могучими деревьями. Ханзада перестал играть, но звуки его курая жили сами по себе! Они звучали повсюду.

— Что это за песня? — спросил Ханзада, силясь вспомнить что-то.— Знаю! Мне пела ее мама...

— Так пел мой народ! — воскликнул другой юноша.

— Какая знакомая песня,— проговорил третий,— она напомнила мне родной край...

— Вспомнил! Я все вспомнил! — закричал вдруг Ханзада на весь лес.— Я должен вернуться на родину и помочь своему народу, который покинул в страданиях и горе.

— Я пойду с тобой! — воскликнула Красота.

Но безумцы обступили ее со всех сторон и не давали пройти. Тогда Ханзада заиграл снова. Слушая курай, юноши словно пробуждались от сна.

Тут перед ними из-под земли вырос Дракон.

— Джигиты,— закричал Ханзада,— окружите Драконе!

Все набросились на чудовище, но оно увернулось и всадило в спину Ханзаде кинжал.

Юношей было много, и они одолели Драконе! Чудовище испустило дух и — о, чудо! — все вдруг почувствовали себя сильными и гордыми; волшебные путы, которыми связал их злодей, спали. Впервые улыбнулась Красота, радуясь свободе. И юноши были счастливы вместе с ней.

Только Ханзада умирал, лежа на траве.

— Я хотел бы еще раз взглянуть на свою родину,— прошептал он.

Юноши бережно подхватили товарища и понесли в счастливую некогда страну Улемсез-хана.

Долго шли они, пока дорога не привела их в пустыню. Увидели путники среди песков маленькое круглое озеро и очень удивились. У воды росли прекрасные деревья с сочными плодами на ветвях. Как приятно было после трудного пути по знойной пустыне отдохнуть в тени их, подкрепиться плодами и смыть с себя пыль! Но Ханзада напрасно искал глазами знакомого старичка, его нигде не было...

Отдохнув, странники продолжили путь.

Вот вдаль показалась родина Ханзады. Жадно всматривался юноша в родные места, с трудом узнавая их. Все было разрушено, разграблено...

— Отнесите меня на могилу отца,— попросил он.

На кладбище встретился им старик, и Ханзада обратился к нему:

— Покажи мне, дедушка, могилу Улемсез-хана.

— Ты, сынок, говоришь про того, кто хотел создать страну счастья? Да, был такой хан, и хорошо жилось при нем людям, но визири предали его, открыли ворота

жестокому Дракону. Чудовище разорило нашу страну и украло у нас Красоту. С тех самых пор мается народ...

Ни слова не услышал Ханзада о себе. Народ забыл того, кто отправился по свету искать себе бессмертия и счастья. Горько стало Ханзаде, вздохнул он глубоко и закрыл глаза.

Так умер Ханзада. Красота склонилась над ним, коснулась его губами и растаяла. В тот же миг все вокруг озарилось светом, люди стали добрыми, к ним вернулась радость. Бесстрашными стали их сердца. И сложили они песню о кураисте и несравненной Красоте.

М.Амир. Зирек

Вышел Зирек поиграть. Смотрит, а на улице никого.

И куда это мальчишки подевались? Верно, на речку убежали.

А речка тут же, за огородами.

Свернул Зирек в узкий переулок и помчался к берегу. Но приятелей и здесь не оказалось.

Видит Зирек: одинокий вяз стоит. На нем сова, а под ним собака в клубок свернулась. Чуть поодаль овца, корова и лошадь траву щиплют.

«Ничего,— решил Зирек,— мне и без мальчишек скучно не будет!».

Подбегает к овце.

— Здравствуй, овца! Не побегаешь ли со мной немного?

— Ступай, куда шел! — буркнула та сердито.— Или ты не видишь, что я взрослая овца? Некогда мне за сорванцами гоняться!

— Вот глупая овца! — удивился Зирек.

Пошел он к корове.

— Здравствуй, корова! Не согласишься ли со мной побегать?

— Прочь с дороги! — возмутилась корова.— Я не теленок, чтобы с тобой по лугу прыгать.

Обидно Зиреку, но он не показывает вида.

— Вот глупая! — смеется.— Старшие и то со мной так не разговаривают.

Подбегает он к лошади.

— Здорово, лошадь! Давай побегаем с тобой!

— Не говори глупостей,— сказала лошадь строго,— я не жеребенок. Не пристало мне с таким малышом скакать.

И лошадь заржала громко, потешаясь над Зиреком.

Овца с коровой, которые слышали их разговор, тоже не могли удержаться от смеха.

— Ну, чего вы смеетесь? — крикнул Зирек.— Я хотя и маленький, а храбрее вас всех. И бегаю быстрее, и голос у меня самый громкий.

— Кхе-кхе! — поперхнулась овца от смеха.— Когда я кричу, меня по всей деревне слышно!

— А когда я мычу, голос мой во-он до того леса доносится! — похвасталась корова.

— Ну а мое ржание через весь луг до соседней деревни долетает! — гордо сообщила лошадь.

— А давайте спорить! — предложил Зирек. — Вот и узнаем, чей голос громче. На этот раз слова Зирека всем пришлось по душе.

— Только смотри, — сказали Зиреку овца, корова и лошадь, — как бы тебе не оглохнуть от нашего крика.

— Ладно, — кивнул Зирек. — А теперь взгляните вон на тот вяз. Видите собаку под ним?

— Ну, видим.

— Так вот, нам надо ее разбудить. Кто первый начнет?

— Я берусь разбудить собаку, — проблеяла овца.

Начала она кричать, да так, что хоть уши затыкай:

— Бэ-э-э!.. Бэ-э-э!

Кричала, надсаживалась и до того докричалась, что осипла совсем. А собаке что! Лежит себе и ухом не ведет. Эка невидаль, овца блеет! Ей, собаке, и в голову не пришло, что это ее будит овца и добудиться не может.

— Хватит тебе горло драть, — сказала овце корова, — все равно толку нет. Возьмусь-ка я за дело.

Принялась корова собаку будить. Как пошла, как пошла мычать да реветь — смотреть жалко, из последних сил надрывается!

— Му-у-у!.. Му-у-у!..

Ревела, ревела, пока глаза на лоб не полезли. А собака как лежала, так и лежит. Разве удивишь ее коровьим мычанием? Ей и невдомек, что корова ради нее старается.

Сказала корове лошадь:

— Хватит, послушали мы тебя! Смотри, лопнешь от натуги! Разбужу-ка собаку я сама.

Заржала лошадь:

— И-го-го-хо-хо!..

Да так громко, что уши всем заложило!

От страшного лошадиного ржания травы на лугу прилегли, а собаке все нипочем — спит да спит себе. А чего ей не спать, ржания она не слыхала, что ли? Откуда ей знать, что это ее лошадь разбудить хочет?

Отчаянно ржала лошадь, надоела совсем Зиреку. Взмолился он:

— Уймись ты, лошадка! Отдохни немного! Зря ведь стараешься.

— А собака, может, подохла давно, — проговорила лошадь сконфуженно. — Разве до нее докричишься?

— Ну что ж, — сказал Зирек, — теперь мой черед. Только вам лучше не слышать меня — оглохнете.

Друзья на все согласны. Набил им Зирек травы в уши и окликнул негромко собаку:

— Акбай!

Она тут же и вскочила.

Увидели это овца, корова и лошадь — очень удивились. Рады, что Зирек им уши заткнул. Сказала лошадь:

— Как хорошо, что Зирек пощадил нас!

— Да, да, — кивали головами овца с коровой.

— Теперь вы поняли, у кого из нас самый громкий голос? — засмеялся Зирек.

— Ну, хорошо, — сдалась лошадь, — кричать ты умеешь. Убедились мы. Но ты еще хвастался, что храбрее нас. Этому я не могу поверить!

— Я тоже, — вставила овца. — Я всю ночь одна в овчарне простоять могу и не испугаюсь!

— Вот удивила! — вскричала корова. — Да я в целом свете никого не боюсь! Пусть только сунутся — вмиг забодаю! Видишь, рога у меня какие?

— А у меня рогов нет, да и не нужны они мне — бояться мне нечего! Где угодно ночь провести могу — хоть в поле, хоть в лесу. Мне все нипочем! Я волка раз так копытом двинула, что насмерть зашибла!

— Ладно, ладно, — остановил ее Зирек. — Все вы храбростью похваляетесь. А кто вас боится? Вон видите, сова на суку сидит?

— Видим.

— Так вам, храбрецам, даже ее не спугнуть.

— Это почему же? — обиделись овца, корова и лошадь.

— А вот попробуйте!

— Я живо прогоню ее, — сказала овца и стала на птицу страху нагонять: косится на нее сердито, копытами землю роет, страшным голосом кричит. А сова не улетает.

Разозлилась овца, на вяз бросилась и ну его бодать! А сова на суку посиживает да сверху на нее поглядывает. Знает сова: не может овца ей вреда причинить. Она не догадывалась даже, что это ради нее овца так из кожи лезет.

— Будет тебе, сестрица, безрогим лбом по дереву стучать! — остановила ее корова. — Все равно ничего у тебя не получается, только голову расшибить можешь. Дай-ка я шугану птицу.

Принялась корова за дело. Очень уж хочется ей сову напугать. Глаза выпучила, хвостом крутит, ногами взбрыкивает, страшным голосом ревет. А сова на суку сидит, на нее глядит.

Ревела корова, ревела, скакала, скакала — пот градом катится, ноги подкашиваются от усталости. Выставила вперед длинные рога да как кинется на вяз — забодать его хочет.

А сова и не думает улетать. Удивляется она, глядя на корову: и чего она расшумелась так.

— Нет, — решила лошадь, — не будет от тебя толку! Помучилась ты довольно, хоть рога свои пожалей. Вижу, время мне самой за дело браться.

Что тут началось! Стала лошадь сову пугать, с дерева сгонять — уши прижимает, зубы скалит — выставляет, диким голосом вопит, птице прочь лететь велит!

Даже страшно Зиреку стало! А сова сидит и глазом не моргнет!

Лошадь землю взрыла, траву разметала, хвост и грива черным вихрем мечутся. Смотреть прямо-таки дух замирает!

Овца с коровой на всякий случай подальше отбежали: как бы эта ненормальная невзначай их не задела! А сова и не смотрит на нее.

Подбежала лошадь к вязу — и ну кору зубами крошить. Передними ногами на дерево вскинулась, ветку ухватила и давай трепать ее.

Птица и тут не испугалась. И чего ей пугаться, ведь она высоко сидит. Сова понять не может, с чего это лошадь расходилась так.

Закричал Зирек лошади:

— Успокойся, лошадка! Вот и выходит, что все вы только на словах грозные такие. А на деле вас даже сова не боится.

— Видно, ее к суку веревкой привязали, — обиженно сказала лошадь. — Попробуй сам прогнать!

— Да, да, попробуй, — поддержали ее овца с коровой, — а после уж говори.

— Ладно,— сказал Зирек,— я мигом с этим справлюсь. Только, когда я сержусь, смотреть на меня опасно: умереть с перепугу можно. Лучше вам зажмуриться покрепче.

Овца, корова и лошадь на Зирека не глядят, зажмуриться скорей спешат. А Зиреку только этого и надо: поднял он с земли камушек и запустил в сову. Она и улетела.

— Откройте глаза!

Овца, корова, лошадь глаза приоткрыли, на сук с опаской косятся. А совы на нем уж нет.

— Где же сова? — спрашивают.

— Во-он летит.

Удивились друзья, а лошадь радуется:

— Хорошо еще, что глаза закрыли!

— Верно, верно,— вторят ей овца и корова.

— Ну, теперь-то вы узнали, кто самый храбрый? — смеется Зирек.

— Ладно уж,— сказала лошадь примирительно,— храбрости тебе и вправду не занимать. Мы все это поняли. Но ведь ты еще хвастался, что бегаешь быстрее всех. Вот с этим я уж никак не могу согласиться!

— Конечно,— поддержала ее овца.— В стаде я всегда впереди, еще ни одной овце обогнать меня не удалось. Бабушка твоя сколько раз за мной гонялась, а догнать не смогла. А она быстрее тебя бегаешь.

— А я однажды из стада в хлеба забежала,— вмешалась корова,— так за мной два здоровых пастуха с кнутами гонялись и не догнали. Где уж тебе угнаться!

— Вот насмешили! — фыркнула лошадь.— Вас обогнать — дело нехитрое. А вот меня, если я припущусь, и ветер не догонит! Во всей округе нет лошади резвей меня.

— Хвались, хвались,— сказал Зирек.— А я тягаться с вами не буду, сидя всех обойду!

Услышав такое, развеселились овца, корова и лошадь.

— Ладно, ты посиди пока тут, а мы побежим,— кричали они, давась от смеха.— Посмотрим, далеко ли уйдешь!

— Сказал обойду — значит, обойду! — стоял Зирек на своем.

— Ну и сиди себе!

— Я бы сел,— огляделся Зирек,— да некуда.

— А ты на траву садись.

— На траве сидеть мне мама не велит.

— Ага,— догадалась овца,— хочешь перехитрить нас? Ничего не выйдет. На траву нельзя, так на меня садись.

— Как же я сяду на тебя? Ты такая маленькая, и шерсть у тебя грязная.

— Тогда на меня полезай,— предложила корова.

— Я бы сел, да спина у тебя костлявая. Как усидеть на ней?

— Нет,— заявила лошадь решительно,— одурачить нас тебе не удастся! Овечья спина, видишь ли, мала ему, корова — костлявая! Ну а про мою спину что скажешь? Она такая широкая и ровная.

— Вот на тебя я бы с радостью сел, только ты вон какая высокая. Как же мне взобраться к тебе на спину?

— Не увиливай, плутишка,— сказала лошадь,— захочешь, так взберешься! Иди сюда, я опущу голову, а ты возмись покрепче за гриву да и вскарабкайся.

Хитрый Зирек послушно влез на лошадь и обеими руками вцепился ей в гриву.

— Готово! — крикнул он.

— Сел?

— Сел.

— Вот и посиди там, а мы поскачем! Поглядим, какой ты проворный!

— Давай скачи, а я сидя от вас не отстану.

Сорвались овца, корова и лошадь с места, что есть духу вдоль берега припустились.

Вот овца бежит, хвостом по ногам шлепает; впереди нее корова несется; впереди коровы лошадь скачет, а Зирек верхом на лошади сидит. Бегут, пыхтят, сил не щадят.

Взмолилась овца:

— Корова, а корова! Сил моих больше нет, давай передохнем!

Отвечает корова:

— Коль устала — приляг, а я дальше побегу, Зирека догоню!

Прилегла овца, корова дальше побежала. Лошадь впереди мчится, Зирек на лошади скачет. Спешат, пыхтят, сил не щадят.

Выбилась и корова из сил.

— Лошадь, а лошадь,— просит она,— постой, давай передохнем немного!

Отвечает лошадь:

— Коль устала — приляг, а я еще поскачу, Зирека обскачу!

Прилегла и корова. А лошадь все мчится, Зирек верхом на ней скачет. Пыхтит, бедная, бежит, сил не щадит.

Но вот и она выдохлась. Взмолилась лошадь:

— Зире-ек, а Зире-ек, устала я! Давай передохнем.

А Зирек отвечает:

— Коль устала — приляг, а я не устал еще.

Рухнула лошадь на траву, отдышаться не может. А Зирек слез с нее, прошел немного вперед и сел.

— Вот видишь,— говорит,— а я впереди всех.

— Твоя правда, Зирек,— отвечает лошадь, с трудом переводя дух.— Больше никогда не стану с человеком спорить... Ты хоть и маленький, а товарищ достойный. Теперь я всегда играть с тобой буду.

Тут показались приятели Зирека — они рыбу поблизости удили. Зирек и говорит лошади:

— Вот еще! Очень надо мне со всякими хвастунишками водиться! — и побежал к мальчикам.

А. Абсалямов. Сказка старого Ли Чен Чаня

1

Давным-давно, когда еще нога завоевателей-японцев не осквернила родную землю, когда монахов Будды в широкополых шляпах в каждом доме принимали как святых, в некоем царстве, в некоем государстве Сан-пара жил бедный слепой старик со своей старухой. Старика звали Сим-понс, а старуху — Кванси-тун.

Не дал им бог детей, а потому пребывали они в великой печали.

Но вот родилась у них дочка Сим-чен. Радость стариков не знала предела.

Однако на восьмой день после родов старуха умерла, оставив слепого Сим-понса с маленькой дочкой на руках.

Старик брал девочку и шел по деревне. Женщины, у которых были грудные детки, кормили Сим-чен грудью.

Так и растили ее всей деревней.

Подросла девочка и стала красавица да умница, каких земля не знавала.

Люди рассказывали старику, как хороша собой Сим-чен, но Сим-понс отвечал им:

— Я слеп и не могу видеть то, о чем вы говорите.

И вот однажды мимо дома старика проходил монах. Увидев слепца, он сказал:

— Что дашь великому Будде, если он вернет тебе глаза?

— Я дам ему триста мешков риса,— отвечал Сим-понс.

— Ты беден и слеп, где возьмешь ты столько риса?

— Я сказал правду, потому что никому в голову не придет обмануть Будду.

— В таком случае доставь рис в монастырь, и прозреешь.

Ушел монах, а старик стал думать, как это его угораздило посулить столько риса.

Где его взять теперь?

Но сколько Сим-понс ни ломал себе голову, ничего придумать не мог.

Печаль старика была так велика, что кусок не лез в горло.

— Отчего ты не ешь, отец? — спросила Сим-чен за обедом.

— Я не могу сказать тебе, дочка, отчего.

Сим-чен заплакала.

— Разве я плохо забочусь о тебе, отец? Разве не готова сделать все, чтобы тебе было радостно? — причитала она.

Сим-понс не удержался, рассказал дочери, что произошло.

— Не горюй, отец,— успокоила его Сим-чен,— ешь и пей на здоровье. Будда сам подсказал тебе такие слова, он же все и устроит.

Вскоре в доме старика остановились купцы, которые собирались за море, в Нанси, за товарами. Решили они купить какую-нибудь девушку, чтобы задобрить ею владыку морей, если он разбушует.

— Купите меня за триста мешков риса,— предложила им Сим-чен.

Подумали, посоветовались купцы и согласились.

В путь было решено выйти четырнадцатого дня третьего месяца.

Последнюю ночь Сим-чен провела возле спящего отца. Она тихонько плакала, глядя на него.

Одна слезинка скатилась со щеки и капнула на лицо старика. Тот проснулся.

— Отчего плачешь, доченька? — спросил он.

— Не спрашивай, отец! — испуганно воскликнула Сим-чен.

— Нет, я желаю знать. Я твой отец, и ты должна поведать мне все.

— Ах, отец, заклинаю тебя, не спрашивай.

— Вот как ты старших почитаешь! Пусть люди так же относятся к тебе! — рассердился старик.— Отойди от меня.

Еще больше испугалась девушка и во всем призналась отцу.

Слезы полились из слепых глаз Сим-понса.

— Ах, доченька, что ты натворила! Ведь я не давал на то согласия.

Старик тотчас пошел к торговцам.

— Забирайте свой рис,— сказал он,— не отдам вам дочку.

— Рис мы уже отправили в монастырь,— ответили те.

Упал старик на землю и стал рвать на себе волосы:

— Зачем отбирают у меня дитя? На что мне на старости лет глаза? Не для того ли, чтобы снова ослепнуть от горьких слез? Ведь она так молода, а я совсем старый.

Сим-чен обняла старика:

— Ах, отец, не надо так говорить, ведь старое дерево нередко так щедро покрывается цветами, а на молодом цветов не бывает... Такова, видно, воля Будды...

Сим-чен пошла с купцами. Подружки плакали, провожая ее.

— Не плачьте, милые подружки,— говорила им Сим-чен.— Если любите меня, не оставляйте отца, смотрите за ним, как я смотрела. Не плачьте, смерть не страшна мне: умру, радуясь за отца.

Вся деревня вышла проводить Сим-чен. Люди слышали, что говорила она подружкам. Старейшина, который годами был старше отца девушки, сказал:

— Ты, Сим-чен,— великая дочь. Ты не умрешь никогда. Вечно ты будешь с народом: имя твое все поколения назовут первым. И ты, почтенный, не плачь,— обратился он к Сим-понсу,— ты всегда будешь там, где твоя дочь.

Так сказал древний старец, самый мудрый в деревне человек. А если он сказал это, значит, так тому и быть...

Все слышали слова мудреца, и ни один человек не смог сдержать слезы.

Сели на корабль купцы и увезли Сим-чен с собой.

Вначале они плыли благополучно — море было милостиво к ним, морские девы мирно плескались в нем. Они кланялись Сим-чен, полные жалости к ней. Девушка с грустью смотрела на них и тоже кланялась украдкой. «Скоро мы увидимся»,— думала она.

А потом разыгралась буря. Солнце спряталось в золотой свой дворец. Черные ставни на окнах с грохотом затворились. Стало очень темно. Сердитые волны подбрасывали корабль высоко-высоко.

Сим-чен попросила сосуд со священной водой, поставила его перед собой и принялась читать молитвы, выпрашивая у Будды удачи для путников.

Помолившись, девушка поднялась и, закрыв лицо руками, бросилась в яростно клокочущее море.

— Оторвался от ветки самый прелестный ее цветок,— сказал один из путников, видевший это,— и безжалостные волны унесли его далеко...

Купцы дрожали от страха.

Однако вскоре буря стала утихать. Вот распахнулись окошки золотого дворца, где пряталось солнце. А там и само оно выглянуло из-за золотисто-красных, желтовато-розовых башенок. А вскоре солнце уже приветливо улыбалось с бирюзовой выси вслед бегущему по зеленоватым волнам кораблю.

2

А Сим-чен спряталась в подводном царстве. Там было так красиво, что она тут же забыла про землю.

Минуло три года.

Тяжело загрузив корабль тюками, купцы пустились в обратный путь. Проплывая мимо того места, где Сим-чен бросилась в море, они увидели на волнах прелестную розу.

Купцы сорвали цветок.

— Это прекрасная Сим-чен превратилась в розу,— решили они.

Вернувшись домой, купцы услышали, что их юный правитель тяжело заболел, и помочь ему может только чудесная роза. Пошли они во дворец и продали розу за большие деньги.

Тогда владыка морей посадил Сим-чен на радугу и опустил ее прямо к юному правителю в сад.

Девушка прилегла на траву и уснула. Во сне явилась ей мать.

— Девочка моя,— сказала она,— ты станешь женой правителя.

Открыла Сим-чен глаза, а к ней идет юноша с нежной розой в руке.

— Кто ты? — спросил он.

— Не знаю,— ответила Сим-чен. И это была правда, потому что она все забыла.

— Мне в жизни не приходилось видеть девушки прекрасней,— сказал юноша.— Я сделаю тебя своей женой.

После пышной свадьбы Сим-чен вдруг вспомнила отца и обо всем рассказала мужу.

Если бы она вспомнила это до свадьбы, ей не пришлось бы стать женой правителя, ведь она была очень низкого сословия.

Но дело сделано, и правитель послал за отцом жены.

Сим-чен радостно бросилась навстречу старому Сим-понсу.

— Скажи,— спросила она,— твои глаза видели всегда?

— Нет,— возразил он,— не всегда был я зрячим. Моя дочка отдала жизнь за то, чтобы я мог видеть.

Сим-чен не могла удержаться от слез.

— Ведь я дочь твоя, отец! Неужели по голосу не узнаешь? — вскричала она.

Ах, сколько тут было радости! Правитель назвал старого Сим-понса отцом, и они втроем были очень счастливы, прожили долгую жизнь.

Только иногда, вспоминая про обычай бросать юных девушек в море, Сим-чен грустила, а правитель в такие минуты утешал жену, говоря, что эти несчастные, возможно, будут так же счастливы, как она.

Ф.Шафигуллин. Фируза

В снежном вихре, кружась, летела маленькая снежинка Фируза. Почему Фируза? Возможно, потому, что она была похожа на драгоценный камушек. А может быть... Впрочем, кто возьмется ответить на вопрос, отчего родители дают нам то или иное имя? Фируза — и все тут. Тем более что дело вовсе не в имени снежинки.

Весь мир был засыпан снегом. В воздухе мчались снежинки, их было столько же, сколько звезд в бездонной вышине у нас над головой. А то, может быть, и больше, кто же их считал. Но как в этом огромном мире, в этой белой сутолоке и беспрестанном кружении можно приметить малюсенькую Фирузу, спросите вы.

Я советую вам взглянуть на снег, когда он тихо падает пушистыми хлопьями. Ну и шутник этот дядя, скажете вы, где же тут отыскать одну снежинку, если все они так похожи друг на друга! А вы не торопитесь, лучше попробуйте приглядеться

внимательно-внимательно. Видите? Одна снежинка собиралась сесть вам на лицо, да передумала — отлетела в сторонку. Вот она опустилась совсем низко, кажется, вот-вот сядет на землю. Но не тут-то было! На крыльях ветра снежинка опять легко взвилась вверх. Как ясный камушек на колечке, сверкнула она в солнечном луче, на миг пробившемся сквозь белесые тучи, и унеслась в хороводе таких же веселых и озорных, как она сама, подружек.

Неужели вы не заметили? Жаль. А ведь это была она. Да, да, сама Фируза, приветливая снежинка с серебристыми ресничками и шелковыми волосами.

Куда полетела Фируза? На этот вопрос она не могла бы ответить и сама. Ведь мир беспределен, а ветер так волен и быстр.

Но как вы могли подумать, что Фирузе безразлично, куда лететь. Еще как не безразлично! Только вот спросить некого. Взрослые снежинки все такие серьезные и деловитые, что с ними страшно заговорить.

Фируза долго летела молча, наконец не выдержала и обратилась к соседке, которая была намного старше ее:

— Послушайте, куда это мы так спешим?

— В леса, горы, поля,— ответила та, продолжая свой стремительный полет.

— Но для чего?

— Нужно побелить леса, обновить горы, укрыть поля.

Фируза посмотрела вниз:

— А почему мы не опускаемся на землю?

— У каждой из нас на земле свое место. Как только долетим, обязательно опустимся. И не все вместе, а по одной. Иначе земля не будет укрыта ровно. А если снежная перина не будет всюду одинаково пышной, земля промерзнет. Будет холодно земле — не уродится хлеб. Хлеба не будет — станет голодно. А голодные дети не умеют радоваться. Когда не звенит кругом детский смех, нам, снежинкам, бывает очень грустно. Вот почему самая большая наша забота — дарить детям радость.

Фируза задумалась. Она попыталась представить себе, что было бы, если бы дети вдруг перестали смеяться.

— А мне хотелось бы порадовать детей сейчас же! — сказала Фируза и надула пухленькие губки.

Снежинки, успевшие много повидать на своем веку, улыбнулись.

— В таком случае,— посоветовала Фирузе снежинка, которая была намного старше ее,— тебе лучше всего опуститься во-он на ту гору. Видишь, дети там на лыжах катаются? Ты сядешь на гору, и она станет повыше. Дети увидят это и очень обрадуются.

— Ах, на горе так много снежинок, смогут ли они увидеть меня среди них?

Снежинки пожали плечами и ничего не ответили на эти простодушные слова. Ведь они привыкли радовать детей все вместе. Желание Фирузы выделиться казалось им странным и ненужным.

— Тебе нужно скорей подрасти и стать сильной,— наставительно сказала одна взрослая снежинка, тяжелея и готовясь опуститься на землю.— Ведь выстоять под летящими с горы полозьями нелегко — нужно быть очень крепкой и выносливой. А ты вон какая маленькая и хрупкая!

— А разве маленькая снежинка не может порадовать детей? — опечалилась Фируза.

Снежинкам некогда было заниматься разговорами, они друг за другом падали на землю. Огромная перина, окутавшая озеро, луг и поле, становилась все пышнее и выше, а дорога — все мягче и глаже.

— А я не желаю радовать детей как вы,— говорила Фируза, перелетая от одной снежинки к другой.

— Нам бы тоже хотелось радовать их по-своему,— вздыхали снежинки,— но судьба у всех у нас одинаковая.

— Неужели нельзя по-своему доставить радость хотя бы одному малышу? — горевала Фируза.

— О, с таким беспокойным нравом ты очень скоро растаешь! — пробовали увещевать ее снежинки постарше.— Не нужно ничего выдумывать, живи как все.

— Нет, нет, нет! — не соглашалась с ними Фируза.— Пусть я растаю, но своего добьюсь. Мне так хочется порадовать какого-нибудь малыша, что я уже не могу иначе.

Фируза села вместе с другими снежинками на ветку, покачалась на ней и полетела дальше. Не по душе ей были и телеграфные провода, на крылышке птички тоже почему-то не сиделось. Вот уж все ее спутницы нашли себе место на земле, а Фируза все летела и летела.

Так оказалась она на деревенской улице. Там под голубыми воротами стояла маленькая девочка и громко плакала. Мимо шла женщина, закутанная в пуховую шаль. Она попыталась успокоить ревушку, но та даже не взглянула на нее: видно, очень уж обиделась на кого-то. Подбежал песик — ушки белые, лапки черные, хвост крючком. Уставился на девочку, забавно склонив голову набок, и затыкал. Но все было напрасно. Девочка терла глаза раскрасневшимися на морозе кулачками и плакала, плакала.

Фируза пролетела мимо девочки, потом еще раз, но та ее совсем не замечала.

— Не плачь, не плачь! — кричала снежинка во весь голос.— Видишь, я прилетела, чтобы порадовать тебя, посмотри, как красиво я сверкаю!

Но голосок у нее был так нежен и тих, что девочка, которая теперь плакала просто потому, что ей понравилось громко плакать, конечно же, не могла ее расслышать.

Девочке наконец надоело кричать. Она разжала кулачки и посмотрела на свои руки, но, увидев мокрые от слез ладошки, приготовилась разреветься пуще прежнего.

И тут Фируза решила. В последний раз взглянула она на небо, где порхали ее подружки, и села на ладошку девочки. Она тихо таяла рядом со слезинкой, а девочка, забыв о своем горе, восхищенно смотрела на нее широко раскрытыми голубыми глазами. Веселая маленькая снежинка с серебряными ресничками и шелковыми волосами успела заметить в глазах малышки радость.

Ветер подхватил слова Фирузы и унес высоко-высоко в небо.

— Прощайте, сестрички! — кричала снежинка.— Я таю, но мне весело: исполнилась моя мечта!..

— Прощай, храбрая Фируза! — отвечали ей сестры.

Ветер подхватил их, закружил и умчал вдаль.

Впереди батыра удача бежит

А. Файзи. Сказка про Азата Мергена и про девушку-лань

1

Девушка-лань

авным-давно в стране Булгар в охотничьем племени

жил батыр Азат Мерген. Был он бесстрашный, как тигр; зоркий, как сокол; быстрый, как олень; руки силы железной. Идет — земля под ним вздрагивает, ногой ударит — искру из камня выбивает. Гордился народ своим батыром, девушки славили его в песнях, а юноши старались во всем сравняться с ним. Вот каким был охотник Азат Мерген!

Однажды Азат Мерген, прыгая со скалы на скалу, пробивая тропу в непроходимых местах, поднимался в гору. Вдруг он заметил неподалеку лань невиданной красоты. Смотрит на нее батыр — не налюбуется, забыл и про лук, что висел за спиной. А как вспомнил да потянулся к колчану, чудо-лань легко, точно играючи, прыгнула и исчезла за скалой.

«Напрасно спугнул я ее», — подумал Азат Мерген, спрятал в кустах лук со стрелами и поднялся на скалу. Долго искал он глазами лань, но ее нигде не было видно. Час прошел, два прошло, много-много часов прошло, день медленно угасал, а соколиные глаза Мергена не высмотрели ничего, кроме уток на небе да диких коз, резвившихся у подножия горы. Повесил голову охотник, взял свой лук и нехотя побрел домой. Охота уже не радовала его.

На другой день снова пришел Азат Мерген к скале. На этот раз он был без лука. Спрятался в кустах и стал ждать. Час прошел, два часа прошло, вот уже усталое солнце уплыло за высокие горы, а лань все не появлялась.

Печальный спустился с горы Азат Мерген, еще раз взглянул наверх — что за диво! Лань стоит на прежнем месте и смотрит ему вслед. Бросился к ней джигит, но не успел сделать и шага, как пугливое животное исчезло.

Дома Азат Мерген не прикоснулся к еде и прилег на шкуру медведя. Сон, однако, не шел к нему. Забылся джигит лишь перед рассветом.

Наутро, едва взошло солнце, Мерген поспешил в горы. На этот раз он обошел скалу и спрятался на той ее стороне, откуда появлялась лань. Долго просидел он в укрытии, и только когда солнце стало клониться к вершинам гор, услышал наконец легкий шорох: она!

Радостно забилося сердце джигита, но он сидел тихо, боясь вздохнуть. Лань прошла совсем близко, поднялась на скалу и остановилась на краю глубокой пропасти.

«Сейчас я выйду на тропу, — подумал Мерген, — ей не уйти от меня!»

Осторожно раздвинул кусты охотник и замер: по горной тропе бесшумно крался молодой тигр. Желтые, немигающие глаза его неотрывно следили за ланью, а та и не чувяла опасности. Ближе, ближе подбирался зверь, вот уж приготовился к прыжку, но первым прыгнул Азат Мерген и придавил собой тигра.

Страшный бой завязался на узкой тропе.

Лань метнулась в одну сторону, в другую и застыла на месте. Ее прекрасные глаза с надеждой смотрели на юношу.

На миг удалось Мергену вывернуться из цепких лап тигра. Припав на одно колено, сильными руками сдавил он горло хищника. Тут и лань будто ожила, нетерпеливо переступила с ноги на ногу.

Отчаянно извиваясь, хлестал тигр джигита хвостом, царапал лапами. Но таяли силы зверя, он задыхался и хрипел.

Нелегко давалась победа и Азату Мергену. С трудом переводил он дыхание, кровавый пот застилал ему глаза.

Наконец зверь затих и вытянул лапы. Не знал Азат Мерген, что это была только уловка. Едва он разжал руки и повернулся к лани — еще яростнее набросился на него тигр. Теперь внизу был Мерген. Однако бесстрашный джигит быстро пришел в себя.

Собрав последние силы, схватил он острую палку и с размаху вонзил ее в раскрытую пасть... Зверь рухнул на землю, но и охотник остался лежать неподвижно.

Много ли, мало ли прошло времени, вот поднял джигит голову, огляделся. Увидев лань, он вспомнил вдруг, что произошло с ним, медленно встал и отошел в сторону, уступая ей дорогу. Но лань не уходила, по-прежнему смотрела на него.

Ласково улыбнулся джигит:

— Не бойся меня, милая лань, ступай своей дорогой!

И лань точно поняла его: легко спустилась с уступа скалы и доверчиво подошла к джигиту. Послышался тихий взволнованный смех.

Кто смеется? Удивленно огляделся Мерген по сторонам. Неужели лань?!

Охотник шагнул ближе. Думал он, что напугается лань, умчится, как прежде, но она не двигалась с места. Прекрасные умные глаза, каких не встречал он раньше у лесных зверей, смотрели на него. Невольно протянул он руку, осторожно коснулся мягкой шелковистой шерсти и отступил в изумлении: юная красавица стояла перед ним, золотые пряди струились по плечам.

— Отчего ты смеешься? — спросил пораженный Мерген.

— От радости... — ответила красавица нежным, как звуки курая, голосом.

— Какая же у тебя радость?

— Когда я была маленькой, злой хан покорила нашу страну. Спасаясь от врагов, убежала я в лес. Меня приютили лани. Десять лет прожила я среди них и сама превратилась в лань. Родные пробовали вылечить меня, обращались к колдунам и знахарям, но не помогли ни заклинания, ни травы... Только один самый старый и мудрый человек нашего племени перед смертью сказал: «Девочка снова примет человеческий облик, если полюбит храброго джигита, который спасет ее от гибели»... Как видишь, сегодня сбылись его вещие слова.

— Я спас тебя от тигра, выходит, ты любишь меня! — воскликнул Мерген.

— Да... — девушка опустила голову, по щекам ее разлился румянец.

Нежно к груди прижал ее Мерген, поцеловал в глаза.

— С этого дня я не расстанусь с тобой! — твердо сказал он.

Девушка ласково отстранила его.

— Джигит, выслушай меня до конца. Еще сказал старик: «Жизнь их будет полна невзгод. Много горя выпадет на их долю, а радость и счастье придут слишком поздно».

— Не бойся, милая лань! У меня хватит сил побороть любую беду! — воскликнул Мерген. — Храброго сына подарить ты мне, а втроем мы победим все невзгоды.

— Хорошо, если он будет смел и отважен, как ты! А если он будет робок, как лань?

Мерген весело рассмеялся:

— Не печалься! Я сумею пробудить отвагу в его сердце...

— Хорошенько подумай, джигит, чтобы потом не пожалеть об этом.

— Этого не будет никогда! — поклялся Азат Мерген.

С этого дня они зажили вместе.

2

Лебединое озеро

Потекли дни один лучше другого. Дни сливались в недели, недели — в месяцы. И вот однажды Алмаз-Ирке (так звали юную жену охотника) родила чудесного мальчика. Его называли Даниром.

Азат Мерген был счастлив.

— Как отблагодарить мне тебя за сына? — спросил он жену.

— Посади сад, мой милый Мерген,— ответила Алмаз-Ирке.— Пусть в нем пасутся лани и дикие козы. А посреди сада пусть будет озеро с белыми лебедями.

Так и сделал охотник.

...Далеко разнеслась людская молва о прекрасном тенистом саде Азата Мергена. Среди редкостных деревьев дикие козы и олени мирно щипали траву и не боялись людей, а на озере величаво плавали белоснежные лебеди. Поллюбоваться садом люди приходили издалека.

Двери дома Азата Мергена были гостеприимно распахнуты для всех.

Очень полюбил сад маленький Данир. С утра до вечера резвился он с ланями и козулями. Не мог нарадоваться Азат Мерген, глядя на сына. Какие только забавы не придумывал он для него!

— Сынок! — сказал он однажды и подал ему небольшой лук со стрелами.— Жизнь коротка! Придет время, и стану я дряхлым стариком. Руки мои уже не смогут натянуть тетиву лука. Делать это придется тебе...

Все, кто видел мальчика, поражались его редкой красоте и необыкновенному уму. Завидев в небе стаю диких гусей, он сразу, не считая, говорил, сколько летит птиц. По следам Данир безошибочно называл зверя и даже узнавал его возраст. А позже он научился понимать язык зверей и птиц и подолгу с ними разговаривал.

Как-то раз, срезав камыш, что рос на берегу озера, Данир смастерил себе курай и больше не расставался с ним.

Целыми днями просиживал он теперь на берегу лебединого озера, играл на курае, кормил птиц. Слушая нежные мелодии, люди качали головами от удивления. А любимец Данира, белый лебедь с пушистым хохолком, похожим на корону, подплывал совсем близко и замирал, доверчиво положив голову к нему на колени. Данир пел ему лучшие свои песни. Вот одна из них:

О, лебедь мой милый!
Ты — птица рассветная!
Серебро твоих крыльев —
Богатства несметные.
Как ты плаваешь гордо,
Твои крылья как ветер,
Мне разлука с тобою
Мучительней смерти.
Если ты опечален,
Мне тоскливо и горько,
По тебе я скучаю,
Друг мой нежный и гордый.
Твоя радость, как солнце, —
Мне веселье и радость.
Что же будет со мною,
Коль с тобой я расстанусь?!
Через семь рек пройду я
С тоскою и болью.
Никогда, о мой лебедь,
Не расстанусь с тобою!;

Много песен сложил Данир. Они переходили из уст в уста, вызывая радость и восхищение людей.

Так шли годы. Но как за солнечным днем приходит ненастье, так и неожиданная беда унесла счастье Азата Мергена. Один день сделал то, чего не могли сделать годы: глубокие морщины прорезали его лицо, серебром покрылись виски.

А случилось вот что...

Ранним утром, едва встав с постели, Данир, как всегда, побежал к озеру. Еще издали завидев его, лебеди поспешили навстречу. Красиво изогнув длинную шею, впереди всех плыл лебедь с короной. Вдруг из-за деревьев метнулась большая черная птица, схватила лебеда когтями и поднялась с ним в небо. Данир в отчаянии не знал, что делать. Но тут неведомо откуда меткая стрела вонзилась орлу под левое крыло. Захлопала единственным крылом раненая птица, описала в воздухе круг и скрылась, падая, в роще.

— Беги за орлом, спасай своего друга! — услышал Данир.

Из-за деревьев показался Азат Мерген с луком в руке. Данир со всех ног бросился к тому месту, куда упал орел.

Вслед ему поспешил Азат Мерген и остановился на поляне, не веря глазам своим. Под дуплистой сосной сидел раненый орел. Цепко держал он в когтях жертву и судорожно бил по земле правым крылом, пытаясь взлететь... А Данир... Данир стоял перед ним с протянутыми руками и растерянно просил на орлином языке:

— Отдай моего лебеда, не разлучай меня с милым другом.— Слезы катились по его бледным щекам.

Опешил отец:

— Данир, ты ли это?! — воскликнул он с горечью и укором.— Ты просишь у врага милости вместо того, чтобы обломать ему крылья, свернуть шею?!

Шагнул Данир к грозной птице и остановился, не решаясь подойти ближе. Тут сам Азат Мерген в негодовании набросился на орла. Тот ударил его крылом — еле удержался на ногах охотник. Тогда схватил он мечущееся крыло птицы и сломал его. Страшный крик испустил орел, разжал когти. Бросился Данир к лебедю, но отец оттолкнул его:

— Прочь! Не прикасайся к птице! Из когтей врага нужно было брать ее! — Он сам поднял лебеда и отнес к озеру.

Лебеди на озере долго взволнованно хлопали крыльями и громко кричали. Так благодарили они своего спасителя — бесстрашного Азата Мергена...

3

Медведи

Этой ночью никто в доме Азата Мергена не сомкнул глаз. Сам он до утра просидел на пороге, устланном тигровой шкурой, все молчал и хмурился. С тревогой смотрела Алмаз-Ирке на мужа, молча ждала его слов, украдкой вытирала слезы. В доме на большой медвежьей шкуре беспокойно ворочался Данир. Он тоже все думал о случившемся и не мог уснуть. Наконец в предутренней тишине послышался дрожащий голос матери:

— Помнишь наш первый разговор, милый Мерген? Не говорила ли я тебе тогда, что сердце мальчика может оказаться робким, как у лани?

— Помню... Ты ни в чем не виновата, моя славная лань! Я сам не сумел вырастить сына храбрым...

Они снова умолкли. О чем родители говорили дальше, юноша не слышал. Под чистый звон далекого горного ручья забылся он глубоким сном...

А когда Данир открыл глаза, отца уже не было. На заре охотник покинул дом, не зная, как утешить изболевшееся сердце. Он прошел дремучий лес и очутился у реки, с шумом катившей свои воды меж каменистых берегов. Взобрался охотник на высокий холм и сел на траву. За ночь виски его побелели, черные тени легли вокруг глаз.

Долго сидел неподвижно Мерген, подперев голову рукой. Тревога на сердце не проходила, тяжелые думы не давали покоя. Внезапно треск валежника на другом берегу привлек его внимание. Поднял голову охотник, насторожился. Из чащи, неуклюже переваливаясь с боку на бок, появился огромный бурый медведь, за ним медведица с четырьмя детенышами. Медвежата забавно ковыляли рядом с матерью, то и дело путаясь у нее под ногами. Облюбовали медведи удобный спуск и направились к воде.

Раньше всех в реку вошел медведь, потом медведица. Медвежата топтались на берегу, нюхали воду, фыркали, пятились...

Но вот самый смелый плюхнулся в воду и, пыхтя, поплыл за родителями, за ним последовали еще два медвежонок. Только один, самый маленький, пугливо косился на братьев.

Медведица повернула назад, подплыла к малышу совсем близко и несколько раз окунула голову в воду, будто говоря: «Не бойся, глупыш! Видишь, ничего страшного»... Медвежонок водил за матерью черным носом, но в воду не торопился. Тогда к берегу решительно направился медведь-отец. Он схватил трусишку зубами за шиворот и с крутого откоса забросил его на середину реки. Только брызги полетели во все стороны. Мать кинулась на помощь. Но когда она выплыла на середину, малыша уже не было. От места, куда он только что шлепнулся, лишь большие круги расходились... В испуге заметалась медведица, нырнула, но тут из воды, как поплавок, выскочил медвежонок. Чихая и отдуваясь, поспешил он к остальным медвежатам...

Вскоре медведи выбрались на берег. А маленькому трусишке, видно, полюбились купание: он весело нырял, плескался, и только когда вся семья поднялась на высокий берег, нехотя вылез из воды и бросился догонять своих. Вскоре медведи скрылись в темной дубраве...

Задумчиво посмотрел им вслед Азат Мерген, затем быстро встал и пустился в обратный путь. Казалось, он принял какое-то решение.

4

Великое испытание

Настало время исполнить задуманное. В темную грозовую ночь разбудил Азат Мерген жену.

— Готовь нас в дальнюю дорогу,— сказал он.

Пряча от мужа слезы, собрала Алмаз-Ирке все нужное для дороги. В мешок из шкуры дикого барса положила поджаренное на углях мясо, насыпала сухих лесных ягод, в саду свежих яблок нарвала. В большие бурдюки налила кумыс¹ и айран². В сапоги из медвежьей шкуры сложила куски кожи, на случай, если прохудятся в пути, а к поясу сына заботливо прикрепила кинжал с костяной рукояткой, украшенной алмазами.

Бушевала непогода. Пламенные стрелы молний разрезали ночную тьму, громовые раскаты гулко разносились по глубоким теснинам.

— Прощайся с матерью,— сказал Даниру Мерген.

Словно хмель с нежным вьюнком, обвились руками мать и сын, ни лютый ветер, ни злой ураган не оторвали бы их друг от друга. Но сделало это одно слово Азата Мергена. Не любил он отступать от своих решений.

— Пора!

И простилась Алмаз-Ирке с Даниром. Закусив губы, чтобы не разрыдаться, вышла она проводить мужчин в долгий, опасный путь.

Три дня и три ночи шли Азат Мерген с Даниром. Все круче, все трудней становилась дорога. К вечеру четвертого дня были они почти у самой вершины высокой горы. Но тут надвинулись черные тучи, стало совсем темно. Вскоре налетел ураган невиданной силы, засверкали молнии и с шумом обрушились на них потоки ливня.

Дождался молнии Азат Мерген, при свете ее прикинул путь и в кромешной тьме уверенно повел сына, держа за руку. Он останавливался, ожидая новой вспышки, и снова вел Данира вперед. Так шли они всю ночь. Все яростнее гремел гром, все быстрее мчались с гор потоки, то и дело грозя сбросить путников в бездонную пропасть. Они цеплялись за огромные камни, но камни сносило водой, хватались за деревья, но могучий ветер вырывал их с корнями. Страшные, жалобные крики зверей и птиц слышались сквозь вой урагана. Их норы и гнезда затопило водой.

Наконец утомился дождь, ослабли немного потоки. Старый Мерген отпустил руку сына. «Пусть набирается сил, крепнет в борьбе»,— решил он. Пошли они рядом. Трудно Даниру: бьют, с ног валят струи воды. Изнемогает он, часто отстает. Тогда ждет его старый Мерген, но руки не протягивает.

В тех краях часто повторялись грозы на исходе лета. Заранее почуяв их, звери спешили спрятаться в норах, птицы в страхе уносились в долины, люди запирались в своих домах. Случалось, гроза затихала, а затем неожиданно обрушивалась с такой необузданной силой, словно хотела выплеснуть всю злобу, что накопилась за много дней.

Так было и теперь. В туче, что клубилась над головами путников, снова сверкнули молнии, грянул гром, с шумом хлынул дождь. Не расслышал Мерген голоса Данира, который звал на помощь. Оглянувшись, увидел он при свете молний, что Данир упорно борется с течением. Гордостью наполнилось сердце отца.

— Не сдавайся, сынок, не сдавайся! — крикнул он. — Держись! Вот так! Еще немного, и мы будем в долине.

Когда снова сверкнули молнии, Данира уже не было видно. «Данир!» — крикнул Мерген в отчаянии, но голос его затерялся в шуме дождя. Кинулся Мерген назад. Стремительный поток сшиб его с ног. Падая, успел он обхватить руками большой валун, но бурное течение размыло под камнем песок и увлекло его за собой...

Лучи утреннего солнца осветили склоны гор. Гроза давно прошла, лишь блестящие змейки ручьев напоминали о ней.

Под корнями дуба, сваленного бурей, на самом краю пропасти зашевелился человек. Он медленно поднялся и, оглядевшись по сторонам, громко позвал:

— Дани-ир! Сын мо-ой!

Эхо подхватило его слова и, повторяя, понесло по ущелью. Человек кричал еще и еще, но напрасно: никто не отозвался на его крик. Он, карабкаясь по уступам гор, заглядывал в глубокие расщелины. Там, внизу, громоздились большие камни, снесенные водой, вырванные с корнем могучие деревья, виднелись убитые бурей птицы и звери. Шакалы уже собирались на богатый пир.

Молча стоял Азат Мерген над пропастью, в которой погиб его сын. Две крупные слезы покатались из глаз, не умевших раньше плакать, и медленно скатились по щекам. Опустив голову, тихо побрел он домой.

Алмазбану

В тот ранний час из пещеры на противоположном склоне горы, опираясь на клюку, вышла старушка. Яркие лучи солнца ослепили ее. Прикрыв глаза ладонью, она неторопливо осмотрелась. Ветер играл прядями серебристых волос. Глаза молодо глядели из-под седых бровей.

Завидев ее, шакалы затрусили прочь.

— Что им здесь нужно? — пробормотала старушка, направляясь к гряде камней.— Неспроста сбежались они.

Вдруг она увидела лань, придавленную толстым деревом. Та была мертва. Задрожала старушка, слезами наполнились ее глаза.

— Бедняжка! — проговорила она.— Уж не ты ли это, милая доченька?..

Тут кто-то слабым голосом позвал:

— Мама...

Старушка поспешила на голос и увидела среди камней израненного юношу. Его прекрасное лицо было бледно, глаза закрыты. Она склонилась над ним:

— Кто ты, славный джигит?

Но юноша, не поднимая век, снова тихо позвал:

— Мама...

Старушка бросилась к пещере. Она торопилась изо всех сил. Вскоре она появилась с большой раковиной в руках. Набрала воды, обмыла раны, высушила их древесным мхом и покрыла целебными листьями. А сама, примостившись у изголовья, стала терпеливо ждать, когда он придет в себя.

Много времени прошло так, но вот юноша глубоко вздохнул и открыл глаза.

— Где мама?.. Я слышал ее голос...— с трудом проговорил он.

— Здесь никого нет, кроме меня, сынок. Ты мог слышать только мой голос...

— Да, да! Вот этот голос!.. Он так похож...

— Чей же ты сын, джигит?

— Моя мать — Алмаз-Ирке, добрая девушка-лань...

— Внучек мой! — воскликнула старушка.— Так я же... я мать Алмаз-Ирке.

— Бабушка!

Они крепко обнялись. От волнения оба долго не могли вымолвить ни слова.

Время шло. Луна трижды округлялась на небе и трижды истончалась, как серп, а старая Алмазбану все еще неустанно хлопотала вокруг больного Данира.

Наконец поднялся он на ноги. Смастерил себе лук, наточил стрелы, стал ходить на охоту. Но ничто не веселило его: скучал джигит по дому — по матери и отцу. Даже в звуках курая слышалась теперь тоска. Когда Даниру становилось особенно грустно, поднимался он на вершину горы, и далеко вокруг разносилась его песня:

В страну Месяц,
на родную землю Солнце,
в дом родимый вернулся бы я.
Подошел бы к тихому озеру,
где плавают лебеди белоснежные,
заглянул бы в глаза моей матери
с любовью и нежностью.
На колени бы пал перед
любимым отцом.
У него прощение вымолил.
Но не стал бы бояться —

я трусом не стал,
слов трусливых не вымолвил.
Ведь я сын боевого батыра
Мергена!
Мысль о доме родном —
незажившая рана.
О, найду ли когда-нибудь снова дорогу
в отчий дом,
к знакомому с детства порогу?
О, услышу ли снова
птиц немолкнущий гомон?
О, когда постучусь я
в дверь родимого дома?

Услышала эту песню старая Алмазбану, подседа к Даниру, ласково провела рукой по его волосам и сказала:

— Внучек мой! Я знаю дорогу к твоему дому. Нелегка и опасна она...

Данир вскочил на ноги:

— Где эта дорога, бабушка? Я теперь ничего не боюсь...

— К востоку отсюда лежит твой путь, вдоль берега реки... — показала рукой Алмазбану.

— Так пойдем со мной! Я понесу тебя на руках.

— Нет, — покачала головой старушка, — дорога эта неблизкая... И раньше, чем пойти на восток, ты должен повернуть на запад. Там, между трех гор, поселилось племя трусов.

— Что это за племя? — удивился Данир.

— Ох, — горестно вздохнула старушка, — это тоже дети мои и внуки. Не сумели они постоять за землю, и теперь баскак злого хана хозяйничает там. Одна Алмаз-Ирке, моя любимая доченька, не покорилась врагу и превратилась в лань. Нашлись подлые предатели и трусы, которые хотели выдать меня баскаку. Настроили они детей моих против меня. Прокляла я их. «Будьте же презренными рабами, — сказала я им, — пусть всюду зовут вас жалкими трусами». Ушла из дома я родного. Так и будут они жить с этим позорным прозвищем, пока не восстанут против хана, не победят его в жестоком бою.

— Покажи мне, бабушка, дорогу к племени трусов, я помогу им! — воскликнул Данир и схватил свой лук.

Засияли глаза старушки.

— Но готов ли ты к битве? — спросила она.

— Готов, бабушка!

— Большие испытания ждут тебя в стране трусов. Хватит ли у тебя смелости?

— Хватит, бабушка!

— Этого еще мало. Ты должен будешь научить смелости тех, кто живет в той стране...

— Я научу их!

— Хорошо, внук мой! Пусть эти слова будут твоей клятвой! — твердо сказала старушка и поцеловала Данира.

На другой день солнце застало Данира в пути. Было еще совсем темно, когда он перекинул через плечо лук, заткнул за пояс курай и, попрощавшись с бабушкой, зашагал туда, где жило племя трусов.

Город трусов

Семь дней и семь ночей шел Данир берегом большой реки. На восьмой день впереди показались три горы. Но пройти к ним было нелегко. Дорогу преграждали топи, груды камней, глубокие овраги, заполненные водой. Данир и плыл, и карабкался по крутым склонам, цепляясь за каменные выступы, и лез через колючий кустарник, в кровь раздирая руки. Порой хищные звери преграждали ему путь, но метко поражал он их острыми стрелами. Наконец дошел до последнего оврага и, заглянув в него, отпрянул: на дне шипели и извивались сотни ядовитых змей. Обойти овраг было нельзя.

Задумался Данир. Как быть? Повернуть назад? Но ведь он дал клятву! И юноша взялся за дело: целый день собирал и кидал в овраг сухую траву, листья, хворост. А когда стемнело, высек огонь, поджег пучок тростника, бросил его в овраг. Вмиг превратился он в пылающий костер. В огне сгорели все змеи, и Данир продолжил путь.

Когда он спустился в долину, что лежала между трех гор, на небе зажглись первые звезды. Усталый юноша присел отдохнуть и незаметно уснул.

Солнце поднялось не выше копыя, а Данир уже был на ногах. Перед ним в низине лежал город трусов. Он сразу узнал его. Все было в нем так, как рассказывала бабушка. Город был обнесен стеной из камня и бревен, которая во многих местах успела разрушиться. С трех сторон его окружали горы. Люди здесь жили не в домах, какие видел Данир у себя на родине, а в пещерах, отгороженных каменными и деревянными стенами. А кому не хватило пещер, жили в глубоких землянках с такими же небольшими отверстиями на крышах.

С удивлением рассматривал Данир странный город. Множество людей, несмотря на утренний час, в беспорядке сновали по улицам. Они суетились, что-то кричали, показывали на него пальцами. А те, кто работал у городской стены, вдруг побросали кетмени, лопаты и кинулись бежать. А вскоре все они, подобно зверькам, быстро исчезли в темноте жилищ. «Кто они, люди или суслики?» — подумал Данир.

Когда он вошел в городские ворота, на улицах уже не оставалось ни души. Данир постучал в одну дверь, потом в другую. Нет ответа. «Этих людей недаром прозвали трусами, они просто боятся меня!» — догадался он.

Юноша прошел на городскую площадь, вынул из-за пояса курай и, присев на камень, начал играть. Над притихшим городом полились нежные звуки. Мелодия текла сначала тихо и плавно, словно воды лесного ручья, потом зажурчала подобно горному потоку, весело прыгающему по камням. Она то смеялась, то плакала, то звала куда-то...

Но вот из пещер показались головы любопытных. Те, что были смелее, медленно вышли на звуки курая. Не прошло и часа, как большая толпа собралась вокруг. Но люди боялись подойти близко и каждую минуту готовы были убежать.

Данир перестал играть. «Заговорю, так опять напугаю их», — подумал он и, улыбаясь, молча оглядел трусов. «Не бойтесь, я свой», — говорил его взгляд. Но те смотрели на него с недоверием, опаской. Даниру показалось странным, что ближе всех к нему стояли совсем юные девушки. За ними толпились девушки постарше, мальчишки, женщины, старухи, и только позади всех выглядывали молодые парни и здоровые мужчины. Это рассмешило Данира. «Дочери Алмазбану достойны своей матери!» — подумал он.

Вдруг одна из девушек, сидевших неподалеку от Данира, храбро попросила:
— Сыграй еще что-нибудь!

Данир с любопытством обернулся. На него с улыбкой смотрела юная красавица. Ее нежное лицо золотилось загаром. Из-под высоких тонких бровей, напоминавших крылья летящей птицы, блестели черные бойкие глаза.

Снова заиграл Данир. Девушка подошла к нему и села рядом. За ней потянулись остальные. Увидев, что вокруг собрались почти все жители города, джигит отложил курай и запел. Свободно полетел над толпой его красивый молодой голос. И вот о чем пел Данир:

Говорят, будто племя могучее
было в одной стране.

Говорят, будто славилось мужеством
сыновей на войне.

Говорят, что невесты прекрасные
были в племени том.

Говорят, жили люди там счастливо,
уважали свой дом.

Но однажды хан жадный
начал с ними войну.

Говорят, злые полчища
окружили страну.

Через три года тучею
хана воины шли,
чтобы племя могучее
уничтожить с земли.

Говорят, сыновей своих
созвала тогда мать.

С ханом злым и завистливым
шли сыны воевать.

Говорят, что на битву великую
смело воины шли.

Говорят, злые полчища
разгромили они.

Говорят, чуть не лопнул
от злости
хан, об этом узнав.

Говорят, еще большее войско
он на битву послал.

Бой кровавый затеял
хан жестокий и злой.

Говорят, много воинов
в том бою полегло.

Говорят, войско хана
было больше в пять раз.

Говорят, что джигиты
погибали от ран.

Говорят, смельчаки того племени
в злом бою полегли,
но жестокое войско хана
победить не смогли.

Говорят, остальные, не выдержав,
побежали назад,
на бегу свои копыта легкие

и мечи побросав.

Слушали люди песню, и лица их светлели от радости. Когда кончил Данир, они закричали:

— Братья! Мать Алмазбану жива! Только она могла поведать джигиту эту историю!

— Кто у вас тут старший? — спросил Данир.

— Куркур здесь самый старший, — ответило несколько голосов разом.

— Где же он?

— Его нет. Он повез баскаку нашу дань.

— А кто такой баскак?

Разом люди замолчали, стали пугливо озираться по сторонам.

— Я понял... Это он правит вашей страной. Так?

— Да, он... — шепотом подтвердил один из трусов, но, оглядевшись, торопливо залепетал: — Нет, нет, нет, это не я сказал... не я... — И тут же, попятившись, исчез в толпе.

— Разве он такой страшный, что вы боитесь о нем говорить? — спросил Данир.

Вперед вышел седой как лунь старик.

— Сын мой! Пока не вернулся Куркур, — заговорил он, — уходи отсюда подобру-поздорову. Для тебя и для нас будет лучше. Баскак строго повелел каждого чужого хватать и отправлять к нему на расправу. Баскак не терпит чужеземцев.

— За меня бояться не нужно, — ответил Данир. — Я должен остаться у вас! Так велела бабушка Алмазбану... Скажите только, кто из вас приютит меня в своем доме?

В толпе зашептались. Тут заговорил другой старик:

— Сынок, каждый с радостью пригласил бы тебя, но боимся мы гнева баскака.

Любой, кто посмеет приютить у себя чужака, должен будет держать перед ним ответ. Таков приказ самого хана... Но я уже отжил свой век, смерть мне не страшна. Пойдем ко мне, пусть я один буду за тебя в ответе!

Девушка, которая первой заговорила с Даниром, вспыхнула от радости и повторила:

— Пойдем, пойдем к нам!

То были старый кузнец Жантимир и дочь его Айгюзель.

7

Куркур

Утром сильный шум разбудил Данира. Он выскочил на улицу.

— Что случилось? — спросил он бежавшего мимо мальчишку.

— Поскын у-у-убил вот такую здоровенную крысу! — прерывающимся голосом ответил тот.

— Ну и что же? — удивился Данир.

— Так ведь крысы презлющие... Мы их очень боимся... Они же прыгают на людей!

Услышал разговор какой-то старик и горестно вздохнул:

— Беда с этими крысами! В амбарах хозяйничают, как у себя дома, последний хлеб наш поедают.

Данир разыскал Поскына.

— Ты храбрый джигит! — сказал он ему. — Но слава без новых дел долго не держится. Хочешь, я помогу тебе прославиться?

Поскын даже приосанился: всякому приятно услышать, как его хвалят.

— Ладно, говори, что делать! — сказал он важно.

— Пойдем со мной, там все узнаешь,— ответил Данир.

Они направились к старому амбару на пустыре, поодаль от жилищ. Когда пришли, Данир сказал:

— Поскын, давай замажем в амбаре все дыры и щели, только в самом низу оставим небольшое отверстие, такое, чтобы в него могла пролезть крыса.

— И что потом?

— Потом мы принесем сюда мяса, масла, зерна целую кучу. Все крысы города соберутся в амбаре, и тут-то мы и закроем эту последнюю дыру. И всех крыс перебьем! То-то тебя все храбрецом назовут.

Сказано — сделано.

Крысы быстро почуяли запах снеди в амбаре. Одна крыса, другая, а потом целые полчища их двинулись к пустырю. Притаившись в сторонке, Данир с Поскыном терпеливо ждали, пока последняя крыса скроется в дыре. А потом — раз! — и быстро завалили ее большим камнем.

Посмотреть на это необычное зрелище собрался весь город, а Данир и Поскын взобрались на амбар и, оторвав на крыше несколько досок, обрушили на крыс град камней. За ними полезли другие. Даже самые отъявленные трусы не побоялись бросить в крыс по камню.

До самого вечера люди не могли говорить ни о чем другом, кроме как о подвиге Данира и Поскына.

На другой день от баскака вернулся Куркур. Он тотчас приказал привести Шомходжу — самого большого труса в этом городе. (Потому-то Куркур и сделал его своим главным доносчиком.) Представ перед Куркуром, Шомходжа затрепетал от страха.

— Ну, рассказывай, что тут было без меня. Никто не говорил ничего дурного обо мне или баскаке? — строго спросил Куркур.

Заикаясь, Шомходжа залепетал:

— У-у... Куркур-ага, в ваше отсутствие... э... э... здесь произошли большие и необыкновенные события...

— Рассказывай живее!

Шомходжа покосился на дверь и, понизив голос, продолжал:

— Здесь был крысиный праздник...

— Какой еще такой «крысиный праздник»?!

— Храбрецы Поскын и Данир били... э... били в барабаны... собрали... э... народ... все их хвалили... э... э...

— Ну, заладил свое «э» да «э»! Кто такой этот... как его? Дан... Дан...

— Данир? Э... э... я и забыл сказать о нем... В наш город пришел... э... э... чужой джигит...

— Что?! — сразу насторожился Куркур.

...Наконец Шомходжа кое-как справился с рассказом. Выпучив глаза, Куркур растерянно слушал его.

«Что делать?» — соображал он.— Взять джигита под стражу или сначала вызвать к себе и допросить? А не лучше ли вернуться к баскаку и поведать ему обо всем?»

Но Куркуру не пришлось долго ломать голову. Ему доложили, что Данир сам пришел к нему. Тут Куркур испугался еще больше. Он не хотел оставаться с джигитом наедине.

— Ладно, пусть ждет меня на площади,— поспешно сказал он.— Я буду разговаривать с ним при всех.

Данир пришел на площадь, а там уже собрался народ. Людям не терпелось узнать, о чем будет говорить Куркур с Даниром.

Опираясь на палку, появился и сам Куркур. Сутулый, длинный, с косматыми черными бровями, нависшими на глаза, и длинными усами под крючковатым носом, он важно прошел к большому камню. На этом камне он восседал в торжественные дни.

Шум унялся тотчас. Куркур, выждав время, ткнул пальцем в Данира и закричал:

— Хватайте его, вяжите!

Но никто не сдвинулся с места.

— Быстро! Чего смотрите? Такова воля Куркура, указом самого хана поставленного над вами!

Люди продолжали стоять неподвижно.

Куркур заерзал на камне. Сейчас этот чужеземец набросится на него, а народ... народ все так же безмолвно будет смотреть...

— Ну! — Куркур хотел крикнуть очень громко, да страх сдавил ему горло, и никто его не расслышал. Он заметил в толпе старого кузнеца и впился в него глазами. Старик не раз выручал его мудрым советом. Что же скажет он теперь?

И Жантимир заговорил:

— А зачем нам хватать этого джигита? Он ничего плохого не сделал. Наоборот, мы все у него в долгу.

Толпа ожила.

— Да, да! Он избавил нас от крыс! — разом заговорили несколько человек.

Куркур беспомощно заморгал глазами: все на стороне чужака.

— Опомнитесь, безумцы! Что вы говорите? — закричал он. — Разве вы не знаете, что нам за это будет?

— Мы ничего не скажем хану, — послышалось со всех сторон.

— А как же с крысами? — напомнил Куркур.

— Что — крысы? Их уже нет! — раздался чей-то недоуменный голос.

— Но ведь за них баскак снесет нам теперь головы!

Тогда заговорил Данир.

— Почему? — спросил он.

Куркур не ответил.

— Да, почему, почему? — зашумели все в один голос.

Куркуру пришлось объяснить.

— Крысы... крысы ведь... — начал он сбивчиво, подбирая слова, и вдруг зашепел: — Баскак наложил на нас дань в сорок батманов льна, сорок батманов овса, двадцать бочек меда и двадцать бочек сала. Он ведь отвечает перед самим ханом. Что же он ответит, если крыс больше нет? Ведь хан теперь потребует с него дань сполна...

Данир сразу понял, в чем дело, и громко воскликнул:

— Вы поняли, люди добрые? Часть вашей дани ханский баскак оставляет себе, а хану говорит, что ее съели крысы! Вот какие «крысы» поедают ваше добро!

Послышался страшный шум.

— Мы голодаем, — кричали люди, — все отдаем хану и его баскаку... Не будем больше платить столько дани!

Лицо Куркура перекосилось:

— Что вы говорите, безумцы! Если об этом узнает баскак, он завтра же нагрянет сюда. В пепел превратит весь ваш город!..

Данир прервал его:

— Пстой, Куркур-ага! Скажи, когда надо платить следующую дань?

— Как соберем урожай...— ответил Куркур дрожащим голосом.
— Значит, через шесть месяцев... Тогда мы сделаем так: не дадим ничего ни хану, ни его баскаку...
От страха Куркур чуть не свалился с камня.
— А если они придут сюда со своим войском? — пролепетал он.
Данир засмеялся:
— Не дрожи так! Раньше чем через шесть месяцев они не явятся, а до тех пор мы соберем урожай, обменяем его у соседних племен на оружие и научимся владеть им. Тогда никакой хан не будет нам страшен.
— Правильно! — поддержал старый кузнец.
— Он дело говорит! — согласились с Даниром и другие.
Но большинство трусов молчало.
— Почему вы молчите? — обратился к ним Данир.— Или среди вас совсем не осталось храбрых джигитов? Или вы не дети Алмазбану?..
При этих словах все повернулись в одну сторону. Там, в конце площади, одиноко стояла высокая черная башня. Кузнец объяснил Даниру:
— Всех смелых мужчин нашего племени баскак заточил в эту башню...

8

Страна Смелчаков

Глядя на Данира, совсем забыли люди о страхе. Они взломали железные двери и освободили джигитов, которые томились в черной башне. Потом сместили Куркура и, подняв в воздух кетмени и палки, избрали кузнеца Жантимира старейшиной племени. Посоветовавшись со стариками, кузнец и Данир решили выставить вокруг города стражу. Во главе ее был поставлен храбрец Беркет, которого только что освободили из темницы.
Затем Данир с почтением обратился к Жантимиру.
— Мудрый старейшина,— сказал он,— если веришь мне, назначь меня военачальником. Клянусь, ты не раскаешься в этом...
— Очень хорошо! — сказал кузнец.— Будь военачальником, храбрый Данир!
На другой же день Данир начал обучать джигитов и мужчин стрельбе из лука, показал, как владеть мечом, как метать копьё.
Зерно, мед и масло, которыми раньше платили дань хану, старейшина стал понемногу выменивать у соседей на медь, железо и олово. Теперь в его кузнице дни и ночи ковали мечи и копьё, мастерили луки и стрелы...
Данир часто уводил своих воинов в горы на охоту. Сначала они стреляли зайцев, белок, диких коз и птиц, а вскоре самые смелые джигиты вместе с Даниром стали охотиться на хищных зверей. Иные каждый раз добывали одну-две лисицы, а то и волка. Поскыну удалось убить даже дикого кабана. День ото дня охотников на хищных зверей становилось все больше.
Ожидая нападения хана, горожане запасались сушеным мясом, бочками сала, зерном и мехами.
Соседи диву давались, глядя на бывших трусов, и сами охотно им помогали. Они стали присылать своих послов, предлагая объединиться. Так появились у племени восемнадцать надежных союзников.
Наконец новость эта дошла и до ханского баскака...
Баскак появился в сопровождении сорока вооруженных всадников. У городских ворот стоял Беркет.

— Ты что стоишь как истукан?! Отворяй ворота! Не видишь, что ли, кто едет?! — заорал ханский наместник. Огромный вороной конь под ним нетерпеливо бил о землю копытом.

— А с чем ты пришел? Если с миром — входи, а если с войной — не пушу! — отрезал храбрый Беркет. — Таков приказ!

Баскак взмахнул бичом, но Беркет, изловчившись, успел за него ухватиться.

— Слезайте с коней и сдавайте оружие! Сейчас я пошлю к старейшине гонца. Будет разрешение — войдете, а нет — вам придется убраться восвояси, — сказал Беркет.

От гнева глаза баскака налились кровью.

— Ломайте ворота! — закричал он во все горло.

Сорок всадников спешили, взмахнули сорока копьями и ринулись к городским воротам. Но Беркет только свистнул — и над стеной поднялась сотня копий. Слуги растерянно оглянулись на баскака: видно, силой ничего не сделать.

— Поднимитесь на гору да не спускайте с города глаз, — приказал тот. — Туда я войду один. В случае чего... — остальное он прошептал на ухо старшему слуге.

Баскак швырнул свой меч к ногам Беркета и высокомерно приказал:

— Ведите меня к вашему старейшине!

— Проводите его на площадь, — крикнул Беркет двум стражникам.

Еще издавек заметил баскак, что площадь битком набита народом. Собрались люди даже из соседних племен. Кому не хватило места на земле, сидели на заборах, деревьях. Все внимательно слушали старого кузнеца. На баскака никто не обратил внимания, никто не уступил дороги.

— Расступитесь, сам баскак идет! — гневно закричал незванный гость.

Люди удивленно обернулись к нему, но ничего не сказали.

— Ну, чего рты разинули? Или забыли о повиновении?!

Толпа все так же молча расступилась. Пройдя на середину, баскак стал искать глазами Куркура.

— Где этот бездельник Куркур? Куда девался ваш старейшина? Почему он не встречает меня?!

Старый кузнец Жантимир повернулся к нему и спокойно сказал:

— Вот я и есть старейшина! А уж коли ты пожаловал к нам, будь гостем. Ты как раз поспел к большому празднику. Садись на этот камень и слушай.

— Что еще за праздник?! Кто позволил?! — баскак грозно нахмурился.

— А вот кто позволил! — кузнец указал рукою на запрудивший площадь народ. — Что за праздник? Решили мы покончить с позорным прозвищем. Отныне земля наша будет называться Страной Смельчаков.

Тут все на площади подняли руки и закричали:

— Да здравствует Страна Смельчаков!

От растерянности баскак шлепнулся на камень да так и просидел на нем, не проронив больше ни слова. Едва дождавшись конца, он заявил:

— Нам стало известно, что земли стало у вас больше в восемнадцать раз, а добра — в восемьдесят... Хан приказал обложить вас новой данью. Завтра же снарядите караван в ханскую столицу!

Данир, лукаво подмигнув старику Жантимиру, сказал:

— Глубокочтимый старейшина, но ведь теперь у нас нет крыс. Может быть, баскак согласится на меньшую дань?

Баскак вытаращил глаза:

— Как это — нет крыс? Куда же они подевались?

— А вот так: мы уничтожили их. Смельчаки не любят крыс,— ответил старейшина с улыбкой.

— В таком случае... в таком случае дань ваша увеличивается вдвое! — воскликнул баскак. Глаза его так и загорелись от алчности.

— Вот что,— сказал Жантимир,— с этого дня мы не станем платить хану дань...

— Как?! Ты что, спятил, старик?.. Знаешь, что тебе будет, если хан услышит твои дерзкие речи?

— А я для того и говорю, чтобы он их услышал,— отрезал Жантимир.

9

«Ночные совы»

Теперь каждому было понятно, что хан долго ждать себя не заставит. Разгневанный баскак еще и до дому не доскакал, а уж старый Жантимир созвал большой совет.

Страна Смельчаков готовилась к войне. У городских стен дни и ночи кипела работа. Люди таскали камни, песок, копали рвы. В кузнице ковали мечи, копья, гнули луки, точили стрелы...

А за городом, в Каменном логе, готовился другой «совет»...

Каменный лог называли еще Старым городом. Когда-то здесь в самом деле был город, от которого теперь остались одни развалины. Никто, кроме ребятишек, не бывал в этом заброшенном месте.

Уже давно на землю спустились сумерки. Вокруг царила глубокая тишина, лишь изредка стрекотали в траве кузнечики.

Чу, будто прошелестела трава... Мелькнула тень... Еще одна... Обе они осторожно спустились с пригорка и скрылись в развалинах Каменного логга... Вскоре откуда-то сверху один за другим упали три камешка... В развалинах трижды прокричала сова.

Это был сигнал, понятный кучке заговорщиков. Их собрал сюда главарь, которого подослал баскак. В ту ночь крики совы повторялись несколько раз. И всякий раз после этого в развалины пробирались тени...

Там о чем-то долго шептались. Тихий шепот постепенно перешел в злобное шипение: словно кого-то пытались запугать. Дрожащий голос взмолился:

— Нет, нет, не надо, отпустите меня, я боюсь...— Человек попытался выбежать, но его втянули и швырнули на пол. Он больно ударился и простонал:

— Ой! Ой!

— Замолчи, Шомходжа! Чтобы и вдоха твоего не было слышно! — цыкнули на него.

Потом заговорил человек с гнусавым голосом. Он то и дело хлюпал носом и издавал звук, похожий на кашель: «кых-кых».

— Побойтесь гнева баскака! Баскак силен. Он в три дня восстановит в стране прежний порядок и прикажет зарубить мечом каждого, кто посмел ослушаться его, кых-кых! Но баскак и милостив. Он щедро отблагодарит всех, кто сейчас окажет ему помощь, кых-кых! Тайный союз наш будет называться «ночные совы». Мы разделимся на три группы. Одна пусть сеет в народе клевету о военачальнике Данире и старом кузнеце, пусть хвалит могущество хана и пугает людей его гневом, кых-кых! Вторая группа должна убить военачальника и старейшину Жантимира. Третья будет доносить баскаку, сколько у бунтовщиков оружия и войска... «Ночные совы», клянитесь в верности хану и его баскаку!.. Кто нарушит клятву, поплатится жизнью при первом же подозрении, кых-кых!..

Они еще долго шушукались, потом тихо по одному разошлись по домам.

Ханский баскак дал смельчакам десять дней сроку. «Если вы не покоритесь и не выдадите своих бунтарей за это время,— гласила его грамота,— то город будет разрушен до основания, а жители беспощадно изрублены».

Смельчаки отправили посла назад с ответом: «Смельчаки не сдаются! Мы готовы защищать свою землю!»

Но баскак был хитер и коварен. Он не стал дожидаться, пока пройдет десять дней, в ту же ночь двинул до зубов вооруженное войско к Стране Смельчаков. Воины подкрались к самому городу и залегли в лесах и оврагах, ожидая условного знака. А для отвода глаз баскак снова направил к смельчакам своего посла за ответом. Его дозорные не спускали глаз с ворот, за которыми скрылся посол.

Время тянулось медленно. Наконец городские ворота распахнулись, и из них выехал посол. Он вынул из-за пазухи большой желтый платок и дважды махнул им направо, потом налево.

Дозорные поняли сигнал. Значит, переговоры со смельчаками ни к чему не привели и уже сегодня ночью нужно готовиться к нападению.

10

Айгюзель

Айгюзель долго не могла уснуть. Обняв колени, она сидела на холщовом тюфячке, разостланном на земляном полу пещеры, и задумчиво смотрела в темноту... Серебряный луч луны через небольшую отдушину над дверью упал на бороду ее отца, затем тихо пополз по его добрым морщинам, седым бровям... Скоро-скоро он переберется на Данира. Тихонько покачиваясь, Айгюзель ждала этого. Луч медленно скользил к юноше. Вот он осветил откинутую в сторону руку, тонкие полусогнутые пальцы. Не о таких ли руках в народе говорят: пальцы тонкие, как камыш, ногти светлые, как серебро? Чего-чего только не умеет делать Данир этими руками! Айгюзель видела, как легко и красиво держат они копьё, как ловко бросают его. Стремительно улетающая вдаль, копьё звенит и поет, будто струна. Когда эти руки держат меч, за ними не уследить! А какие огромные камни ворочали они, укрепляя городскую стену!.. Айгюзель любит смотреть, когда гибкие пальцы Данира, словно птицы, порхают по кураю, извлекая волшебные звуки, или вдруг замирают, будто задумавшись о чем-то... Удивительные пальцы! Айгюзель никогда не забудет, как ласково они коснулись однажды ее волос.

Она хорошо помнит тот жаркий летний день. Данир вернулся с охоты. Он сбросил с плеч убитого им огромного волка и с облегчением перевел дух. Потом присел на камень у порога и отер пот, ручьями сбегавший со лба. Айгюзель шла от родника, держа на плече высокий глиняный кувшин со студеной водой. Увидев ее, Данир засмеялся:

— Ты, наверное, сердцем почувствовала, милая Айгюзель, что я умираю от жажды...

Девушка покраснела. Ведь она в самом деле старалась ради него. Как он догадался?

Данир пил с наслаждением, ни разу не оторвав губ от кувшина... Айгюзель не сводила с него сияющих глаз... Но вот Данир протянул ей кувшин и ласково посмотрел в глаза. Этот взгляд девушка не променяла бы ни на какие слова благодарности! А потом произошло то, от чего Айгюзель долго не могла прийти в себя: эти вот пальцы вдруг коснулись ее головы! И прикосновение их было так нежно и мягко, что для девушки до сих пор остается загадкой, как руки, привыкшие ворочать камни и метать копьё, могут быть такими ласковыми...

Луч тихо скользил по лицу Данира. Длинные смоляные кудри рассыпались по широкому белому лбу, густые черные брови, а под ними большие прекрасные глаза... Как хорошо, что они закрыты, и Айгюзель может долго любоваться красотой Данира...

Внезапно лунный свет исчез... Айгюзель вскочила на ноги и бросилась к отдушине посмотреть, что заслонило его: облако или летучая мышь. Она просунула руку в отверстие и тихо проговорила:

— Кыш, кыш...

Опять стало светло. Послышались чьи-то быстрые шаги. Девушка распахнула дверь, спросила:

— Кто здесь?

Вокруг было тихо.

У городских ворот стражники пробили полночь. Айгюзель вздрогнула. Завтра город будет готовиться к бою. А там дня через три-четыре нагрянут враги... Смутная тоска охватила девушку. Хорошо, если победят смельчаки, а вдруг?.. Среди женщин ходят тревожные слухи, будто Шомходжа где-то прослышал, что баскак хочет сровнять их страну с землей... Говорят, воинов у него в десять раз больше и дни отца и Данира сочтены. Ой!... А ведь баскак и вправду очень жесток! Настоящий кровопийца!.. А вдруг не устоим?! Вдруг убьют Данира?!

Тут мысли ее повернули назад.

Кто же все-таки мог прийти сюда ночью?.. Нет, нет, наверное, ей просто показалось. Конечно же, это была летучая мышь...

Айгюзель вошла в дом и заперла дверь... Спать не хотелось. «Схожу-ка я лучше за водой,— подумала девушка,— будет чем умыться отцу и Даниру, когда встанут».

Она подняла на плечо глиняный кувшин и тихо пошла вдоль улицы. Вскоре до слуха ее донеслись приглушенные голоса.

«Чей же это дом?» — подумала Айгюзель. То было жилье Шомходжи.

Кто-то в сердцах шептал:

— Возьми кузов... кых-ких! Как придешь, сними крышку и открытой стороной встань в отдушину... кых-ких!..

— Я боюсь! — отвечал другой голос...

Айгюзель узнала голос Шомходжи.

— Замолчи сейчас же, не то придушу! — пригрозил гнусавый голос, и все смолкло.

«Опять Шомходжа ссорится со своим старым отцом», — подумала Айгюзель и прошла мимо...

До чего ж красив родник в полнолуние!.. Айгюзель никогда не видела его таким. Прыгая с камня на камень, струйки воды дробились на мелкие брызги, и те рассыпались серебристыми искорками... В ночной тиши родник звенел особенно нежно...

Девушка долго любовалась ручьем, прислушиваясь к журчанию воды... Тоска больше не жмет сердце, дышится легко, хочется петь, но страшно потревожить чуткий сон города. Кто знает, может быть, это его последний мирный сон... Девушке снова стало грустно. Наполнив кувшин, она пошла назад.

Возле самого дома Айгюзель остановилась. Послышались чьи-то осторожные шаги. «Что за беспокойная ночь!» — подумала девушка и вдруг заметила, что из отдушины что-то торчит. Она опустила кувшин на землю и подошла ближе. Кузов! Айгюзель выхватила его: пустой. Что это значит? Она распахнула дверь. Луч уже поднялся по стене вверх, и на полу ничего не было видно. Айгюзель остановилась посреди пещеры. Под ногами что-то шуршало. Девушка зажгла лучину и вскрикнула: на земле лежали две большие змеи, черная и желтая. При свете огня они

зашевелились. Одна заскользила к кошме, на которой спал Данир, другая — к изголовью отца...

Испуганные громким криком, Данир и Жантими́р вскочили на ноги. Айгюзель лежала на полу, придавив желтую змею коленями и ухватив руками черную.

Мгновение, и змеи бессильно повисли в крепких руках Данира.

— Кузов Шомходжи... — с трудом проговорила Айгюзель, теряя сознание. Лицо ее было бледно, в уголках рта показалась пена: черная змея успела ужалить ее в руку.

В ту же минуту пронзительный вой и скрежет прорезали тишину ночи. Полчища хана напали на сонный город.

11

Битва

Полдень миновал, тени стали вдвое длиннее, а бой, который завязался еще ночью, был в самом разгаре. Войско баскака захватило склоны гор и сверху засыпало город бесчисленными стрелами. Передние ряды его подошли к стенам и яростно дрались за городские ворота.

На помощь баскаку из лесов и оврагов шли все новые и новые отряды, но защитники города стояли насмерть. В воздухе неумолчно свистели стрелы, звенели мечи, гудели копья. Воинственные кличи смешивались со стонами раненых.

Данир приказал подкатить к воротам тяжелое орудие для метания и забросать ханских стрелков камнями.

Растерялись неприятельские стрелки, заметались в испуге.

Видя это, Данир вышел вперед и крикнул своим воинам:

— Храбрые братья мои! Помните святую клятву, что дали мы матери нашей Алмазбану! За наш древний город — вперед!

Не выдержало напора войско хана, дрогнуло. Данир и его воины бросились преследовать врага. Они гнали его к вершине горы, чтобы оттуда сбросить в пропасть.

Ханский военачальник Кара-Могез едва верил своим глазам. Разве доносчики не сообщили ему еще ночью, что Данир и Жантими́р убиты? Значит, его людям не удалось тайно умертвить их. Кара-Могез отправил двоих гонцов к баскаку за подкреплением...

А в это время старый Жантими́р вершил суд над предателем. К Жантими́ру привели едва живого от страха Шомходжу. Тот повалился кузнецу в ноги и назвал всех заговорщиков.

Жантими́р хорошо знал всех, кроме одного. Он спросил незнакомца:

— Кто тебя послал к нам, чужой человек? Ты, должно быть, тот самый смутьян, которого подослал баскак? Ты настроил этих людей против родного племени и примешь кару.

Незнакомец опустил полные ненависти глаза и молчал.

Изменников связали и выставили на городской стене. Лучники выпустили в них по стреле, и бездыханные тела их столкнули в ров.

Когда солнце спряталось за горами, Кара-Могез приказал трубить отбой. Усталые, сильно поредевшие войска его направились в долину. Воины Данира тоже потеряли немало храбрых товарищей и были измучены не меньше.

Битва стихла. Обе стороны ждали подкреплений.

Данир поручил своему помощнику Беркету наблюдать за полем боя, а сам поспешил домой.

У входа в жилище Жантими́ра толпился народ. Лица были печальны и озабочены.

Данир молча, ни на кого не глядя, прошел в пещеру и опустился на колени возле больной.

— Как ты себя чувствуешь, Айгюзель? — спросил он.

Девушка молчала, лишь посиневшие губы чуть заметно дрогнули.

Пять старых знахарок, присматривавших за ней, обступили Данира.

— Дела ее плохи... Травы наши не помогают, — пожаловалась одна.

— Еще семь недель проболит она и, если за это время не станет лучше, умрет, — предсказала другая.

— Ее нужно лечить желчью морской рыбы, — проговорила третья.

— Нужна зеница глаза черного волка, — молвила четвертая.

— Спасет ее только талисман из рога медной змеи, завернутого в лягушечью кожу, — заявила пятая.

— Нет! — воскликнул Данир. — Ничего не нужно! Ее может спасти только бабушка Алмазбану, которая знает средства от ста семидесяти недугов... Но чтобы бабушка могла вернуться к нам, нужно разбить врага и возвратить Стране Смелчаков свободу... Но сколько времени потребуется для этого — семь недель или семь месяцев, я не знаю...

В ту ночь Данир не сомкнул глаз. На белоснежном куске бересты, приготовленной для письма, он начертил: «У мужества два крыла: одно крыло — уверенность, другое — бдительность. Я верил в свои силы, но забыл об осторожности. Я летел на одном крыле. Из-за этого враг подступил к городским воротам, а милая Айгюзель лежит при смерти... Пусть другим это послужит уроком»...

Уже шесть лет тянулась война, то затихая, то вспыхивая с новой силой. Ханский баскак посылал в Страну Смелчаков полки за полками. Но молва о храбрости Данира переходила из уст в уста, из племени в племя. Всюду люди стали подниматься против жадного и жестокого хана. Даже самые маленькие и слабые племена не желали теперь жить в рабстве. В Страну Смелчаков каждый день прибывали храбрые джигиты из дружественных племен. Они рвались в бой.

Страх обуял баскака. Не хватило у него отрядов, чтобы усмирить непокорных. Охотники, земледельцы, ремесленники — все, кто страдал от ханского ига, называли Данира своим защитником. О нем пели песни, рассказывали сказки. Кое-кто уверял даже, что у него два сердца, а за плечами крылья.

Хан не раз посылал к Даниру убийц, назначал за его голову большую награду. Но народ заботливо оберегал джигита. Тогда решил хан погубить Данира в поединке. Самые храбрые из его военачальников по очереди вызывали джигита на бой. Но всех соперников, пеших и конных, Данир побеждал. Народ прозвал его Ульмес-батыром, что на языке того племени означало: бессмертный. Слух о подвигах Данира дошел и до его родины...

И понял ханский баскак, что не справиться ему с непокорными племенами, если даже лучшие полки его как зайцы удирают от войск Данира. Бросился он бежать туда, откуда явился. Данир со своими джигитами настиг его в долине между двух гор, и здесь, недалеко от жилища старой Алмазбану, произошло последнее сражение.

Мать племени Алмазбану наблюдала за битвой с высокого холма. Ханское войско таяло на глазах. Вскоре от него осталось всего около тысячи копий — отряд ханских телохранителей. Увидев это, баскак решил бежать, не дожидаясь конца. Он оставил вместо себя Кара-Могеза и приказал ему держаться любой ценой.

— Сражаться до последнего, не отступать! Я приведу новое войско. Тому, кто струсит, голову с плеч! — пригрозил он и ускакал со своими приближенными.

Кара-Могез приказал готовиться к последнему бою.

— Если мы отступим,— прокричал он, обращаясь к своим воинам,— нам не миновать смерти. Если же победим — останемся живы... Какой из этих двух путей вы выберете?

Воины хотели остаться живыми.

Разгорелась последняя, самая яростная битва. Ханское войско устремилось вперед. Наступление врага было неожиданностью для уставших в походах и сражениях смельчаков. Многие славные джигиты были убиты раньше, чем успели приготовиться к бою. Редели полки Ульмес-батыра...

Но вдруг перед ними появилась старая Алмазбану. Она спешила на помощь своим сыновьям и внукам. Легкие серебрястые пряди ее волос развевались по ветру.

— Смотрите! Бабушка Алмазбану с нами! — воскликнул Данир.

Забыв об усталости, смельчаки снова храбро ринулись под град стрел и копий. Бой закипел с новой силой и, не ослабевая ни на минуту, длился до самого вечера. Земля и воздух дрожали от звона мечей.

...К ночи в долине все смолкло. Разгромив врага и захватив пленных, воины Данира уснули богатырским сном.

12

Город Матери

Только Даниру и старой Алмазбану было не до сна. Всю ночь просидели они у костра и не могли наговориться.

— Ты сдержал свою клятву, сынок. Спасибо тебе! — Бабушка ласково погладила внука по голове.

...Три дня отдыхало войско смельчаков в долине. Встреча с матерью Алмазбану превратилась в радостный праздник. Все веселились, жарили на кострах мясо диких коз и оленей, пили кумыс и айран. Из Страны Смельчаков прибыли Жантимир со старейшинами и Айгюзель.

Три мечты было у Данира. Первая — увидеть старую Алмазбану. Вторая — дожждаться выздоровления Айгюзель. И третья — вернуться к отцу с матерью.

Айгюзель выжила после укуса змеи, но вот уже несколько лет молчат ее нежные губки: ни смеха, ни песен не слышно. Не мог Данир забыть своего горя.

Мудрая Алмазбану, знавшая средства от ста семидесяти недугов, принялась лечить Айгюзель. Ее целебные травы и камни помогли, и через три дня девушка заговорила. Голос ее стал еще нежнее, чем прежде.

— Милая бабушка! — сказала она своей спасительнице.— Ты послала к нам храброго Данира. Это он вернул нам родину и сделал нас свободными. Доброта твоя возвратила мне речь. Любое твое слово для меня свято. Скажи, хочешь ли ты, чтобы я стала женой Данира?.. Об этом я мечтаю уже давно.

Алмазбану обняла своих милых детей и со слезами на глазах пожелала им дружной и согласной жизни.

Данир был счастлив: две его мечты исполнились. Он услышал наконец голос милой Айгюзель и встретился со старой Алмазбану. Одна только мысль не давала ему покоя. Вот уже семь лет, как ушел он из родного дома. Все эти годы он пытался разузнать что-нибудь об отце и матери, спрашивал странников и пленных. Но все напрасно. Никто не мог сказать о них ни слова.

Баскаку было известно, что Данир разыскивает своих родителей. Уезжая, он сказал Кара-Могезу:

— Мой путь лежит мимо отчего дома Данира. Я слышал, что в тех краях живет прославленный Ак-батыр. Он совсем седой, поэтому народ и прозвал его так. Рассказывают, что уже много лет никому не удавалось победить его. Я поссорю его с Ульмес-батыром и заставлю сразиться в поединке. Иначе нам от него не избавиться. Только ходят слухи, что Ак-батыр — отец Ульмес-батыра. Этого я боюсь больше всего. Если отец и сын узнают друг друга, мы погибли! Обмани Данира, пусть думает, что отец его давно умер. Остальное я беру на себя...

Высокие горы с двух сторон сторожили долину, полноводная, богатая рыбой река мирно несла по ней свои прозрачные воды к морю. Орешник и старые ели росли на ее берегах, среди цветов попадались целебные травы. По склонам гор встречались редкие камни — голубой, желтый, лунный. Лекарства из этих чудесных трав и камней возвращали людям силу и здоровье. В дремучих лесах у верховья реки бродили стада оленей, диких коз и кабанов.

Памятны были Даниру эти места: здесь он потерял отца, здесь же нашел бабушку, здесь его храбрые войска разгромили остатки ханских полчищ. Новый город решил он построить в долине, и народ согласился с ним.

Пленных наемников хана заставили расчищать местность от камней.

— Вы умели только убивать и разрушать чужие города, так сумеете же их построить!

Работа закипела: люди таскали деревья и камни, рыли землю, вкапывали столбы для городской стены. Алмазбану, мать племени, торжественно заложила первый камень будущего города. Смельчаки назвали его Городом Матери.

На радостях Данир вспомнил о своем курае, который не держал в руках уже много лет. Вечерами, когда сумерки медленно окутывали землю, он снова играл на нем, как прежде, и слагал песни, в которых славил мудрую Алмазбану.

Но недолгой была его радость.

Утром Данир подошел к пленным, которые строили новый город, и обратился к ним с такими словами:

— Чем лучше вы будете работать, тем скорее вернетесь к себе на родину... Я тоже буду работать вместе с вами. Я, как и вы, хочу пораньше увидеть отца и мать...

Тут один из пленных громко заплакал. Данир повернулся к нему.

— Что случилось? — спросил он.

Пленный поднял на него глаза, которые успел смочить слюной:

— Убей меня, о великий вождь, убей и зарой мои кости здесь, на месте будущего города,— причитал он.— Да пошлет судьба на него благодать, пусть он растет и ширится из года в год...

Данир покачал головой:

— Наш город вырастет и без человеческой жертвы. Но почему ты, воин черного полчища, торопишься умереть? Кто ты?

— Я — бывший начальник сотни Кара-Могеза... Мне теперь уж все равно.

— Разве тебе не хочется вернуться на родину и увидеться с близкими?

— У меня никого нет...

— Где же твои родные?

— На моей родине — Долине света — было страшное землетрясение. В один день я потерял всех своих близких. (Кара-Могез слышал о землетрясении в Долине света, но родом он был из других мест.)

— Ты говоришь, Долина света? Страна, что лежит у горы Алпан в трех днях пути к востоку отсюда? Так это же моя родина! — воскликнул Данир.

— Чей же ты сын, о великий вождь? — спросил Кара-Могез.

— Я сын Азата Мергена и девушки-лани...

Кара-Могез опустил голову.

— Ты знаешь их? — спросил Данир.

— Я знал их, — ответил он, — но весь город Долины света погиб во время землетрясения.

Ясный день померк в глазах Данира, словно тяжелая, мрачная туча заволокла небо... Значит, нет у него ни родины, ни отца, ни матери...

Ночью, когда все уснули, Данир заплакал горючими слезами. Старая Алмазбану не спала. Она подошла к Даниру, притянула к себе его голову, поцеловала в мокрые глаза и сказала:

— Не верь слухам, родной, верь лишь тому, что увидишь своими глазами. Не спеши лить слезы. Лучше завтра же поезжай на родину и узнай все сам.

Данир послушался бабушки. Утром он простился с друзьями, взял с собой сорок джигитов и поскакал на родину. Через три дня они въехали в Долину света, раскинувшуюся у подножия горы Алпан.

13

В Долине света

На родине Данира баскак первым делом разыскал Азата Мергена. Землетрясение разрушило жилище славного охотника, и он со своей женой Алмаз-Ирке поселился у подножия горы. Туда же перебрались многие их соседи.

Азат Мерген вначале и слышать не желал о баскаке.

— Я видел много ханских послов. Все они ушли отсюда ни с чем. Мне не по пути с теми, кто убивает и грабит мирных людей, — сказал он.

Но хитрый баскак не желал отказываться от задуманного.

— О, я полностью согласен с тобой, глубокочтимый Мерген, — начал он вкрадчивым голосом, — бедным племенам, вроде нашего, совсем не стало житья от хана-кровопийцы... Особенно с тех пор, как погиб наш славный Данир-батыр...

— Как ты сказал, кто погиб? — переспросил Азат Мерген.

— Пока был жив Данир-батыр, ханы не смели обижать бедные племена. Они дрожали от страха уже при одном упоминании его имени. Но с тех пор, как подосланный ханом убийца...

— Ты что-то не то говоришь, гость. Если речь идет о моем сыне Данире, то его никто не убивал. Он сам погиб, и в его смерти виновен я один, — прервал его Азат Мерген.

Баскак изобразил на лице крайнее изумление. Он вскочил с места и, поклонившись, сказал:

— Честь и хвала отцу, вырастившему такого сына! Но ты глубоко заблуждаешься, глубокочтимый Азат Мерген! Сын твой не погиб. Он стал храбрым джигитом и совершил немало подвигов. Это он поднял трусов на борьбу с ханом, это он объединил и возглавил много племен... Он разгромил ханское войско, а Город трусов превратил в Страну Смелчаков.

— Постой, ты же рассказываешь о подвигах Ульмес-батыра, гость! — воскликнул Азат Мерген.

— Нет, я рассказываю о Данир-батыре...

— Так сын мой жив?!

— К нашей общей печали, нет. Его убил военачальник, который называет себя Ульмес-батыром.

Азат Мерген смотрел на гостя широко раскрытыми глазами. Ханский баскак с тайной радостью в сердце продолжал:

— У героя всегда есть завистники. Зависть слепит глаза. Ульмес-батыр присвоил имя и подвиги славного Данир-батыра. Подумай сам, глубокочтимый Азат Мерген, если бы Данир-батыр был жив, разве мог бы он столько лет жить вдали от вас? Он так любил отца и мать, мечтал встретиться с ними. Но мечта эта, увы, умерла вместе с ним... — Баскак притворно заплакал.

Тут в дом вбежал сосед. Указывая на всадников, которые выстроились на высоком холме, закричал:

— Азат Мерген! Тебя разыскивает Ульмес-батыр, можно его проводить к твоему порогу?

Не давая хозяину рта раскрыть, баскак затараторил:

— Черная змея! Мало ему крови сына, теперь подбирается к сердцу отца. Не подпускай его близко, Азат Мерген. Будь осторожен!

— Нет, я должен встретиться с человеком, погубившим моего сына. Он — мой враг, а прятаться от врагов я не привык! — крикнул Азат Мерген, поспешно облачаясь в доспехи.

Баскак вскочил с места.

— Ты правильно поступаешь, Азат Мерген! Жизнь убийцы в твоих руках... Захочешь — помилуешь, а не захочешь — убьешь. Но сначала выслушай мой совет. Тебе лучше пока скрывать свое имя, не говори, что ты отец Данира... Иначе он струсит и убежит от тебя.

— Пусть для него я буду Ак-батыром, — согласился Мерген, — он не увидит моего лица.

— Хорошо, — обрадовался баскак. — Позволь мне быть вашим посредником.

Выйдя из дома, баскак подозвал Ямая, верного своего слугу, и прошептал ему на ухо:

— Ямай, сейчас же иди к Данир-батыру и скажи, что Азата Мергена и Алмаз-Ирке нет в живых. Еще скажи, что глава племени Ак-батыр очень зол на него за то, что он посмел явиться сюда без разрешения. Ак-батыр хочет сразиться с дерзким Ульмес-батыром в поединке. Ступай!

Ямай снял с себя доспехи и отправился к Даниру.

...Услышав о смерти родителей, Данир погрузился в глубокую печаль.

— Покажи мне место, где похоронен отец, — попросил он после долгого молчания.

Ямай с готовностью зашептал Даниру на ухо:

— Я не хочу ничего скрывать от тебя, батыр. Никто из нас не сможет тебе сказать, где похоронен славный Азат Мерген. Знает об этом только Ак-батыр.

— Почему?

— Потому что он — виновник гибели твоего отца.

Данир вскочил на ноги. В глазах его сверкали молнии.

— Отведи меня к Ак-батыру! Я отомщу за отца.

Ямай был хитер. Он смекнул, что горячность джигита может погубить все дело. Отец и сын, чего доброго, еще узнают друг друга.

— Доблестный Данир-батыр,— заговорил он,— так ты, пожалуй, напугаешь Ак-батыра, он не захочет даже встретиться с тобой. Если хочешь отомстить ему, скрой свое имя. Так будет лучше.

Слова эти показались Даниру разумными.

Через своих коварных посредников батыры договорились встретиться на заре следующего дня.

Весть о предстоящем поединке быстро облетела Долину света и соседние племена. Всем хотелось своими глазами посмотреть на битву прославленных батыров. Солнце едва возшло, а народу на площади, где решили сразиться батыры, уже собралось видимо-невидимо.

С двух сторон в круг вошли Ак-батыр и Ульмес-батыр.

Начался бой.

Ярость противников удесятерилась с каждой минутой. Оба батыра, почувствовав друг в друге достойных соперников, дрались как львы. Они душили один другого в железных объятиях, высоко взметнув над головой, с силой швыряли на землю, сцепившись в смертельной схватке, катались по земле, вставали, падали и, едва отдышавшись, снова бесстрашно бросались в бой.

Поединок длился целый день. Когда солнце спряталось за горизонт, старейшины племени решили отложить бой до утра.

Но и второй день никому не принес победы.

Третий день должен был стать решающим...

Давно не собиралось столько людей в Долине света. Посмотреть на необыкновенный бой прискакали из самых далеких племен.

...Близился вечер, а бой не кончался. Батыры дрались насмерть. Но силы их были равны, и они не могли одолеть друг друга.

Но вот Данир, воспользовавшись мгновенной оплошностью Азата Мергена, уперся в землю локтем, и тот не смог перевернуть его. Тяжело дыша, они лежали на боку и смотрели друг другу в глаза. Данир сделал попытку схватить Мергена за шею, но не мог поднять руку.

— Пстой,— прохрипел старый Мерген, заметив на руке Данира две маленькие черные точки,— кто ты?

— Я — батыр, от которого ты примешь смерть! — ответил Данир.

— Не бывать тому! Нам нельзя убивать друг друга! — воскликнул Мерген.—

Взгляни на свою руку. Видишь эти две родинки?

— Я получил их в наследство от отца.

— Кто же твой отец?

— Непобедимый Азат Мерген... А ты кто?

— Сын мой!.. Сорви платок с моей руки.

Данир исполнил просьбу и увидел на руке соперника точно такие же две родинки. Некоторое время он растерянно смотрел на них, потом бросился отцу на шею.

Люди, издали наблюдавшие за ними, недоуменно переглянулись.

Вскоре радостная весть облетела всю площадь. Из толпы выбежала Алмаз-Ирке и обняла сына. Поле, где только что кипел смертный бой, превратилось в место веселого праздника. Люди спешили поздравить счастливую семью.

А баскаку и Ямаю не удалось уйти от расплаты. Собственные слуги поймали их и выдали народу.

14

Конец сказки

Праздник продолжался несколько дней. Данир послал своих людей за Алмазбану, Айгюзель и Жантимиром. Тут же, в Долине света, сыграли свадьбу Данира и Айгюзель. Азат Мерген отдал молодым шкуру тигра, которого убил при встрече с ланью. Он расстелил ее у порога их дома. Жизнь его с девушкой-ланью была полна редкого, удивительного счастья. Пусть же за этим порогом продлится такое же счастье! Так думал Азат Мерген.

Данир и Айгюзель счастливо жили в Долине света, а весной года тигров, когда был выстроен Город Матери, семья Азата Мергена торжественно переселилась в него. Древняя и богатая Долина света присоединилась к Стране Смелчаков, которой правил мудрый кузнец Жантимир.

Г.Баширов. Дутан-батыр

Жил на свете батыр. Был он беден и одинок.

Не знал тот край ни падишахов, ни ханов, а потому чуть что, люди к нему за помощью бежали: «Спаси нас, добрый батыр! От разбойников житья не стало». Батыру не жалко, он прогонял разбойников, потому что не родился еще на свете молодец, которого он не смог бы одолеть.

Любили бесстрашного батыра и на радостях отдавали ему в жены дочерей. И стало у батыра девять жен. Для каждой он отдельный дом построил. Женщины жили между собой в мире и добром согласии. Отцы не жалели богатого приданого, и у батыра всего стало вдоволь.

Родили жены батыру ровно сорок сыновей и сорок дочерей. Лишь самая молодая одного-единственного сыночка родила. Дали ему имя Дутан.

Вот собрались однажды дети батыра на совет. «Как же нам быть,— сказали дочери,— братьям жены нужны, а нам пора замуж. Где взять нам женихов и невест?»

Был у них старый и мудрый табунщик, многое повидавший на своем веку.

Вот вскочили все восемьдесят на коней и поскакали в луга. Говорят табунщику:

— Мы к тебе за советом пришли. Ты долго жил, много знаешь, помоги нашей беде.

Отвечает старик:

— Есть в десяти днях езды отсюда в сторону заката темный, дремучий лес. Сам я дальше того леса не ездил, а вы, если надумаете, не забудьте лошадей подковать да луки со стрелами захватить: поджидает вас там сила вражья.

Взглянул табунщик на Дутана.

— А тебе, сынок, вот что скажу. В косяке сивого мерина кобылица жеребчика принесла. Поймай того жеребчика, он тебе в пути добрым другом будет, счастье и удачу принесет. Лучшего коня и желать не надо. Знай: тебе трудней всех придется, много лиха в пути изведает.

Дутану в то время всего-то двенадцать годков от роду было. Очень уж хотелось ему поскорей батыром стать.

Братья по домам разъезжаются, в путь-дорогу собираются: коней подковывают, луки перетягивают, колчаны стрелами острыми набивают. Просят родителей благословить их перед дальней дорогой.

И отправились сорок братьев на поиски сорока невест для себя и сорока женихов для сестер своих. Едут, и встает перед ними темный лес до небес. Дивятся братья, спешат поглядеть, что в лесу. А там плодов, ягод всяких видимо-невидимо. Сошли на землю, голод и жажду утолили, прилегли возле коней отдохнуть.

А в лесу том Ялмавуз, старуха-людоедка, жила. Почуяла она дух человеческий, из чащобы вылезла, пасть страшную разинула да сонных братьев одного за другим и проглотила. К Дутану последнему подошла. Только съесть приготовилась, а жеребчик Дутана как забьется, как заржет, хозяин и проснулся. Вскочил на ноги, смотрит, нет братьев, одни кони без хозяев. Перед ним старуха безобразная, на лбу у нее глаз огромный светится. Выхватил Дутан лук, хотел выстрелить, да взмолилась Ялмавуз:

— Постой, не стреляй, сынок, послушай, что скажу. Братьев твоих проглотила я, все они живы и невредимы. Хочу тебя об услуге просить. Выполнишь — тут же на волю всех выпущу. В семи месяцах пути отсюда падишах живет. У того падишаха дочка есть красоты невиданной. Кунекай зовут. Привезешь мне красавицу — отпущу вас на все четыре стороны. А не привезешь, братья твои навечно во мне останутся.

Выслушал Дутан старуху и согласился выполнить ее просьбу.

— Да только как же я один в такой дальний путь отправлюсь? — говорит он. — Верни братьев, они мне в пути товарищами будут.

Выпустила старуха родных Дутана на волю. Все как один целы и невредимы.

— Братья мои старшие, — говорит им джигит, — дал я слово дочь падишаха Ялмавуз доставить. Кто из вас поедет со мной?

Сказали братья, будто отрезали:

— Нет, не можем мы ехать.

Просит Дутан старуху:

— Позволь мне перед дальней дорогой домой съездить, с отцом, матерью проститься, благословения у них попросить. Да и конь мне покрепче этого понадобится, ведь жеребчик мал совсем.

Отвечает Ялмавуз:

— Не пушу домой, все равно не сыскать тебе коня лучше этого. Поезжай-ка ты на своем жеребчике.

Делать нечего, стал Дутан дорогу к падишаху выпрашивать. Объяснила старуха и дала с собой в дорогу два золотых самородка, с лошадиную голову каждый.

Едет Дутан, лишь вольный ветер в степи ему попутчик. Жеребчик день и ночь без отдыха скачет. Радуется Дутан: «Славный конь из него будет».

Так прошел месяц. Выезжает Дутан к реке, на зеленую долину. Смотрит, старик на земле лежит, ухом к ней припал, будто слушает что-то. Подъезжает ближе, здороваётся. Тот голову поднял.

— Ты, дедушка, что тут делаешь? — спрашивает Дутан. — Почему на земле лежишь?

А старик отвечает:

— Стоял тут аул. Сожгли его враги, людей в неволю угнали. Вернулся я с охоты — ни домов, ни людей, один ветер гуляет. Жаль мне родные места покидать, так и мыкаюсь один. А на земле вот отчего лежу: подземный хан свадьбу справляет, дочку замуж выдает, я и слушаю. А сам ты за каким делом пожаловал?

Дутан ему все и рассказал:

— Меня старая Ялмавуз в дорогу отправила, хочет, чтобы я ей дочку ханскую привез.

— Тогда,— решил старик,— и я с тобой пойду. Что мне тут, одному век вековать? И отправились они вдвоем. Один пеший, другой на коне. Дутану теперь веселее. Пока шли, еще один месяц прошел.

Вот видят, человек сидит, в руках у него лук, а сам в небо уставился.

Поздоровались они.

— Что ты за человек? — спрашивают.— Что делаешь здесь один-одинешенек?

Отвечает человек:

— Аул мой враги спалили, жителей в неволю угнали, один я остался. Вчера в полдень подстрелил утку. Стрела ее в небо унесла. Вот и смотрю, скоро ли обед мой упадет. А вы далеко ли путь держите?

Пока они так разговаривали, утка к их ногам упала. Общипали они ее, сварили, сели есть. Охотник и говорит:

— Чем одному тут время коротать, пойду-ка и я с вами, по белу свету поброжу, на людей погляжу.

Пошли вместе. Теперь двое пеших, один на коне.

Шли они, шли, не заметили, как еще один месяц промелькнул. Вдруг видят: человек за волком гонится, да не верхом, а бегом. К ногам два огромных камня привязаны. И поймал-таки зверя. Удивляются друзья: «Что за человек такой?» Подошли к нему, поздоровались. Смотрят, а это джигит молодой, лет двадцати, не больше, лицом прекрасен, на девушку похож.

— Кто ты такой? — спрашивают.— Камни у тебя на ногах, а сам быстрее зверя дикого бегаешь.

— Жильяк я,— отвечает джигит,— в ногах моих сила неумная. Только отвяжу камни, меня словно вихрь подхватывает и уносит невесть куда. Так и заблудиться недолго. Ни одна тварь, кроме птиц в небе, не уйдет от меня.

Дутан ему свою историю поведал.

— Ну, коли так,— говорит Жильяк,— я тоже товарищем вам буду.

И стало их четверо — трое пеших, один на коне.

Вот идут они, идут, и еще месяц пролетел. Приходят в горы, а там человек. Над головой у него птицы выются. Путники и его приветствуют.

— Кто ты такой и почему один среди гор? — спрашивают.

Оказалось, что и у этого человека родной аул враги разорили, не может он места родные покинуть.

— Один я на целом свете остался,— говорит,— вот и дружу с птицами. Так мне жить веселее.

Путники про себя ему рассказали.

— Пойду-ка и я с вами,— решил человек,— надоело мне одному горе мыкать.

И пошел с Дутаном.

Стало их пятеро — четверо пешие и один на коне.

Шли они, шли — еще месяц долой. Пришли к подножию высокой горы, тропкой пробираются, справа лес стоит. Выходит из леса человек, на плече дуб несет, в руке мельничный жернов. Не человек, а джинн. Поздоровались, спросили:

— Дядя, ты что тут делаешь?

— Мельник я,— отвечает силач,— под горой у меня дом с мельницей. Плотину прорвало в половодье, расколосся жернов, сломалось веретено. Ходил я в горы, жернов точил, заодно и дуб для веретена прихватил. У меня и дети есть, да малы еще, в помощники не годятся. Пойдемте ко мне, подкрепитесь, отдохнете с дороги.

Согласились друзья. Приходят, а под горой домов десять-пятнадцать — целая деревня.

— Мою историю вы теперь знаете,— говорит хозяин.— А сами-то вы кто такие? Дутан ему все по порядку и рассказал.

— Раз так,— говорит мельник,— пойду-ка и я с вами, погляжу, что на свете делается.

Поручил он свою работу детям и присоединился к путникам.

Стало их шестеро — пять пеших и один на коне.

Еще месяц прошел. Видят у дороги избушку-развалюшку. А в ней двое живут — брат с сестрой. До того уж бедны, что и надеть нечего. Чай вскипятили, сели закусить. Ночь решили тут скоротать. Спрашивает хозяин:

— Кто вы такие будете, куда путь держите?

Дутан говорит:

— Слыхали мы, что где-то в этих краях город есть, правит в нем падишах. Говорят, дочь у него красоты невиданной. Вот за ней и едем.

— Придется оставить эту затею,— качает головой хозяин,— город тот враги осадили.

— Не для того я сюда семь месяцев добирался,— сказал Дутан,— чтобы назад повернуть.

А дочке падишаха той ночью, что друзья в избушке провели, сон приснился. Видела она, как юный батыр в их город входил, и нечисть всякая — джинны и пери — в страхе перед ним отступила. Проснулась царевна и не знает, что подумать. Тревожно ей стало. Всю свою жизнь Кунекай провела при дворце, играя с подружками в тенистом саду, и ничего, кроме этого сада, не видела. Поспешила она к старшему брату.

— Что случилось, сестра? — спрашивает тот.— Раньше ты никогда из дворца не выходила.

— Видела я во сне батыра, а с ним пять товарищей. Батыр на коне ехал, а конь у него не простой, от него глаз отвести нельзя. Я словно и теперь его ржание слышу. Эти шестеро, братец, целого войска стоят. Они за мной пришли...

А брат говорит ей:

— Не огорчайся, сестра, сон ведь и обмануть может. У нашего дворца враг стоит. Появится батыр — найдем для него достойное испытание. Поглядим, на что годится.

Успокоили Кунекай слова брата.

А сила вражья под городом несметная — тысяч десять будет. Хотят враги разорить и разрушить царство. Люди уж к злой участи своей приготовились.

Позвал падишах дочку и говорит ей:

— Вели, Кунекай, лучших лошадей в коляску запрячь да покатайся с подружками, пусть люди полюбуются на тебя.

Послушалась Кунекай отца, все, как он велел, исполнила. Посадила рядом с собой двух подружек, и поехали они кататься. Едва царевна из царских ворот показалась — весь город будто светом озарился, люди дивной ее красотой залюбовались. Увидел девушку предводитель войска вражеского — тоже падишах — и влюбился без памяти. Говорит он отцу Кунекай:

— Я не трону добра твоего и город не разрушу, только отдай мне дочь в жены.

И обещал ему падишах единственную свою дочку — царство спасти хотел.

— Ладно,— говорит,— только дай нам сорок дней на сборы. Через сорок дней можешь приехать за невестой.

Предводитель вражеский осаду с города снял и к себе вернулся.

Дутан с друзьями тем временем входил в город. А брат царевны уж навстречу идет, гостей к себе зазывает, к сестре слугу с вестью посылает: «Люди, что тебе приснились, у меня гостят. Приди, взгляни на них». Царевна тут же в коляску с подругами села и приехала. Увидела она Дутана и схватилась за сердце. Ни слова не смогла вымолвить, повернулась и назад поехала.

С того дня лишилась царевна покоя — ни есть, ни спать не может. Все о юном батыре думает. Хотела бы забыть джигита, да он из ума у нее не идет. Говорит она отцу:

— Пусть падишах забудет обо мне, не буду его женой!

А отец уж слышал о Дутане, велит позвать его. Гостя приветливо встречает, в роскошные покои ведет, за богатый стол сажает.

— Что вы за люди,— спрашивает падишах,— какого роду-племени? Все ли вы братья единокровные?

Отвечает хитрый Дутан:

— Родная моя земля Сарыгу зовется. Отец мой — падишах той страны. Увидел он во сне дочь твою и занемог от любви к ней. Она ему сама во сне рассказала, как найти ее. Послал меня отец за царевной. Не отдашь добром — отниму силой.

— Ну что ж,— говорит падишах,— я бы отдал тебе дочь, да она другому обещана. Жених ее тот самый человек, который хотел разорить мою страну, угнать мои стада. Я дочкой откупиться собирался, чтобы город спасти. Через сорок дней явится он за невестой. Слово мое такое: привезешь голову жениха — твоя Кунекай. Страна того падишаха в девяти днях пути отсюда.

Дал падишах Дутану лучшего коня из своей конюшни — Тель-Кунгуза. Простился батыр с товарищами и в путь отправился.

Как ветер, мчится Дутан по дороге, коней меняет — то на жеребчике своем скачет, то на Тель-Кунгуза пересаживается. Быстро у чужого города очутился. Видит, стража у ворот стоит, человек тридцать. Спрашивает батыр, тот ли в городе падишах правит, который ему нужен.

— Верно,— отвечает стража,— да только что за дело у тебя к нему?

Дутан им на это песенку пропел:

Хоть я мал пока,
Да тверда рука.
Подавайте самого —
Я голову снесу с него!

Рассердила стражников такая неслыханная дерзость. Набросились они на Дутана, а он — будто волк в овечьем стаде, с одной стороны вошел, с другой вышел, стражники уж на земле лежат. А кто уцелел, к повелителю своему побежал:

— Невесть откуда батыр молодой явился и стражу твою перебил, о падишах! Да еще кричит: «Подавайте мне самого, я голову снесу с него!»

Разгневался падишах, высылает к Дутану отряд в двести человек, велит поймать обидчика, связать и к нему доставить.

Окружили Дутана со всех сторон, кто из лука в него целится, кто петлю накинуть норовит. Да не дается им батыр. Слуги царские и глазом моргнуть не успели, он их всех порубил. А кто спасся, к падишаху побежал:

— Не справиться нам с батыром, в живых никого почти не оставил, тебя требует.

Нахмурился падишах, схватил лук со стрелами, на коня сел, за ворота выезжает.

— Ты что же,— кричит Дутану,— за смертью своей сюда пожаловал?

— Не боюсь я тебя,— отвечает джигит,— лучше покажи, на что сам годишься!

Натянул падишах тетиву и выпустил стрелу в Дутана, а тот ее играючи на землю сшиб. Говорит батыр:

— Видали мы, как ты стреляешь. А теперь погляди, как я это делаю!

Выстрелил он. Стрела доспехи падишаха пробила и у него из спины вылетела. Отсек ему голову джигит, положил в свой дорожный мешок и назад поскакал. Девятидневный путь за четыре дня отмахал.

А царевна уж ждет его, с дороги глаз не сводит. Видит: пыль на дороге клубится. Это храбрый Дутан с победой возвращается, рядом конь запасной скачет! Девушка наглядеться на батыра не может, сердце от радости из груди выпрыгнуть готово.

Дутан прямо к дому падишаха мчится, а друзья уж навстречу спешат, обнимают его.

Идет Дутан к отцу Кунекай.

— Вот, падишах,— говорит он,— будь доволен, здесь голова ярого врага твоего! Не изменил ли ты своего решения? Я волю твою выполнил, теперь ты выполни мою.

Отвечает падишах:

— Я слову верен — твоя Кунекай. Калым за нее я такой назначаю: сто молодых кобылиц.

Отдал Дутан товарищам золотой самородок и говорит:

— Пригоните с базара самых лучших кобылиц.

Выполнили товарищи поручение. Стал падишах к свадьбе готовиться.

А визирь падишаха недоброе задумал. Хотел он, чтобы Кунекай ему досталась, потому что себя умнее всех считал. Стал он нашептывать падишаху:

— Неужели дочь за сотню кобылиц бродяге отдашь? На весь мир глупцом прослывешь, если выполнишь обещание! Я все выведал: отец Дутана не падишах, а мужик простой. Нельзя отпускать царевну, надо придумать какую-либо хитрость.

Дутан между тем домой торопится, не нравится ему, что падишах со свадьбой тянет. Посылает к нему товарища:

— Скажи, путь поспешит, не то я ведь и рассердиться могу!

Велит падишах сказать Дутану:

— Это свадьба не простая — царская, а с ней спешить не положено: гостей собрать надо, майдан созвать, состязания, игры устроить.

Созвали майдан, отовсюду славные батыры, ловкие наездники, самые меткие стрелки съехались.

Устроили скачки. По знаку падишаха триста джигитов поскакали в горы — лишь в один конец три дня пути. И Дутан-батыр с ними, впереди мчится — не нашлось всадников быстрее его. Как сокол, влетел он на майдан и осадил коня прямо перед падишахом. Других джигитов после того еще не скоро увидели.

— Скажи мне правду,— сказал он,— что ты еще придумал, чтобы задержать меня? Визири напрасно морочат тебе голову. Лучше бы ты не злил меня!

Падишах велел кликнуть силача по имени Барак. Схватиться с ним Дутан послал на майдан мельника. Вот стали они меряться силой. Метнул мельник Барака через себя, сам по пояс в землю ушел.

— Доволен ли ты? — спрашивает Дутан падишаха, а тот опять за свое:

— Надо еще поглядеть, кто здесь самый быстрый.

Была у падишаха старуха-скороходка. С ней Жильяк побежал. Добежали они до конца, присели отдохнуть. Жильяк и говорит:

— До чего же пить охота! Не догадались мы с тобой, бабуся, воды взять.

— Отчего же не догадались,— отвечает старуха,— есть у меня вода.

Показывает парню два бурдючка. А там у нее медовуха была.

— Выпей, сынок,— говорит старуха,— легче тебе станет.

Поверил ей Жильбаяк, бурдючок до самого дна осушил.

— Напился ли, сынок? — спрашивает старуха.

— Я бы еще попил,— отвечает джигит.

Старуха и второй бурдючок отдала. Опьянел Жильбаяк, сон его тут же и сморил. Подождала старуха, пока жара немного спадет, и назад побежала.

Настало утро, солнце джигиту в лицо светит. Вскочил он, а старухи уж и след простыл. Подвернул Жильбаяк рубаху повыше, за беглянкой припустил. К полудню настиг ее. Песку в горсть набрал.

— Что, уж догнал, сынок? — оглянулась старуха.

— Догнал, бабуся! — крикнул тот и бросил ей в лицо песок.

Схватила старуха за глаза, а Жильбаяк дальше побежал, первым на майдан прибыл. Старуха только к вечеру показалась.

Снова не повезло падишаху.

— Ну, теперь-то доволен ты? — спрашивает его Дутан.

— Наездников, борцов и скороходов мы испытали,— отвечает падишах,— давай-ка посмотрим, кто среди нас самый меткий.

Велит он сорокааршинный шест поставить, а на самый его верх мешок с золотом подвесить.

— Это тому,— говорит,— кто его стрелой сбить сможет.

Вышли на майдан лучники. Никто в мешок попасть не может — у кого стрела не долетает, у кого мимо летит. Высылает Дутан самого меткого своего товарища, что уток стрелял.

Говорит охотник лучникам:

— Отдохните немного, братья, посмотрите, как стрелять надо.

Расставил он ноги, натянул тетиву тугую — зазвенела стрела, взмыла вверх, сорвала мешок да вместе с ним в облаках затерялась. Народ, что на майдане был, так и замер от изумления.

А охотник говорит:

— Пожалейте вы свои шеи, идите по домам, а завтра в полдень приходите поглядеть, как золото с неба свалится.

И правда, назавтра среди бела дня мешок с золотом точнехонько к подножию шеста упал.

— Какие еще состязания будут? — спрашивает Дутан падишаха.

— Сегодня уж поздно,— отвечает тот,— утро вечера мудренее. Завтра Кунекай твоя будет.

Едва падишах домой воротился, а визирь уж тут как тут — поджидает его.

— Как можно царевну им отдать? — шепчет повелителю на ухо.— Сегодня же ночью, как только Кунекай уснет, положим ее в сундук и самым храбрым вашим слугам прикажем увезти ее на самых быстрых лошадях и спрятать.

Все было сделано, как злой визирь задумал. Ночью сонную царевну перенесли в большой сундук. Сундук поставили на повозку, и лошади во весь дух помчали его по дороге.

Товарищ Дутана, тот самый, что сквозь землю слышать мог, сразу смекнул, в чем дело. Говорит он:

— А царевну-то в сундуке увезли!

Вскочил Дутан-батыр, схватил лук со стрелами и закричал:

— Вставайте, друзья, страшна будет месть моя, никто от стрел моих не укроется!

А старик, что в горах с птицами дружил, говорит ему:

— Успокойся, джигит. Стоит ли кровь напрасно проливать? Мы лучше вот как сделаем: я воров догоню, глаза им тихонько завяжу и сундук с царевной сюда доставлю. Назад повозку воры у меня на себе потащат, да еще лошадей в ней повезут. Вот будет потеха!

Все точно так и случилось — старик царевну унес, а лошадей в повозку уложил. Утром слуги сняли с глаз повязки, видят: в повозке у них вместо царевны лошади! Со стыда и горя они ума все лишились. Туда им и дорога.

А Дутан-батыр, не мешкая, привязал сундук с девушкой к седлу Тель-Кунгуза, сел на своего жеребчика и засветло покинул с друзьями дворец падишаха.

Всю ночь шли они по дороге, наутро сделали привал. Открыли сундук. Вышла прекрасная Кунекай, и все вокруг озарилось светом. Сердца друзей наполнились радостью, засмеялись они. А царевна была счастлива больше всех. «Как хорошо,— думала она,— что я любимому досталась!»

Множество дней и ночей провели они в пути, и вот показался лес, где жила старая людоедка. Тут только решился Дутан открыть девушке всю правду.

— Кунекай,— сказал он смущенно,— я не домой тебя везу. Придется тебе в лесу с Ялмавуз остаться...

Испугалась Кунекай, заплакала горько.

— Я так радовалась, что еду с тобой,— причитала она,— как же можно отдать меня злой старухе?..

Девушка так жаловалась на свою судьбу, что все шестеро друзей, глядя на нее, тоже залились слезами.

— Все вы такие сильные и храбрые, каждый из вас тысячу врагов одолеть может,— говорила бедная царевна,— так неужели не заступитесь за меня, неужели не пожалеете загубленной моей жизни?

Стыдно стало Дутану-батыру.

— Лучше я сам умру,— воскликнул он,— чем позволю Ялмавуз дотронуться до тебя пальцем!

Тут заговорил старик, который слышал сквозь землю.

— Нет,— сказал он,— не годится так, дело с умом уладить надо: не просто будет от колдуньи избавиться. Вот Жильяк молод и красив, как девушка. Давайте сделаем ему из лошадиной гривы волосы и отведем к старухе вместо Кунекай.

Совет старика всем пришелся по душе. Нарядили Жильяка в женское платье, волосы приладили. Взял его Дутан к себе на коня и повез к Ялмавуз. А Кунекай на Тель-Кунгузе дальше поехала.

Людоедка еще издали учуяла людей и вылезла из чащи.

— Что, привез ли мне красавицу, сынок? — спрашивает.— Вижу, нет на свете батыра, равного тебе.

Позвала она гостей к себе в логово, пловом накормила. Поел Дутан наспех и говорит:

— Спасибо, меня мать с отцом заждались, спешу я.

Попрощался он и поскакал вслед за товарищами.

Сидит Жильяк у старухи в норе и вздыхает, будто опечален сильно. Через некоторое время говорит людоедке:

— Бабуся, мне погулять надо.

— Незачем тебе, дитяtko, гулять, посиди дома,— отвечает Ялмавуз.

— Не желаю я дома сидеть!

— Ну, коли так,— говорит старуха,— и я с тобой пойду.

Вышли они. Тут парень как прыгнет в кусты — только и видела его старуха! Кинулась она вдогонку. Бежит, шаровары на ней раздуваются, за сучки да ветви цепляются, падает она, вскакивает и опять за Жильяяком гонится. Выскочила из леса, ничто теперь не мешает ей бежать — припустилась во весь дух.

А Жильяяк в это время уже вместе со всеми по дороге шагал. Догнала их Ялмавуз, пасть разинула, проглотить всех хочет. А меткий стрелок не растерялся, лук с себя сорвал да прямо в единственный глаз людоедки выстрелил. Завопила старуха страшным голосом и замертво на дорогу рухнула.

— Через много испытаний прошел я по воле злой старухи,— сказал Дутан,— думаю, греха большого не будет, если мы ее добро с собой прихватим.

Вернулись в лес, заходят в логово старухи, а там золота, серебра полным-полно.

Вот и до родного дома Дутана рукой подать. Посадил он мельника на коня и отправил вперед с радостной вестью, чтобы родителей предупредил.

А старики как раз плакали в это время, сына вспоминали — где-то он теперь, жив ли, нет ли.

— У всех сыновья дома,— горевала мать,— только моего единственного сыночка нет со мной.

Тут вошел к ним мельник, снял с головы хозяина шапку и на себя надел.

— Это мне за суюнче! подарок,— говорит.— Сын ваш Дутан сюда едет!

Кинулись мать с отцом сына встречать. Обнимают его, плачут. Только теперь это были слезы радости.

Отвел отец Дутану с его красавицей-женой хороший дом, а друзьям его отдал в жены дочерей.

В счастье и радости зажили Дутан-батыр и жена его Кунекай. Быстро летели дни.

Говорит однажды отец Дутану:

— Ты, сынок, избавил нас от злой Ялмавуз, женился на прекрасной Кунекай. Надо бы и о старших братьях позаботиться, поискать хороших невест для них. Хочу при жизни всех вас женатыми увидеть.

— О, я найду невест для братьев и сестриц без мужей не оставлю! — воскликнул Дутан.

Повел он братьев за собой. Ночью прибыли к большому городу. На ночлег расположились. Коням спутали ноги, в луга отпустили. Вдруг среди ночи разбудили Дутана шум и громкие вопли. Посылает он двоих братьев узнать, что случилось. Оказалось, на город враги напали. Перепуганные горожане плачут, стонут, а разбойники стада их угоняют, самых красивых девушек уводят. Народ пробовал отбить их, да ничего из этого не получилось.

Нахмурился Дутан.

— Насилу,— говорит,— большой город отыскали, а из него лучших невест угоняют!

Смотрит на братьев, а те притихли совсем.

— Ну, чего носы повесили? — усмехается Дутан.— Ладно. Утро вечера мудренее. Ложитесь-ка все спать.

На рассвете велит он всем коней седлать да за ним ехать. Братья послушно сели на коней. Въезжают в город, а там народу тьма. Все сидят и плачут. Падишах тоже вместе со всеми горюет.

— Как разбойника зовут? — спрашивает Дутан падишаха.

— Затхам,— отвечает падишах,— он враг мой заклятый.

— Никуда он от нас не уйдет,— говорит Дутан-батыр.— Дай мне пятьсот джигитов, я догоню его. Люди твои мне не для битвы нужны. Они стада ваши назад пригонят.

Собрал падишах пять сотен самых храбрых мужчин, и бросился Дутан в погоню за разбойниками. На третий день догнал их.

Как яростный лев, набросился батыр на врагов, кого мечом сечет, кого конем топчет, и был он так быстр и ловок, что уследить нельзя. Испугался Затхам, дрогнуло войско его, кинул он свою добычу и пустился наутек. А Дутан следом скачет, никто не ушел от него.

Говорит Дутан горожанам:

— Уведите женщин, разберите свое добро.

С песнями, музыкой встретил народ своего спасителя — всюду звенели домбры, кубызы, журчали кураи.

Обнял падишах юного батыра.

— Отныне ты как сын мне,— говорит.— Я сделаю тебя своим наследником.

За братьев Дутана он выдал самых красивых девушек города. Наконец-то и они обзавелись женами.

Сорок дней и ночей не затихал в городе пир. На сорок первый день собрался Дутан в обратную дорогу.

— Пора нам,— сказал он падишаху.

Тот ему отвечает:

— Не оставляй меня, я тоже с тобой поеду. Надоело в страхе жить, злых врагов поджидать.

Обратился Дутан к народу:

— Я вас всех с собой забрать могу. Земли у нас много, на десять тысяч человек хватит.

Так и двинулся весь большой город вслед за батыром.

На новом месте люди дома себе построили, хозяйством обзавелись. Всем полюбился добрый и храбрый Дутан-батыр, люди слушались его во всем. Спокойно и счастливо жилось при нем народу.

В великом царстве природы

К.Насыри. Лиса

Жил-был человек. Пошел он однажды рыбу ловить. Вот идет с рыбалки, а навстречу ему — лиса. Поймал он ее и вместе с рыбой в мешок сунул. Лисица мешок прогрызла, всю рыбу по одной на дорогу выбросила и сама следом выскользнула. Собрала рыбу в кучу, взобралась с ней на стог, сидит и ест. Явился медведь и тоже на стог полез. Лисица его шлеп по морде — он и скатился.

— Дай, кумушка, хоть косточку,— взмолился медведь.

Не дает лиса. Медведь и спрашивает:

— Где же ты, кума, рыбки наловила?

— Вон в той проруби,— показывает лиса.

— А как?

— Лукошко к хвосту привязала да в прорубь опустила. Рыба и наловилась.

Поверил ей медведь, все так и сделал: привязал к хвосту лукошко и пошел к проруби, а лиса кричит ему вдогонку:

— Смотри же не вынимай из воды лукошка, пока не затрещит в нем!

Медведь и сидел, пока в проруби лед трещать не начал. Показалась тут женщина с коромыслом. Видит ее медведь, хочет встать, да не может: хвост у него примерз. Не растерялась женщина — и ну медведя коромыслом охаживать! Бьет его, а тот изо всех сил дергается. Дергался, дергался — хвост и оторвался. Рад, что ноги унес...

А рыбак до дому добрался. В мешок не заглянул, а уж кричит жене:

— Я лису поймал, старуха! Бросай старый воротник в огонь!

А в избе у них как раз печь топилась. Женщина, недолго думая, возьми и брось в нее свой лисий воротник. Смотрят, а в мешке ни лисы, ни рыбы. И воротник уж сгорел!

Вот откуда пошла поговорка: поспешишь — людей насмешишь.

рипрятал медведь мед на высоком дубе. Проню-

хал про то кот. Влез на дерево и лакомится медком. А медведь тут как тут.

— Ты что здесь делаешь? — рычит.

— Грамоту пишу, — не растерялся кот. — Чтоб волков да медведей в Сибирь сослать. Я — писарь московский...

Услышав такое, медведь задком-задком да и слез с дерева. А там — дай бог ноги! И коту не верится, что жив остался, — с перепугу в другую сторону без оглядки кинулся.

Кот и медведь ...171

Н.Исанбет. Отчего у сороки платье пестрое

В старые времена не было у сороки видного, как теперь, наряда: рубаха белая, камзол черный, на спине разводы зеленые, на голове бархатная тюбетейка. Раньше у нее две рубахи были — белая да зеленая. Она их, как заяц, меняла — то одну, то другую наденет. Зимой белую поверх зеленой носила, а летом — зеленую поверх белой. Ну и пусть бы себе наряжалась на здоровье, раз у нее две одежды, — не в этом дело. Вся беда была в нраве сороки. Уж до чего вредная — и сказать невозможно!

Мало ли зверей и птиц на свете, чего у них между собой не бывает! О чем бы они ни говорили, что бы ни делали — сорока уж тут как тут, за всеми подглядывает, всюду подслушивает, зимой в белой рубахе в снег зарывается, летом в зеленой листве прячется. Что ни увидит, ни услышит, тут же и разрезвонит, всех обойдет, никого не пропустит, всех перессорит. И такая в лесу кутерьма поднималась, что никто уж ничего толком понять не мог!

Пришел, к примеру, охотник в лес. Сорока сверху его видит и кричит лисе:

— Шыкыр, шыкыр! Прячься, лиса, охотник идет.

Радуется лиса:

— Спасибо, добрая сорока! — и бежит прятаться.

Она еще в норку юркнуть не успеет, а уж сорока навстречу охотнику спешит, стрекочет у него над головой:

— Шыкыр, шыкыр! Спряталась лиса, застрели ее! — и дорогу к лисьей норе показывает.

Так мерзкая птица и лисе укрыться не дала, и охотнику дело испортила.
Наябедничает, все запутает, а сама рада-радешенька, над всеми потешается.
Никому житья от нее нет.

Жаворонку кричит:

— Вон муха, лови ее!

Не успеет жаворонок муху поймать, сорока уж сыча зовет:

— Хватай, хватай скорее жаворонка!

Видит ястреба, издали стрекочет:

— Сюда, сюда! Догоняй сыча, он за жаворонком полетел!

Погнался ястреб за сычом, сорока тем временем охотника заметила, на небо ему показывает:

— Подстрели их! Видишь, во-он летят!

Охотник прицеливается, а сороке уж и ему помешать не терпится:

— Спасайся, сыч! Спасайся, ястреб! — кричит. — Охотник погубить вас хочет!

И не только в лесу — в деревне тоже сорока-трещотка народ баламутила. Больше всех от нее козе с котом доставалось. Стоит козе в огород зайти, сорока уж во все горло людей скликает:

— Караул! Коза за капустой полезла!

Только люди с кольями в огород кинутся, сорока кричит:

— Беги, коза, пока шкура цела!

Мышь в доме завидит, кота зовет:

— Кот, кот! Давай сюда живее!

Примчится кот, а она уж мыши удрать помогла.

Словом, не стало из-за сороки покоя ни в лесу, ни в деревне. Куда бы она ни явилась, там все наперекосяк идет.

Стал народ бояться всего — ни поговорить, ни делом заняться. А вдруг сорока узнает? Ведь и разглядеть ее нельзя: летом она зеленая, в листве прячется, зимой белая, в снег зарывается. Тут вот рядышком притаилась, во все глаза глядит, а поди различи ее!

Надоело это зверям и птицам. Собрались они на совет: дескать, что с сорокой делать будем. Позвали балаболку, спрашивают:

— Бросишь ли ты народ баламутить?

— Это я-то баламучу? — удивляется сорока. — Да я сил не жалею, без устали хлопочу, лишь бы вас всех из беды выручить!

— Нет, — говорят ей звери и птицы, — еще никому от твоих хлопот легче не стало. Тебе бы только вредить да сплетничать. Горе нам с тобой: кто из-за тебя без обеда остается, а кто и с жизнью расстается.

Судили они, рядили да так решили:

— Надо, чтоб сороку отовсюду видно было, а для этого из двух ее рубах одну сделать — и белое, и зеленое на ней оставить. Вот тогда мы ее и летом, и зимой разглядеть сможем, осторожней будем.

Стащили они с сороки обе рубахи, а трещотка-балаболка не дается, караул кричит, да только никто не посмотрел на это. Коза зеленое платье пожевала, в лоханку выплюнула — зеленая краска получилась. Кот белое платье размочил — белую краску приготовил. Схватила коза сороку, в зеленую краску головой окунула, после и хвост туда же. Красит, а сама приговаривает:

— Вот тебе, сплетница негодная, не будешь больше вредничать!

Кот ее грудкой и спинкой в белую краску обмакнул.

— Так ее, так! — приговаривал петух.— Впредь неповадно будет чужие яйца таскать! — И добавил сороке сажи под крылья.

С тех самых пор и стала сорока заметной птицей, из-за пестрого наряда ее теперь и летом и зимой увидеть можно. На снег сядет — зеленое да черное видать, на дерево взлетит — белое сквозь листву светится.

Скверную свою привычку сорока, правда, не бросила. Да только не страшна она никому! Охотники, звери и птицы ее нрав хорошо знают, издали ее видят.

Отчего летучая мышь днем не показывается

Известно, что в очень давние времена звери и птицы враждовали друг с другом. Что тогда делалось — словами не скажешь! А если и сказать, так все равно не поверите. С одной стороны — соколы с крыльями железными, грозные орлы с лапами когтистыми, сплетницы-сороки, цапли-долгоноги, коростели-возчики, чибисы-доносчики, совы, на кошек похожие, а с другой — львы косматые, тигры полосатые, увальни-медведи, волки-зануды, хомяки-проныры, хорьки-задиры,— словом, все четвероногое воинство, даже кошка, похожая на сову, была с ними. И такие случались между птицами и зверями схватки, что только перья да клочья шерсти летели!

Летучая мышь там же была. Увидела она как-то, что птицы зверей одолевают, стала в небе носиться и кричать:

— Наша взяла, наша!

Но вот звери потеснили птиц. Тут летучая мышь, как на парашюте, на землю опустилась, крылья-перепонки убрала и давай среди зверья бегать да покрикивать:

— Мы победили, мы!

Долго ли, коротко ли длилась эта война, только и она в конце концов утихла. Заключили звери и птицы вечный мир и стали вспоминать, кто жив, кого нет, кто как на войне отличился. Все им вроде ясно, лишь одного понять не могли: на чьей стороне летучая мышь воевала. Одни говорили, что она с птицами была, другие уверяли, что видели ее среди зверей.

Решили звери и птицы позвать летучую мышь да послушать, что она сама скажет. Прилетела мышь, смотрит, а на поляне по одну сторону звери, по другую птицы сидят. Спрашивают они:

— Ты, говорят, на стороне птиц воевала. Правда ли это?

— А с кем мне еще быть? — удивилась летучая мышь, взглянув на птиц.— У меня ведь крылья.

— Ну а если ты птица и у тебя крылья, почему ты победе зверей радовалась, кричала: «Мы победили»?

Покосилась летучая мышь на зверей и сказала:

— Как же мне было не радоваться, если я никакая не птица? Где вы у меня перья видите? А то, что у меня между пальцами,— это не крылья, а перепонки. Вон среди вас сестра моя сидит, полевая мышь, она все объяснит.

Однако полевая мышь ничего объяснять не стала.

Рассердились звери:

— Так вот ты какая! О себе только думала, туда, где выгодней, бежала! Знать тебя не желаем! Ступай прочь!

— Нам ты тоже не нужна! — закричали птицы.

Так летучей мыши и звери, и птицы доверять перестали.

— Как же с ней быть? — ломали они голову.— Разве можно жить спокойно, зная, что в трудное время она предать нас может?

После долгих споров-разговоров решили: птицы сторожем к летучей мыши сову приставят, что так похожа на кошку, а звери — кошку, похожую на сову. Чтобы приглядывали за ней, за каждым шагом следили.

С тех пор не стало летучей мыши житья ни при светлом дне, ни темной ночью. Днем кошка ее подстерегает, ночью сова схватить норовит. Вот и приходится ей по чердакам прятаться. Только в сумерки, когда солнце уже село, а ночь еще не пришла, в тот самый час, когда кошка с совой обе плоховато видят, выбирается она из своего укрытия и бесшумно кружит в воздухе. Но стоит выглянуть луне, летучая мышь спешит спрятаться на чердаке и ждет там следующего вечера.

Отчего белый гусь крапчатым стал

В старину все гуси белые были.

Давным-давно жила возле озера гусиная семья — отец-гусак, мать-гусыня и двадцать один гусенок. Рано поутру шли гуси к воде, чтобы порезвиться вволю. В те же часы на озере плавали лебеди. Гуси иной раз встречались с ними. Лебеди важно проплывали мимо, высоко задрав головы, не обращая на соседей внимания.

Однажды самый маленький гусенок, увидев в воде свое отражение, пропищал, гордо вытянув шею:

— Взгляните-ка на меня, ну чем я не лебедь!

Гусей позабавили его слова, а малыш обиделся:

— Вы просто завидуете мне,— сказал он.

С того дня Длинная Шейка решил, что он самый красивый и умный в семье. Бедняга даже стал подозревать, что вылупился не из простого яйца, а из золотого.

Наплававшись, гуси шли домой и дружно садились за стол. Мать-гусыня подавала еду в большой миске. Длинная Шейка не хотел есть то, что лежало перед ним, а норовил выхватить лакомый кусочек из-под носа у братцев и сестричек. За столом то и дело вспыхивали ссоры. Гусыня пробовала стыдить сына, но он не унимался.

— Ишь какие! — возражал строптивый гусенок.— Себе все самое вкусное выбираете, а мне подкладываете что похуже.

Видя, что мать совсем отчаялась и не может справиться с сыном, вмешался отец-гусак. Он долбанул задиру клювом и спросил строго:

— Когда ты научишься есть без ссор?

Слова отца только разозлили гусенка. Он замахал крылышками и запищал:

— Не я затеваю ссоры! Ты лучше им скажи. Они терпеть меня не могут из-за моей лебединой шеи! Все вы очень глупые! Лучше мне с лебедями дружить.

Гусенок и сам уж не понимал, что говорил.

С того дня Длинная Шейка перестал дружить с гусятами, даже по одной с ними тропке ходить не желал, одиноко ковылял поодаль. Когда все его братцы и сестрички, растопырив крылышки, радостно прыгали в озеро и, подражая взрослым, пытались пробежать по воде, упрямый гусенок хмуро плавал в сторонке. А поздно вечером гусята удобно устраивались в мягкой траве и рассказывали перед сном друг другу сказки. Лишь Длинная Шейка не участвовал в их разговорах, дремал, нахохлившись, как всегда, один-одинешенек.

Гусенку доставалось за гордый, нелюдимый нрав — то собака погонится за ним, то ястреб подкараулит. Улепетывая от обидчиков, гусенок живо вспоминал о родне и спасался в стае. Но как только опасность проходила, снова принимался за старое.

Шли дни. Длинная Шейка подрос, окреп и вовсе перестал признавать своих. Однажды, не желая идти со всеми вместе, он опоздал к обеду. А когда пришел, увидел, что ему ни зернышка не осталось. Обидно стало Длинной Шейке, и он закричал:

— Вы что же, и мой обед съели?

Дремавшие гуси не ответили ему, даже носа из-под крыла никто не высунул. Только отец заметил сердито:

— Есть хочешь — являйся вовремя!

Но гусенок пропустил слова отца мимо ушей. Он повернулся и, задрав нос, пошел прочь, потому что нисколечко не сомневался, что гуси мстят ему за ум и редкую красоту.

Не спеша, вперевалочку добрался он до озера и поплыл к дальнему берегу, где жили лебеди. Возле камышей остановился, не зная, как быть дальше.

Тут камыши раздвинулись и показались лебеди. Они построили своих малышей цепочкой и отправились на прогулку по озеру. Гусенок пристроился к ним сзади.

Проплыли круг, другой и выбрались на берег, чтобы пощипать травку.

Насытившись, лебеди принялись веселиться — завели песни и пустились в пляс. Они хлопали над головами большими белыми крыльями и затейливо перебирали лапками. Красивые, журчащие голоса их были словно звуки серебряного курая.

Настал черед Длинной Шейки, но гусенок, который всю жизнь сторонился братьев и сестер, ни петь, ни плясать не умел. Подражая лебедям, он попытался было взмахнуть над головой крыльями, да не удержался на ногах, упал. Хотел спеть, но из горла бедняги вырвался резкий, неприятный звук. И чего другого можно было ожидать от гусенка, который только и умел, что на родных кричать?

Пригляделись к нему лебеди и удивились:

— Ты откуда такой взялся? Ты же гусенок, вот и ступай к своим! Кыш, кыш!

Зашипели они и ну чужака щипать, а он упирается, не хочет домой возвращаться. Тогда лебеди обступили гусенка со всех сторон, поддели носами и подбросили кверху. Длинная Шейка больно шмякнулся на землю, а его тут же снова подкинули...

Лежит гусенок на траве, глаз открыть не может. Собрался кое-как с силами, смотрит, а на нем живого места нет — весь в синяках да ссадинах, перья клочьями висят. Попробовал встать, да ноги не держат...

Так прошло три дня. Стал гусенок сизо-черным пушком обрастать. На четвертый день еле поднялся. Крылышки ушибленные потирает, ножки разминает, попискивает жалобно, к отцу с матерью плетется.

А дома все двадцать гусят за столом сидят и тихо, мирно обедают. Длинная Шейка, виновато пискнув, тоже сунулся было в миску, да его тут же оттеснили.

— Стой, куда лезешь? — заволновались гусята. — Мы не знаем тебя, кто ты такой?

А гусенка и вправду узнать нельзя: худой, взъерошенный весь, в пестрых клочьях каких-то. Заплакал гусенок:

— Вы что же, совсем не узнаете меня? Я же братец ваш, Длинная Шейка.

Поглядели на него гусята и говорят:

— Нет, не братец ты нам: Длинная Шейка белый был. Такого, как ты, крапчатого, у нас сроду не бывало.

Горько стало гусенку, зовет он родителей:

— Папа! Мама! Узнаете ли вы меня? Ведь я сын ваш, Длинная Шейка.

А гусак с гусыней, оглядев странного гусенка, тоже заявили:

— Такого сына у нас не было. Наши детки все белые.

— Да гоните его прочь! — загоготали гуси.

Куда деваться несчастному? У лебедей он не прижился, а теперь и свои признать не хотят.

Видят гуси, не прогнать им оборвыша — голосом он все же на них похож, и перестали обращать на него внимание.

Мало-помалу оправился гусенок. Синяки и ссадины зажили, темный пух в перья превратился. Остался он навсегда пестрым. И нрав у него изменился. Не тянет уж он, как прежде, шею — ходит, втянув голову в плечи, и чужих кусков из миски не хватает. И кричать на всех перестал, разговаривает тихо. Старших уважает, с младшими заботлив и ласков. Папа-гусак и мама-гусыня, глядя на него, говорили друг другу:

— Он такой же милый, как все наши детки, хотя и не похож на них.

Так и жил Длинная Шейка в дружной семье, пока не превратился в большого крапчатого гуся. А потом у него свои гусятки появились. Теперь, вспоминая детство, он поучал их частенько:

— Из миски бери только то, что лежит перед своим носом, на чужой кусок не заглядывайся. Будь со всеми приветлив и добр. Не беда, что одежда пестра, важно, чтобы душа была светлой.

Почему у ласточки хвост рваный

Это очень старая история.

Когда-то на земле змея появилась. Не знала еще змея, чем ей кормиться, даже вкус крови был ей тогда неведом. Вытянулась она на траве и притихла, а раздвоенный язык на землю выложила. Пролетал тем временем комар. Увидел он змею, и любопытно ему стало, захотелось поближе ее разглядеть. Сел возле змеи да прямо на язык к ней и угодил. Зажала его змея языком и говорит:

— Мне бы проглотить тебя, да я вот не спешу, на языке тебя держу. А захочу, так и вовсе отпущу, если ты послушаешься меня да волю мою исполнишь. Ступай отведай кровь всех живущих на земле тварей и доложи, чья кровь вкусней, чтобы я знала, кого мне есть.

А комар в то время мало чем на теперешнего походил — болтлив и угодлив был. Ничего ему не надо, лишь бы посудачить да сильным мира услужить.

С радостью взялся комар за поручение змеи, всюду побывал, всякой крови насосался и на человека сел. Больше всех понравилась ему человеческая кровь. Пил он ее, пил и надулся, как пузырь. Торопится змею обрадовать.

Летит навстречу ему ласточка. А надо сказать, ласточка в те далекие времена тоже по-другому выглядела — хвост у нее большой и пышный был. Она пока еще не умела вить гнезда под крышами жилищ, а только обдумывала, как бы ей поудобнее гнездо для своих птенчиков устроить.

— Ага,— обрадовалась ласточка,— вот и корм мой! — и поймала комара в клюв.

А комар-болтун не растерялся, кричит из клюва:

— Отпусти меня, послов не убивают!

— Что же ты за посол такой? — спросила ласточка.

— Меня змея с поручением отправила,— похвастался комар,— спешу доложить ей, у кого среди живущих на земле кровь самая вкусная. Я вот с каким делом лечу. Змея, бедняжка, наверное, уж заждалась меня, с голоду умирает, чем кормиться, не знает.

А ласточка уж успела узнать, сколь жестока и коварна змея, — видела, как та доверчивых птишек глазами завораживала и проглатывала. Невзлюбила она злую змею.

— Ну и чья же кровь самая вкусная? — спросила ласточка.

— Кровь человека всех вкусней. Я только что ее отведал, — сказал комар, — она все еще у меня на языке.

— Вон как! — усмехнулась ласточка. — Покажи-ка мне свой язык, очень любопытно узнать, какого цвета у человека кровь.

— Пожалуйста, гляди. — И комар с готовностью высунул язык, желая угодить ласточке. А та как долбанет по нему клювом, язык и оторвался.

— Ну вот, теперь можешь отправляться к змее, — засмеялась ласточка. — Попробуй доложи ей о своем деле!

И отпустила комара.

Торопится комар, а ласточка следом летит.

Завидев комара, приказывает змея:

— Ну, говори, чья кровь самая вкусная?

Раскрыл комар рот, хочет обрадовать змею, а ни слова сказать не может, только писк один и слышится: бз-з-з!

— Ты чего пищишь? — рассердилась змея. — Говори толком!

Но сколько она ни билась, ничего другого не услышала. Увидела ласточку на ветке, которая прислушивалась к их разговору, к ней обратилась:

— Эй ты, до мух да комаров охотница! Тебе-то их язык понятен должен быть. Не растолкуешь ли, что этот дурачок сказать хочет?

— Отчего же не растолковать, — отозвалась ласточка, — он говорит, что много всякой крови насосался, а вкусней, чем лягушечья, не нашел. Даже кровь человека не так вкусна.

Зашипела злая змея:

— Лягушки от меня никуда не уйдут, их я всегда съесть успею. Сдается мне, хитришь ты со мной — человека, злейшего врага моего, выгородить стараешься! А потому раньше я проглочу тебя!

Набросилась она на ласточку, а та взвилась вверх. Во рту у змеи лишь часть ее хвоста осталась.

С той самой поры змея и ест одних только лягушек. А ты представляешь, что могло бы случиться, если бы ласточка не повстречала тогда комара-хвастунишку? Змеи теперь на людей охотились бы.

Вырвавшись от змеи, ласточка прямехонько к жилью человека полетела и свила там под крышей гнездышко.

Вот с каких еще пор ласточка с человеком дружит.

Жаль только, хвост у нее так рваным и остался.

А комар, змеинный холуй, отведав человеческой крови, дня без нее прожить не может. Зато ласточка строго следит за ним, не дает спуску. Едва завидит комара, тут же его и схватит. А он и сказать уж ничего не может, знай пищит: бз-з-з, бз-з-з! Вот и пойми его.

**Про то, как верблюды на свой рост понадеялись,
да ни с чем остались**

Вам, верно, приходилось слышать, как люди спрашивают друг у друга:

— Какой у нас нынче год — Овцы или Коровы?

Еще с незапамятных времен ввели наши деды в обиход двенадцатилетний календарь, в котором каждый год получил название от какого-нибудь животного. Люди верили, что все эти годы — Овцы, Мыши или там Барса — в точности повторяются через двенадцать лет. Они считали, что можно наперед сказать, каким будет предстоящий год — сухим или дождливым, теплым или же холодным. Ведь порядок, по которому годы календаря следовали друг за другом, никогда не нарушался: за годом Мыши обязательно шел год Коровы, после — год Барса и все остальные.

— Удивительно,— скажете вы,— мышь такая маленькая, а удостоилась чести возглавить вереницу сильных и грозных животных!

А про это сказка существует. Вот она, послушайте.

Весть о том, что человек собирается назвать свой календарь именами зверей, быстро облетела мир. Всполошились звери. Сошлись под Новый год барс, верблюд, кабан, змея, лошадь, корова, овца, собака, заяц, ящерица, еж, курица, мышь и заспорили, кому в новом календаре первым быть, чьим именем наступающий год назван будет.

Сказала лошадь:

— Я человеку самый большой друг: всегда готова домчать его туда, куда он только захочет, и в тяжелой работе первая помощница. Думаю, будет справедливо, если первый год календаря назовем моим именем.

Но верблюд не согласился с ней.

— Верно,— сказал он,— работаешь ты много, но ведь не без корысти. Человек кормит тебя за то душистым сеном, овсом отборным. А вот я, навьюченный тюками, какие тебе и с места не сдвинуть, месяцами пропадаю в знойной пустыне и ни сена, ни овса за это не требую, ем что по дороге попадется,— колючки разные, сухие стебли. Вода есть, пью. Нет воды, терпеливо сношу жажду. Много от меня пользы человеку. И ростом я выше вас. Так что будет правильней, если календарь возглавлю я.

— Ну уж если на то пошло,— заявила корова,— в начале календаря меня поставить надо. Чем бы человек кормился, когда бы не было меня? Он меня доит и готовит из моего молока сметану, творог, катык и масло. Это ли не польза?

— А уж как я нужна человеку,— воскликнула овца,— и сказать нельзя! Из моего меха он шьет шубу, из шерсти валяет войлок, из шкуры тачает сапоги, мясо ест, из рогов рукоятки для ножей точит, даже мои кишки в дело идут — из них он струны звонкие для домбры делает.

Собака тоже не молчит, свое слово вставить торопится:

— А кто всех вас сторожит день и ночь, глаз не смыкая? Да не будь меня, вас волки давным-давно задрали бы или воры увели бы да съели. Мне спасибо скажите, что живы до сих пор. Гав-гав, мне первой быть!

Даже курица от других отстать не желает:

— Без нас, кур да петухов, люди на работу собраться не могли бы,— волнуется она.— Это мы кричим им по утрам: «Поскорей, поживей поднимайтесь, за дело принимайтесь!» А еще мы человека своими яичками потчует.

Словом, мычат, рычат, кудахчут все — шум подняли невообразимый!

А вот мыши и сказать нечего. Слушает она да помалкивает. Вдруг пришла ей в голову хитрая мысль.

— Что толку нам ссориться,— пищит она,— давайте-ка лучше вот что сделаем: вместе Новый год поджидать станем. Кто его первым увидит, тому и в календаре первым быть.

Так говорила мышь, а сама все верблюду подмигивала. Верблюд-простофиля, да продлятся его годы, не почуял подвоха, тут же поддержал мышь. (Он, понятно, на великий рост свой надеялся и не сомневался, что Новый год первым увидит.)

— Верно! — заревел он громовым голосом.— Мышь хотя и маленькая, а дело говорит. Пусть так и будет: кто Новый год первым увидит, тот и возглавит календарь.

Предложение всем пришлось по душе, каждый верил, что наступление следующего года увидит раньше других.

И что вы думаете? Мышь-плутовка вскарабкалась на верблюда, на самую верхушку его горба, и увидела оттуда Новый год первой. Так и удостоилась высокой чести.

А верблюда в списке даже не оставили — не вошел он в число двенадцати, хотя и был крупнее всех и выше ростом.

— Мышь на горбе у тебя сидела,— сказали ему звери,— а потому ты не в счет.

Вот откуда пошла поговорка: «Понадеялся верблюд на долгий свой рост, да ни с чем остался».

Про то, как заячий хвост достался белке

Однажды рак, известный на весь мир упрямец, — ведь он даже ходит не как все, а назад пятится,— собрался по свету побродить. А глаз на затылке, как известно, нет, и, если все время пятиться, можно и плетень снести. У рака до этого, впрочем, дело не дошло, но в плетень он все ж уперся.

Остановился и думает: «Эдак я, пожалуй, не много увижу. Лучше уцеплюсь-ка за чей-нибудь хвост». Огляделся он. Видит, на крутом берегу заяц спит, хвост над водой свесил.

А надо сказать, заяц тогда был совсем не тот, что теперь. Когда хвосты в лесу раздавали, он раньше всех поспел и выбрал себе пушистый и длинный хвост. В то время, когда рак его приметил на берегу, он как раз только привыкал к своему новому хвосту.

Вскарабкался рак-упрямец по откосу да и вцепился клешнями в заячий хвост.

Вскочил косою в испуге, понять ничего не может.

— Ой! Ой! — завопил он и со всех ног в лес бросился.

— Стой! погоди! — взмолился рак,— не скачи ты так лихо, я же разглядеть ничего не успеваю!

Можно подумать, что зайцу больше делать было нечего, как только раков у себя на хвосте таскать!

Чем быстрее бежал заяц, тем больше клешни рака впивались ему в хвост. Заяц, бедняга, просто обезумел от боли и страха! Где ему было понять, о чем кричал ему рак. Услышав позади себя незнакомый голос, он лишь пуце прежнего перетрусил.

— Ой! Хвост заговорил! — решил он.

Разозлился рак, что заяц его не слушает, взял да и срезал ему хвост клешнями, будто ножницами, под самый корень, а сам в обнимку с ним кубарем покатился.

Несчастный заяц, улепетывая из последних сил, даже обернуться не посмел, чтобы посмотреть, что же с его хвостом стало. Он уж и тому рад-радехонек, что голова цела осталась!

Пусть заяц несется своей дорогой. А вот раку как же теперь с хвостом-то быть? Жалко ведь выкидывать — он такой красивый, такой пушистый.

— Постой-ка,— соображает рак,— а не приделать ли его себе, может, порасторопней стану? Поди недаром все хвостатые шустро бегают.

Стал рак хвост примерять, а белка на него с дерева смотрит. Нравится ей хвост. Вот сбежала она на землю и спрашивает рака:

— Ты что тут делаешь?

— Разве ты не видишь? — отвечает рак.— Хвост примеряю.

Белка тогда бесхвостая была. Спросишь почему? Да потому, что хлопотунья она большая. Пока она по верхушкам прыгала да орехи собирала, хвосты и разобрали.

— Ну, для чего же тебе хвост? — сказала белка раку.— Ты ведь задом вперед ходишь.

— Ну и что?

— Так ведь хвост мешать тебе будет!

Не знал рак, что возразить белке на это. Пока он думал, та хвост схватила и на дерево взбежала.

Так и вот и случилось, что заяц до сих пор с кучым хвостиком гуляет, а белка-умница чудесный хвост себе нашла. С той самой поры белке цены нет.

А раньше как было? Цена ей одна копейка была. У татар самая мелкая монета до сих пор «белкой» («тиен») называется. Покупая спички или бумагу, люди так и считают: «ике тиен» — «две белки»; «биш тиен» — «пять белок»... Повелось это с тех незапамятных времен, когда люди денег не знали и всякий товар на беличьих шкурки прикидывали. «Меду здесь на десять белок», — говорили они. Для той дремучей старины лучших денег и не придумать было.

А.Алиш. Нечкебиль

1

Взгляни-ка, дружок, что тут нарисовано. Знаешь ли ты, как это называется?

Домики выстроились ровными рядами, как фигурки на шахматной доске,— в каждой клеточке по одному. Хозяева не простые в них — крылатые.

— Крылатые? А как зовут их? Пчелы?

Да, усердный то народ — собирает сладкий мед и готовит светлый воск, что идет на свечи. Далеко-далеко полетят они с утра. Пчелам лучше не мешать — у малышей жало поострей кинжала!

Домики друг на друга не похожи. Одни, как маки, красные, другие зеленые — от травы не отличишь, третьи — что речной песок, четвертые цветом на небо похожи. Это улья.

Видишь там, в сторонке, потемневший от времени столб? Это тоже улей. Когда-то все они такими были. А теперь он один такой остался, будто хочет напомнить нам о прошлом. Пусть люди, глядя на него, радуются, что пчелиный городок таким веселым стал.

Вот из-за голубого края неба выглянуло и сразу же разулыбалось золотое солнышко. Шаловливые лучи коснулись ульев:

— Вставайте, вставайте! Пора за дело приниматься!

Пчелы по одной, не спеша, стали выбираться на крылечко. А солнышко тем временем поднималось все выше, выше — в воздухе становилось теплей. И вот народ из ульев повалил гурьбой. Пчелы время не теряли, тут же, деловито гудя, взмывали вверх и летели кто куда — в дальние сады, леса, луга.

2

В этом вот голубом домике хозяев очень много. Попробуй тысячу раз перебрать пальцы у себя на руках или пересчитать звезды в небе — тогда и поймешь, сколько их здесь.

Ходит по небу неугомонное солнышко, без усталости льет на землю горячий свет, людей, зверюшек и букашек на работу скликает...

Жители голубого домика проснулись сразу же. Раньше всех из него выпорхнула взволнованная Нечкебиль. Ей показалось, что она спала слишком долго и опоздала в луга.

Поднявшись на высоту яблони, она окинула свой домик внимательным взглядом. Как знать, вдруг кому-нибудь вздумается подменить его другим? Ну вот, теперь уж она не забудет, что ее домик одного цвета с небом.

— До свиданья, славный мой дом,— сказала Нечкебиль и, описав в воздухе два прощальных круга, стрелой умчалась прочь.

3

Долго, очень долго летела Нечкебиль. Спелая рожь приветливо кивала ей вслед колосьями, сияющий яркими красками луг улыбался издали.

Нечкебиль, похожая на крошечную летающую модель, осторожно спланировала на цветы... Сколько их тут — белоснежных, ярко-желтых, лазурно-голубых, огненно-красных! Ветерок колыхает их тихонько — сладкое облако растекается вокруг. Нечкебиль смотрела на цветущие травы, и сердечко ее замирало от счастья! Пчелке хотелось обнять все цветы на лугу, и она поспешила к ним.

Вскоре Нечкебиль вся была в пыльце, вываливаясь в ней с головы до ног. Унося пыльцу с одного цветка, она оставляла ее на другом и этим помогала травам расти еще пышней и гуще.

4

Перебирая цветы, пчелка так увлеклась, что не заметила в траве саранчу.

— Эй ты, мохнатая! — окликнула ее саранча.

— Я Нечкебиль,— отозвалась пчелка.— Мне работать не мешай, дело есть — сюда ступай.

Саранча ближе подползла, любопытно ей было узнать, чем это Нечкебиль так занята. Поглядела она, как пчелка трудится, потом заговорила о себе.

— Мой дед,— сказала она,— прилетел сюда из Ирана. Он думал, что жить здесь легче, да ошибся. До чего же люди ненавидят весь род наш! Травят саранчу ядами, заманивают в канавы и живьем засыпают землей. А сколько нашего брата скворцы чернобрюхие поклевали!

Послушала ее Нечкебиль и сказала:

— Того, кто делает им добро, люди в землю не зарывают. Другзей своих они сажают в теплые дома, чтобы детки здоровыми росли, кормят сиропом сладким. Можно ли вас любить, если вы посевы губите?

Завидев черногрудую стайку, Нечкебиль замолчала. Один скворец, видно, самый зоркий, заметил саранчу в густой траве и мигом проглотил ее.

На том злключения саранчи закончились.

А Нечкебиль дальше полетела.

5

Пчелка старательно собирала мед, когда ее снова окликнул кто-то:

— Эй, козявка с жалом!

Нечкебиль ответила спокойно:

— Я пчелка Нечкебиль. Мне работать не мешай, дело есть — сюда ступай.

И этот людей бранит да скот хулит: кто рукой его прихлопнуть рад, кто — хвостом. Никто добра ему не желает.

— Солнца я тоже боюсь,— пищит комар,— так и сижу целый день под листом, даже на охоту выхожу редко.

— Так вы же кровь горячую сосете, малярию всем несете!..

Тут комар заметил в огороде человека и, не дослушав Нечкебиль, полетел к нему, приговаривая:

— Ну и пусть! Бз-з-з... Крови ввек я не напьюсь!

А человек будто его только и ждал: прихлопнул комара, из того и дух вон.

На том жизнь комара и кончилась.

А пчелка перелетела на следующий цветок.

6

Нечкебиль сидела на ярком цветке мака, когда послышался чей-то грубый голос:

— Пчела, а пчела!

— Я Нечкебиль. Мне работать не мешай, дело есть — сюда ступай.

В траве раздалось громкое жужжание, и показалось двукрылое шестиногое существо — слепень. Голова у слепня зеленая, брови иссиня-серые. Подлетел к Нечкебиль, стал о житье-бытье спрашивать. Развалившись на цветке, он тоже на жизнь сетовать принялся:

— В прежние времена мы, слепни, сенокоса как праздника ждали, хотя для многих из нас он был настоящей погубелью. Вот где бывало раздолье! Луг полон лошадей, жеребят, людей! А теперь что? Траву машина косит. Одна машина волочит за собой другую, с косами, и за два дня со всей работой управляют. Впереди идущая пытит, гарью дышит, дымом пышет! До того уж обидно, так бы и прокусил его насквозь! Жаль, зубы не берут. Беда!..

Нечкебиль от души посмеялась над незадачливым слепнем, потом сказала:

— Раньше земли здесь помещичьи были, а теперь это — совхозные луга. Машина, что так плохо пахнет, трактор называется. С сенокосилкой...

Хотела Нечкебиль растолковать слепню, что сама знала, да только не стал он слушать — почуял вдруг запах лошадиного пота. Оглянулась Нечкебиль, а по дороге мужичок на телеге едет. Бедолага-слепень уж на дуге сидит, высматривает, куда бы лошадь укусить. Перелетел ей на спину. А савраска как стеганет его хвостом — разбойник на землю свалился. Тут ему и конец пришел.

А наша Нечкебиль дальше полетела.

7

Увидела красивый цветок и только собралась опуститься, как кто-то снова сказал:

— Нечкебиль, а Нечкебиль! Иди сюда. Давай сядем с тобой рядком да потолкуем ладком.

Посмотрела Нечкебиль, кто ее зовет, а это стрекоза долговязая. Брюшко у нее зеленое, тонкое да длинное. Люди ее Иглокрадкой прозвали. Стрекоза крыльями шуршит, над цветами кружит, хочется бедняжке нектаром полакомиться, да нет у нее хоботка.

— Скажи, — жалуется она, — за что меня воровкой называют, ведь я даже спички не украла!..

Некогда Нечкебиль стрекозу слушать: солнце уж вниз покатилося. Наелась она, собрала пыльцы — пора о возвращении подумать.

— Прощай! — крикнула она стрекозе и пустилась в обратную дорогу.

На том и мы простимся со стрекозой.

8

Долго летела пчела, пока не оказалась за лесом. От него до родной пасеки еще километров десять лететь. Тут навстречу поднялся ветер; с юга, громыхая, поползла большая туча. Ветер все крепчал и вскоре вовсе разъярился — стал кружить и уносить с собой малых пташек. Вот глупый! Он и Нечкебиль рад был забросить невесть куда, да только она не давалась, спорила с ветром изо всех сил!

Бедняжка очень утомилась и мечтала поскорее попасть домой, да не тут-то было — хлынул проливной дождь.

Что делать?

Нечкебиль не растерялась и юркнула под большой лопух, стала пережидать ливень.

Тут поднялся ветер и прогнал тучу... Дождь перестал, снова засияло солнце. Путь к дому открыт — пора лететь.

9

Только приготовилась Нечкебиль выложить свой взяток в сотовую ячейку, как к голубому домику подошел старый пчеловод с сеткой на голове, а с ним шустрый мальчишка с такой же сеткой. В руках у них дымарь. Пчелы не любят дым, а потому опроретью бросились из дома. А тех, кто не хотел улетать, люди стали осторожно выметать мягкими перьями. После вынули из улья переполненные медом рамы и отнесли под навес.

Видишь там машину из белой жести? В ней качают мед. Вращается цилиндр, жидкий мед выплескивается из сотовых ячеек и по стенкам стекает в деревянное ведро. Вокруг такой густой аромат, что его за версту слышно.

Но почему пчелы не садятся на мед? Вьются, жужжат, а не подлетают близко.

Потому что пчелы сыты, меду полно в цветах. Попробуй выставь мед после медосбора. Тогда увидишь, что будет! Тучи пчел облепят твое ведро таким толстым слоем, что многим из любительниц меда вряд ли уже удастся выбраться наверх — так и утонут в душистом вязком море. Ведро опустеет за одну минуту, прямо у тебя на глазах!

А пока можно ничего не бояться. Под навесом весело жужжит машина. Из тяжелых, полных сот сладкой стружкой льется мед.

10

Едва люди оставят улей в покое, пчелы яростно набросятся на работу — станут приводить в порядок свое хозяйство, заделывать поврежденные в сотах места, ухаживать за малышами, которые пока сидят в ячейках, оберегать и согреть их, наводить в доме чистоту...

Восково-желтая короткокрылая матка с вытянутым телом единственная на всю огромную семью кладет яички — по одному в ячейку.

А у толстобрюхих трутней одна забота — есть собранный пчелами мед.

На рабочих пчелках все дела: они собирают мед, делают воск, нянчат деток, хлопочут по дому. Они очень сильны и выносливы. Врагу лучше не соваться к ним — сразу получит отпор!

Наша Нечкебиль — рабочая пчела. В доме голубом ждут ее дела.

11

Как-то вечером тяжело нагруженная Нечкебиль устало возвращалась с луга. Еще издали она заметила: дома что-то изменилось. Пчелы пулей выскакивают из него, жужжат взволнованно, вьются у входа, а не разлетаются; слышно, как глухо гудят трутни.

Пчел становится все больше и больше. Они мечутся, кружат в неистовом танце, а в дом не летят. Вот уж целое облако пляшет над ульем — неба не видать.

Что случилось? Почему? Да кто же напугал их?

А старик с мальчиком рады.

— Роятся пчелы! — говорят они.

Молодая пчелиная матка села на яблоню. Пчелы вмиг облепили ее и повисли на ветке большим клубком.

Старику с мальчишкой-непоседой того только и надо. Принесли берестяной короб, обмазали изнутри душистым маслом. Дед взял в руку берестяной черпак и принялся аккуратно частями пересаживать рой. Нечкебиль была здесь же.

Когда половина пчелиной семьи оказалась в коробе, там поднялось дружное гуденье. Остальные пчелы теперь уже сами, не дожидаясь, пока их пчеловод перенесет, последовали вслед за сестрами. Когда все они оказались в коробе, старик накрыл его тряпкой и затянул бечевкой.

— Отнеси это в прохладное место, — сказал он мальчугану, а сам принялся мастерить для новой пчелиной семьи домик.

12

Простите меня, я чуть-чуть обманул вас и рассказал все так, как оно чаще всего и бывает. Только наши пчеловоды — старик с мальчиком — были немного хитрее! На место старого голубого домика они поставили другой, внешне точно такой же. А прежний перенесли в дальний угол пасеки. Покончив с этим, они пошли отдыхать.

Пчелы, едва их выпустили из короба, преспокойно отправились за медом, словно в жизни у них ничего не произошло, а вернулись не в старый, а в новый домик, хотя поначалу он и показался им неудобным каким-то. В старом домике стало скучно, зато в новом молодая семья устраивалась очень шумно.

Были сиротинками — маму завели, счастье и отраду с нею обрели.

13

Бедновато пока в новом доме.

Ячейки в сотах неглубоки — надо хорошо поработать, нарастить на них воск, чтобы было куда мед складывать. А пока что медом здесь даже не пахнет.

Пчелы не ленились, день и ночь трудились, мед с цветов собирали — соты заполняли.

И — о, чудо! — домик скоро уже ничем от других не отличался. Радовались пчелы, глядя на полные свои закрома,— теперь будет чем в зимнюю стужу кормиться. Да только недолгой была их радость...

Пришли старик с шустрым мальчишкой, вырезали увесистые душистые соты и унесли куда-то, оставив хозяевам лишь часть, чтобы до весны продержаться могли.

Мед раздали людям, которые все лето так хорошо работали в колхозе.

14

Вот и осень пришла. Не любят пчелы эту пору. Луга и поляны поскучнели, цветов больше нет. А тут еще холодные ветры зачастили. Нечкебиль с сестрами теперь дома сидит, за медом не летает.

Потянулись ненастные дни — самое время о зиме подумать.

Трутни ни на что не годятся. Мед собирать не умеют. Толстые и глупые, они даже жалить не умеют. Зато зимние запасы переводят больше всех. Пока меда много — не жалко, пусть едят. Но как дармоедов на зиму оставить? Ведь они так прожорливы! Пока не поздно, пчелы объявили тунеядцам-трутням войну. Нечкебиль решительно набросилась на разжиревшего увальня и рассекла его своим жалом.

15

Сегодня Нечкебиль стоит у дверей на часах, охраняет улей от непрошенных гостей. Внимание ее обострено до предела.

Летом улей никто не стерег. Для чего же осенью понадобилось охранять его? А ну, кто из вас догадливый? Кто знает?

Вон, видите, у входа крутится черненькая гладкая козявка? Ах, до чего же хочется ей медом полакомиться, добром пчелиным поживиться — медку поесть, а после смыться!..

Старый пчеловод позаботился о пчелах — прикрыл отверстие улья, оставив лишь маленькую щелочку. Нечкебиль теперь легче охранять вход. Она спокойна — ни один воришка в домик не пролезет.

16

Однажды старик с мальчиком снова пришли к улью. Надо было подготовить его к зиме.

Верхнюю часть домика они убрали, а нижнюю обузили так, чтобы пчелам легче было согреться.

Нечкебиль не поняла, что затеяли люди. Их бесцеремонность возмутила ее. «Не иначе как за последним пожаловали!» — подумала она и сердито уколола мальчишку в самый кончик носа. Тот от неожиданности подскочил на месте, слезы так и брызнули из глаз.

Старик строго посмотрел на него и сказал:

— Я же предупредил, что осенью к пчелам опасно приближаться без сетки. В это время они злые бывают. Ты не послушался меня и не взял сетку.

Жало Нечкебиль застряло на кончике мальчишечьего носа, вытащить его было невозможно. Пчелка рванулась изо всех сил и повредила себе брюшко. Отлетела она в сторонку и упала на землю...

17

Листья опали, птицы улетели в теплые страны. Улья с пчелами перенесли в помещения.

Голубой домик Нечкебиль оказался рядом с другими такими же домиками. Здесь он простоит до самой весны, когда снова распустятся цветы на деревьях, кустарниках и травах.

Тут и сказке нашей конец.

Кто всех сильнее?

Ф. Шафигуллин. Мама-индюшка и ее детки

Под сосной, что в зной и холод не меняет зеленого наряда, стоит домик, похожий на кочку.

Знаете ли вы, сколько в нем народу? Тут не одна тысяча, пожалуй, наберется.

Дверь в домике с утра до вечера открыта настежь, но едва стемнеет, хозяйева запирают ее крепко-накрепко, потому что влажная ночная прохлада очень уж не нравится им. Сладко спят муравьишки, пригревшись в мягких своих постельках из сухих листьев, прутиков и соломинок. А утром, едва разублается солнце, дверь распаивается снова.

Сегодня в доме пир, шумное веселье — муравьи в кругу друзей правят новоселье.

Все рады празднику — хозяйева, лесные, луговые гости — кружатся, прыгают, взявшись за руки, поют.

Вот расселись за большим столом. Угощение богатое — бери, чего душа просит. Вкусные кушанья гости сладким соком запивают.

Всюду яркие цветы рассыпаны — постарались муравьи ради праздника.

Рад-радешенек Кузнечик, что лучшее место за столом ему досталось. Вон как длинными усами покачивает, раздумывая, а не порадовать ли хозяев с гостями хорошей песней.

И Червяку-тихоне не сидится — вертится, извивается (тоже мне плясун!) — друзьям угодить старается.

Муха громко жужжит, трепыхается — празднику всяк посвоему рад.

Гусеница мохнатая только с виду важная такая. Поглядела она, как народ веселится, не удержалась, на стол полезла — и ну по нему скакать, ну выгибаться, да так все ладно и ловко у нее получается — загляденье просто! Разошлась плясунья и до того досакалась, что питье на столе расплескалось.

Бабочку-малявочку забыли позвать, а она не гордая — сама на огонек прилетела. Села за стол, стала крыльями махать, всем прохладу навевать.

Смотрите-ка, и наша старая знакомая Нечкебиль здесь. Уж она-то приглашение получила, вон на почетном месте сидит, шляпу на одно ухо надвинула.

Даже Паук приковылял, не поленился — дескать, без него, Паука, и радость не в радость.

Вот поднялся Муравей, один из хозяев домика. Попросил внимания. Все замолчали и повернулись к нему.

— Гости дорогие, лесные, луговые, — начал он, — мы собрали вас сюда для веселья, чтобы вместе справить новоселье. Мы старались от души, без усталости минутной — вот и дом у нас готов, теплый и уютный!..

Пчелы, бабочки, жуки и червяки поглядывали на Муравья с уважением. Едва он замолчал, все бросились поздравлять хозяев, хвалили их за мастерство и трудолюбие.

Уж на что скромнен дождевой Червяк, но и он не удержался, первый «ура» закричал. Остальные поддержали его, захлопали в ладоши.

Повели хозяева гостей по муравейнику, стали жилье свое показывать. Длинными, извилистыми коридорами с переходами, лестницами и поворотами пошли вниз, пока не оказались на самом дне муравейника. И увидели гости: там одни тли зеленые ползают. Удивились, спрашивают:

— Кем доводятся вам эти тли? Что они здесь делают?

Один муравей вызвался все объяснить, но прежде обратился к пчеле:

— Уважаемая Нечкебиль, отведали ли вы сладкого медку нашего?

Та поклонилась и сказала:

— Ах, спасибо, мед ваш так хорош, только на пчелиный вовсе не похож.

— Этот мед дают нам тли, наши дойные коровки. Здесь мы прячем их от холода, а в теплые деньки на волю выпускаем. Тли на цветах пасутся, лакомятся нектаром, а потом мы легонько щекочем их усами и угощаемся сладким молочком.

Гости только головами качали, слушая столь удивительный рассказ.

Другими путями пошли наверх. На третьем этаже открылось им просторное помещение с множеством больших белых яиц. Все хорошо знали, что это такое, а потому не стали ни о чем спрашивать и проследовали дальше.

Облазив весь муравейник, заглянув в каждый уголок, гости вернулись к столу, и веселье продолжалось.

Распалились гости, развязались у них языки, шум поднялся такой, что ничего уж нельзя было разобрать. Кричали все разом, не слушая друг друга, слова забывались, мысли путались, головы кружились. Тут опять поднялся Муравей-говорун. Видно, снова захотелось ему похвалы друзей послушать. Он сказал:

— Глубокочитимые гости из дремучих лесов, глубоких вод, ответьте мне, пожалуйста, на такой вопрос: кто из нас, здесь сидящих, самый сильный?

Он, конечно, ожидал, что все дружно закричат: «Муравьи сильнее всех! Нет на свете батыров, равных им!»

Но гости не спешили с ответом.

Тут сверху что-то тяжело ухнулось на муравейник. Он вздрогнул, покачнулся, но устоял. Муравья-говоруна словно ветром сдуло. Гости бросились кто куда.

Но вот снова послышался голос говоруна:

— Друзья, не прячьтесь, не пугайтесь, враг уже не страшен, наши поймали его!

Только никто уже не слушал, давясь и толкаясь, все повалили к выходу — каждому не терпелось поскорей наружу выбраться.

И увидели они, как лобастые муравьи в красных кушаках со всех сторон облепили что-то очень длинное. Крылатые их братья рядом стояли и подзадоривали:

— Так ее, так! Хорошенько проучите негодницу!

Присмотрелись гости, а на муравейнике змея черная, которая умела неслышно скользить в траве и появляться там, где ее меньше всего ждали. Злодейка бьет хвостом, в кольца завивается, укусить всех норовит, да только зря старается — муравьи железными своими челюстями лишь глубже вгрызаются, травят ее муравьиной кислотой.

Муха на месте как замороженная застыла; червяк забыл, куда полз; гусеница дыхание затаила; пчела, приготовясь лететь и уж расправив крылья, осталась на месте, а кузнечик так и не собрался прыгнуть на понравившуюся ему кочку.

Силы гадюки тем временем таяли. Взмолилась она:

— Ах, пожалейте меня, отпустите! Я ваших гостей обижать перестану и дом ваш сама сторожить стану, только простите, отпустите меня!..

Змея разжалобить мучителей своих хотела, чтобы собраться с силами немного. Да не просты муравьи, мигом разгадали хитрость!

Сказали муравьи лобастые гадюке:

— Ну, чего тебе, злодейка, надо? Иль решила, что нет тебе ни в чем преграды? Ты нам праздник честной омрачила и гостей дорогих огорчила. Не будет тебе пощады!

— Я на дерево влезть собиралась, да не знаю сама, как сорвалась,— оправдывалась змея, плача.

Да только не помогли ей ни стоны, ни слезы...

Опомнились гости, громче прежнего стали хозяев хвалить, удаль их до небес возносить. Вот ведь как расправились с врагом! Злодейке кровожадной досталось поделом!

Хозяева, разгоряченные боем, присоединялись к гостям, и праздник зашумел вновь — теперь уже в честь храбрых победителей.

А тот, говорун, не унимается, за свое принимается:

— Так кто же здесь всех сильней?

Теперь уж он не сомневался, что услышит в ответ: «Муравьи, бесспорно, всех сильней. Нет на свете батыров, равных им!»

Да и можно ли ответить по-другому, если стоишь возле высокого, замечательного дома, если хозяева его только что у тебя на глазах расправились с коварным и сильным зверем?

Только гости почему-то молчали. Они долго думали и, к удивлению муравьев, заговорили о себе.

Кузнечик лихо вскочил на листок и уселся на нем, подобрав под себя длинные ноги. Все уставились на зеленого приятеля, ожидая, что же дальше будет. А он оттолкнулся от листа ногами, взлетел в воздух и опустился на другой листок. Козявки зашумели одобрительно — вот как высоко и далеко умеет он прыгать! Тогда Кузнечик, польщенный всеобщим вниманием, поднялся во весь рост и сказал громко, чтобы всем слышно было:

— Это что! Мы, кузнечики, еще и петь мастера большие. Соловьям далеко до нас! А прыжки у нас так легки и стремительны, что сравнить их можно разве лишь с полетом стрелы. Вот и получается, что сильней нас, кузнечиков, нет никого. Знаете, сколько сил надо, чтобы так прыгать?

Расхвастался Кузнечик и чуть было муравьев не обругал за то, что житья от них нет, да хорошо еще, вовремя вспомнил, что сам теперь в гостях у них. Да, пожалуй, и хозяева за такие слова не погладили бы по головке.

Тут другой гость завозился — дождевой Червяк, тихоня, о себе поведать решился. Подполз он к высокому стеблю и обвился вокруг него.

— Мы, черви,— дети земли,— начал он,— дни и ночи в труде проводим — землю, словно плугом, взрыхляем. После дождя вы не раз замечали, наверно, у себя под ногами дырки с кучками земли возле них? Это наша работа. Через дырки в почву воздух проникает, корни дышат им. Так мы плодородие земли повышаем и людям помогаем. Когда бы не мы, растения не были бы столь красивы, а урожаи столь хороши. Пропали бы без нас и Нечкебиль с Кузнечиком, и Гусеница с Бабочкой, и муравьи.

Гости слушали Червяка молча, хотя и понимали, что в словах его много правды. Никто не хотел почему-то признать Червяка самым сильным.

А тот продолжал:

— Ну, кто еще, кроме нас, заботится о растениях? Помогает им? Сравните, сколько пользы приносим мы и сколько — вы. Тогда и поймете, как могущественны черви.

Червяк мог бы еще многое рассказать, но предпочел умолчать о своих губителях — птицах, кроте, еже, жуках и прочих любителях полакомиться его братом. Муравьи тоже среди них. Не хотелось ему вспоминать и об озорных рыболовах, которые червями крючки наживляют.

Только замолчал тихоня, как сверху послышался чей-то голос:

— Что вы там ни говорите, а полезней нас нет никого.

Все подняли голову и увидели на дереве Гусеницу мохнатую. Она сидела на зеленом листе, который успела пробить в нескольких местах и оплести паутиной. Слова ее так возмутили всех, что гости разом закричали:

— Ложь!

— Глупости!

— Ври, да знай меру!

— За кого ты нас принимаешь? Или думаешь, мы не знаем, какие у кого заслуги?

Когда все немного успокоились, Гусеница продолжила:

— Ох, если бы вы знали, как нелегко нам грызть грубые листья! Скалы пробивать — и то, наверное, проще. Много, очень много сил нам нужно. И потом, мы всех любим. От нас никому вреда нет.

Тут Бабочка-малявочка не удержалась, взмахнула крылышками и вмиг очутилась рядом с Гусеницей.

— Как это нет вреда?! — воскликнула она, показывая на оголенную гусеницами березку. — Вот полнобуйся, во что превращаете вы деревья, на которых живете! Разве не по вашей милости они болеют и чахнут? Скажите, пожалуйста, как много сил нужно, чтобы погубить красоту! Ты, бесстыжая, даже краснеть не умеешь! Посмотри, сколько народу слушает тебя, а ты врешь всем прямо в глаза!

Гусеница, слушавшая Бабочку с улыбкой, вдруг обрушилась на нее:

— Ты, малявка, зря так! Ведь я — твоя родственница. Давно ли ты сама была гусеницей и грызла листья? Отъевшись, ты превратилась в куколку, а из нее — в бабочку. Теперь тебе хорошо — беззаботно порхаешь среди цветов и стала чересчур умной, других поучать берешься! Быстро же ты все забыла!

Замолчала Бабочка. Что ей было возразить на это?

А Гусеница, видя, что успела всем порядком надоест, вздохнула и вниз поползла. Она могла бы поведать много интересного из жизни гусениц — рассказать, например, о тутовом шелкопряде, гусеницы которого вырабатывают крепкую шелковую нить. Но не пришлось ей похвастаться заслугами этой своей сестры, полезной человеку. Можно было бы еще рассказать о нелегкой доле своей: как смывают гусениц дожди, безжалостно склевывают птицы, поедают муравьи. Нет, о муравьях она бы, наверное, промолчала. К чему огорчать гостеприимных хозяев?

Место Гусеницы заняла Бабочка-малявочка. Она с восторгом говорила о прекрасных цветах, которые так сладко пахнут. Бабочки от них просто без ума! Целыми днями резвятся они в лугах, оттого что сами так похожи на цветы.

Тут послышалось жужжание. Повернулись гости и увидели пчелку Нечкебиль, которая собирала мед с цветка клевера. Вот ведь какая труженица, даже в гостях время даром не теряет! Ей давно хотелось, чтобы обратили на нее внимание, а потому пчелка сразу же начала торопливо говорить.

— Если бы не мы, мед в цветах пропадал бы без всякой пользы, — заявила она, — а урожаи были бы плохие. Вы же знаете, как нелегко вытянуть из цветка нектар. Как много надо потрудиться, чтобы сделать воск. Вот если бы вы сами занимались этим, то в один голос закричали бы: «Да, пчелы — сильнейшие среди насекомых!»

Усталые гости слушали Нечкебиль рассеянно, а потому она тоже не стала вспоминать о своих недругах.

Тут случилось ужасное — задрожала земля, оглушительно зашуршали сухие листья, затрещал хворост. Кто-то в страхе закричал: «Человек идет!» Поднялся переполох — Кузнечик отпрыгнул в сторону. Червяк закопался в землю. Пчела спряталась в цветке, Бабочка взвилась в небо. Только Муха, оцепенев, не сдвинулась с места да Паучок, как ни страшно ему было, а все же не оставил ее одну.

По лесу шагал его хозяин. Деревья, приветствуя его, качали ветвями, а дикие звери почтительно уступали дорогу. Даже грозный Лев, царь зверей, побаивался его, а смелый Орел, сильнейший среди птиц, встречал Человека громким клекотом. Малые козявки, уйдя с его пути, дружно гудели и стрекотали в траве, радуясь встрече. А Человек, для которого нет невозможных дел, — захочет, буйный поток остановит; захочет, дремучие леса и бескрайние степи служить себе заставит, — Человек спокойно шел своим путем.

Вскоре лес огласился звоном пилы — и огромное, могучее дерево, ухнув, упало на землю...

Мухе с Пауком в тот день не пришлось говорить о себе. А жаль, очень жаль. Паук знал свою речь наизусть. Не повезло Пауку. Если бы гости выслушали его, то ни у кого не было бы сомнения, что сильнее паука нет насекомого. Каким бы уважением пользовались теперь в лесу пауки!

Мухе тоже обидно до слез. Уж как ей хотелось похвастаться! Она даже Муравью-говоруну шепнуть успела, чтобы следующее слово он ей предоставил.

Когда в лесу все смолкло и козявки снова собрались вместе, Мухи и Паука среди них не было.

Вдруг всеобщее внимание привлек жалобный писк — кто-то звал на помощь. Гости бросились искать и увидели Муху. Оказалось, что Паук, не будь плох, пока все прятались, сплел крепкие сети и поймал в них Муху.

Рассердились гости на Паука за такие дела. Крепко ему от всех досталось! А Муху из сетей освободили.

Многие, конечно, знали, что Муха-замарашка — малопочтенная особа. Ей ведь ничего в жизни не надо, лишь бы в навозе посидеть. Да и Паук хорош: где пыль, грязь, там и он — паутину свою по углам развешивает. Все это известно, но нельзя же так в гостях себя вести!

И вот настало время слушать последнее выступление. Гости приготовились, поглядывая на крылатую Муравьюху, которая с важностью взбиралась на большой лопух. «Она — самая мудрая и смелая среди нас!» — шептались козявки восхищенно.

Под крылом у Муравьюхи огромный портфель, набитый бумагами. То, что не уместилось в портфеле, почтительно несет за ней большеголовый муравей-телохранитель.

Знакомый нам Муравей-говорун объявил:

— А сейчас перед нами выступит мудрая прародительница всего нашего рода муравьиного. Каждому из нас знает она истинную цену. Бабушка скажет, кто из нас, насекомых, достоин называться самым сильным и полезным.

Если бы муравьиная прародительница заговорила, речь ее была бы очень долгой. Так что многие наверняка уснули бы тут же или, что вероятней, разбежались бы. Мудрейшая не упустила бы, конечно, ничего — рассказала бы про то, как муравьи поднимают тяжести, в несколько раз превосходящие их собственный вес; как ходят в дальние походы и насмерть бьются с врагом; как решительно истребляют все, что опасно для леса; как велика их помощь для всего растущего в лесу.

К несчастью (а может быть, к счастью), великой прародительнице муравьев говорить не пришлось. Едва поднялась она на лопух, лес вдруг нахмурился, зашумели, закачались деревья, зашуршали травы. Вокруг сделалось совсем темно. Козявки слишком хорошо понимали, что все это значит, и живо попрятались. Темный лес осветился яркой молнией, ударил гром и хлынул ливень...

Спор так и остался нерешенным.

А может, ребята, вы сами придумаете конец сказке и скажете, кто же все-таки всех сильнее?

М.Амир. Про то, как козел в командировку

ХОДИЛ

Был у мамы-индюшки индюшонок. Озорник и баловень — верно, оттого, что был он у нее единственный. Ночью он любил забраться к маме под крыло, а когда ему надоело сидеть там, Пияк взбирался к ней на плечо. Индюшка ему все позволяла. Ох, я и забыл сказать, что индюшонка звали Пияк. Ночами, когда бледный месяц заглядывал к ним сквозь оконную решетку, индюшка, вдруг очнувшись ото сна, нежно окликала сына:

— Пияк! Ты здесь?

— Здесь,— отвечал Пияк сквозь сон.

Кроме Пияка, мама-индюшка воспитывала двух желтеньких утят — Фияка и Нияка.

Утят индюшка тоже очень любила, хотя и не баловала, как Пияка. Она с радостью брала их на ночь под свои теплые крылья. Да и как же ей было не любить Фияка с Нияком, если она сама высидела их? Целыми днями с гнезда не сходила, не пила, не ела, подурнела даже вся. Не смутило ее даже то, что утиные яйца не были похожи на ее собственное. А вот когда утята, едва вылупившись из яиц, забрались в миску с водой, она перепугалась не на шутку: ей показалось, что малыши утонут в ней. С тех пор мама-индюшка не знала покоя, она то и дело крутила головой, боясь потерять сорванцов из вида. Что только она не делала, чтобы внушить утятам, как опасны забавы с водой,— обижалась, ругала и даже наказывала их, не давая приблизиться к миске. Она подзывала их к себе, говоря:

— Фияк! Ык корр... Нияк! Ык корр...— что на индюшачьем языке означало: Фияк! Нияк! Дети мои, бойтесь воды...

Глядя на Фияка с Нияком, Пияк, похоже, тоже собирался залезть в миску с водой. Он уже занес над ней свою длинную лапку, но тут случилось нечто ужасное. Петух за забором поднял такой отчаянный вопль, что даже куры, всякого насмотревшиеся на своем веку, чуть ума от страха не лишились: прижались к земле и замерли, не сразу поняв, что случилось. А потом все разом опомнились и бросились врассыпную — поднялся переполох. Птицы металась по двору и орали во всю глотку, каждая на своем языке:

— Прячьтесь! Спасайтесь! Коршун, коршун прилетел!

Вскоре попрятались все — кто под сарай забежал, кто под крыльцом укрылся, кто под кустом смородины притаился. Одна индюшка с детками спрятаться не успела.

Над головой у нее бесшумно скользнула большая черная тень. Мама-индюшка взъерошилась, растопырила крылья, прикрыв малышей будто шатром, и приготовилась к драке.

Видно, коршун напугался ее грозного вида, потому что не стал задерживаться. Улетел и больше не вернулся.

Когда все успокоились, мама-индюшка убрала крылья, но Фияка с Нияком под ними не оказалось. Индюшка, встревожившись, серпом выгнула длинную шею и заглянула к себе под крыло. Там сидел один Пияк, точнее, из-под маминых перьев виден был только один его глазок.

— Пияк! — окликнула его мать.

— И-ик!

— Где Фияк? Где Нияк?

— Пи-ик, и-ик!..

Мама-индюшка посмотрела налево, посмотрела направо, снова выгнула шею серпом и увидела свои ноги, а возле них желтые комочки. Она перешагнула через них осторожно и оглянулась. То были не комочки, а милые ее сердцу Фияк и Нияк! Утята, оказавшись на виду, испуганно запищали и бросились догонять индюшку, а догнав, снова прижались к ее ногам. Пияк, выскользнув из-под маминого крыла, ловко поймал комара, который кружил возле носа Фияка. Нияк собирался схватить того же комара, да не успел. Красные совочки его со стуком захлопнулись, ухватив один лишь воздух.

В тот день Пияк, Нияк и Фияк долго резвились, гоняясь за комарами. Вдруг всем троим захотелось пить. Утята побежали к миске и жадно сунулись в нее головами, а Пияк помчался к маме, которая в тени забора лакомилась сочными листьями крапивы.

Вот мама-индюшка стала учить деток искать корм. Пияк быстро усвоил урок и радовал маму успехами. Проглотив то, что находила для него индюшка, он всякий раз взмахивал крылышками и весело кричал:

— Ияк, ияк, ияк! Як-як! Як!

Это означало: ах, как хорошо! Какой я хороший!

Зато бестолковость Фияка с Нияком огорчала индюшку. Утята не видели корм, к которому она их подводила. Или не желали видеть? Она даже Пияка отгонять пробовала, чтобы не мешал, но все напрасно. Утята не только не замечали лакомых кусочков у себя под носом, но шлепали по ним перепончатыми лапками, спеша к миске с водой. Вот чудеса! Чем манит их к себе эта миска?

Мама-индюшка большими шагами решительно направилась к миске и заглянула в нее. Ах, вот оно что — в воду подсыпаны хлебные крошки! Выходит, напрасно она беспокоилась, что Фияк с Нияком останутся голодными. Ну, коли так, за них можно не волноваться.

Взмахнув широкими крыльями, мама-индюшка взлетела на забор и принялась сверху поучать малышей:

— Кияк, крак, иряк, рияк, рьяк-рьяк...

Это означало: всегда будьте дружны, не ссорьтесь.

— Да, да, ты права, мама, — отозвался Пияк, безуспешно пытаясь взлететь следом за мамой на забор.

И утята пропищали:

— Пик-пи-пи! Пик-пи-пи!.. Мы всегда будем жить дружно.

Индюшка не могла нарадоваться на своих умных и послушных детей. Она отряхнулась, шумно хлопая крыльями, и громко, на весь двор прокричала:

— Спасибо вам, детки, за хорошие слова! Будьте же всегда счастливы!

Пусть все знают, как гордится она своими детьми.

Индюшонок и утята быстро росли, набирались сил, хорошели. Нежный пушок покрылся первыми перышками. Индюшка теперь не сердилась на Фияка с Нияком за то, что они целыми днями плескались в воде. Пусть плещутся, раз им это нравится. Поплещутся, поплещутся и перестанут. Не думают же они ночевать в этой миске! Вот солнышко уйдет на покой, и они соберутся у себя в сарайчике. Дети, как всегда, будут греться у нее под крыльями, нежно пищать, ласкаясь, и уснут. А она станет беречь сон их, прислушиваясь.

В углу насест. Как давно она не спала на нем! То ли малышей жалко, то ли не хочется, как знать...

Уснули дети. Над головой прогудела огромная железная птица с красными горящими глазами. Вороны, что слетаются на старый тополь, вдруг с испуганным криком сорвались с него... По двору, тяжело ступая, прошла корова. Хозяйка загремела ведром. Где-то залаяла собака... Индюшонку и утятам так хорошо и надежно возле мамы.

И вот однажды светлым утром, когда индюшечья семейка мирно гуляла в огороде, из поросшего камышами озера, что раскинулось за деревней, явилась утка. В доме ее давно потеряли и никто уже не ждал. А она, оказывается, жива и невредима. Видно, много в озере еды — от привольной и сытой жизни утка раздобрела, стала гладкой и красивой. Даже голос у нее изменился, сделался певучим и нежным, словно горло ей жиром смазали. Довольно крякая, ступила она во двор, словно желая сказать:

— Вот она я! Полюбуйтесь!..

Вернулась утка. Хозяева рады ей. Важно обошла она двор, отведала корм и направилась в огород. Увидев там веселых утят рядом с индюшонком, она очень удивилась.

— Вот так так! — воскликнула утка. — Как же вас зовут?

— Фи-фи-фияк меня зовут, — сказал утенок, запинаясь.

— А твоего братца?

— Ни-ни-нияк...

— Кря-кря! — качнула утка головой. — Какие смешные имена! Кто же дал вам их?

— Мама, — вмешался было Пияк, но утка так сердито на него взглянула, что индюшонок присмирел.

— Кряк! — сказала утка. — А ты помолчи, когда я с утятами разговариваю. Фияк! Нияк! Пойдемте со мной на озеро. В нем так много вкусных лягушек.

— Пи-пи-пи, мы не знаем, как мама на это посмотрит, — засомневался Фияк.

— Да, не знаем... — поддакнул Нияк.

— Кряк! — презрительно сказала утка. — Индюшка не может быть вашей матерью. Ваша мама — я. Взгляните, как я хороша!

— Ты не мама нам! — заплакали Фияк с Нияком. — Вон наша мама, пи-пи-пи... —

И они со всех ног кинулись к индюшке, чтобы прижаться к ее ногам.

Утка только теперь заметила индюшку, которая искала в сторонке корм, тихонько напевая что-то и не вмешиваясь в разговор.

— Отдай мне Фияка с Нияком! — сказала ей утка. — Я возьму их на озеро.

— Не отдавай, мама, не отдавай! — запищал Пияк. — С кем же я играть буду?

— Фияк! Нияк! Послушайте, что я скажу вам, — спокойно заговорила индюшка. —

Вы уже совсем большие стали, скоро заживете самостоятельно. Если вам хочется на озеро — идите, я не держу вас. Я не обижусь даже, если вы перестанете называть меня мамой, потому что вы и в самом деле утята, вылупились из утиных яиц... Подожди, не

плачь, Пияк, дай мне договорить. Так вот, дети, пришло время вам самим решать вашу судьбу.

— Пи-пи-пи! — запротестовали утята, перебивая друг друга.— Мы никуда не уйдем от тебя! Ты вырастила, обогрела нас, спасала от дождя и ветра, ласкала нас. Пи-пи-пи, никогда не бросим мы тебя и Пияка. Вместе нам так хорошо, правда, мама?

Ни слова не сказала больше утка, опустила голову и скрылась в зарослях крапивы. А из глаз индюшки выкатились две слезинки. То ли ей утку жаль стало, то ли плакала от радости. Пияк, Фияк и Нияк не отважились спросить ее об этом. Да и надо ли было спрашивать? Ведь они снова были вместе, снова счастливы.

Р. Фаизов. Китовая Акула

Хохлатка-бездельница яиц не несла, зато день-деньской в мусорной куче копалась. Узнала она как-то новость и прибежала на скотный двор.

— Какие дела! Какие дела! — кудахтала она, собирая народ.— Для кур да гусей, овец да свиней, коров да лошадей жильё новое строят!

Известие это, понятно, всех встревожило.

Козел, его здесь за смелость суждений уважали, заговорил первым.

— Э-э, друзья,— начал он глубокомысленно,— тут что-то не так... Полагаю, проку нам от того не будет. Все же надо бы самим взглянуть, что там затевают... Кого-то из нас неплохо бы в командировку послать, чтобы все честь по чести вызнал... Что вы, скоты, на это скажете?

— Хорошо, очень даже хорошо ты придумал, брат Козел,— согласились те.

— Ну а кого пошлем? — снова спросил Козел.

— Ты, Козел, дружище, пожалуй, сам и отправляйся,— сказала Лошадь.

— Му-у-удр ты, дорогу скоро найдешь,— промычала Корова.

— И бе-е-егаешь прытко,— проблеяла Овца.

— А коли что не так получится, так кто ж тебя осудит? — вставил Гусь.— Бестолковость твоя давно известна.

— Да что толковать, какой есть, такой есть,— добавила Курица,— хуже не станешь!

Так и пришлось Козлу в командировку самому идти.

Вот идет он важно, улицу пять раз обошел да туда же, где стоял, пришел! Хоть на дню раз по десять мимо стройки ходил, дорогу туда насилу отыскал. У каждого встречного спрашивал.

Постоял он, на работу плотников поглядел, бородой потряс да назад поворотил.

А на скотном дворе его уж ждут не дождутся. Завидев Козла, все к нему бросились — тербят его, тормошат, все узнать спешат.

— Ну так что же, дружище? Рассказывай, какие новости! Хороши ли новые дома? Для нас подходящи ли?

Козел лишь хвостом махнул.

— Э-э, неважные дела,— говорит,— ничего хорошего я там не заметил. Сами строения вроде ничего — просторные, и окна большие, почти как в человеческих домах, да только вот беда — жить нельзя там! Окна без стекол, ветер так и свищет. Дверей и вовсе нет. Вместо крыши — небо голое. Дождь пойдет, куда денемся? По полу щепки да стружки валяются — поди-ка полежи на подстилке такой! Сказать по правде, там не то что лежать, стоять-то негде. Людей тьма, все с пилами да топорами — стучат, шумят — ни тишины, ни покоя... Не-ет, на новом скотном дворе нам и глаз сомкнуть не удастся! И за какие грехи хотят прогнать нас с насиженных мест? Хоть стены тут — плетень, навозом и глиной обмазанный, а все лучше... Я

рассказал, что своими глазами видел, своими ушами слышал. А не верите, пойдите сами посмотрите...

Правду говорил Козел. Очень он старался все разглядеть, все запомнить, чтобы после друзьям рассказать. Да только где ему, глупому, догадаться, каким скотный двор завтра станет, если сегодня он только строится?

Д.Тарджеманов. Шаян и Наян

Живет в далеких морях и океанах большая Китовая Акула. Ничего не боится она — ни свирепых ураганов, ни высоких волн, что со страшным шумом вскипают над бездонными пучинами. Уверенно мчится Китовая Акула вперед, поворачивая временами сильный свой хвост то влево, то вправо. И ей ужасно нравится плавать. Ни разу в жизни не знала она усталости и разочарования.

Если вы думаете, что вечная эта странница одинока, то ошибаетесь. У нее много маленьких друзей, которые никогда ее не покидают. Иногда Китовая Акула плывет у самой поверхности воды, и тогда на широкую ее спину, украшенную большими светлыми пятнами, садятся перевести дух чайки и альбатросы. Рыбешки, моллюски, мелкие кальмары подолгу катаются на ней, вцепившись в ее плавники, наслаждаются покоем. Завидя страшных хищников, своих врагов, они спешат под защиту сильной и доброй акулы. Сам Морской Волк, гроза морей, почтительно обходит ее стороной, приподнимая шляпу и кланяясь.

— Изумрудных вам вод, уважаемая! — приветствует он издали, что на рыбьем языке означает: «Счастья и удачи вам!»

Морской Волк страшен. На черной его спине длинный, похожий на отточенную косу плавник. Хищная пасть полна зубов.

— Не стоит шевелить воду, Волк! — гордо отвечала ему Китовая Акула, уходя прочь. В переводе на понятный нам язык это означает: «Смотри же веди себя хорошо, не обижай малышей!»

— Милые вы мои глазастики-головастики, — ласково окликнула Китовая Акула своих друзей, — все ли вы целы, все ли веселы? Что-то глаза мои плоховато стали видеть.

— Мы целы, мы веселы! — отвечали те хором. — Все мы с тобой.

— Ну вот и хорошо.

Конечно же, Китовая Акула лукавила, жалуясь на глаза. Ей просто не хотелось обижать друзей. Подумайте сами, она такая большая, что рыбки возле нее — ну все равно что гвоздики рядом с подводной лодкой. Где уж тут всех их разглядеть! Вам, наверное, даже представить себе трудно рыбу, длина которой двадцать метров, а вес — тридцать тонн! Акулы обычно такими не бывают. Нашу же акулу потому и зовут Китовой, что размерами своими она не уступает китам.

Но как же получилось, спросите вы, что акула выросла с кита? А вот послушайте.

Самое удивительное то, что Китовая Акула когда-то была совсем маленькой. Не более щучки, что водится в наших реках. Но ей так хотелось стать большой и сильной! Ни о чем другом не могла она думать. А приятели, зная об этой ее мечте, звали ее не иначе как Коротышкой. Обидно было Маленькой Акуле. Поплыла она к бабушке и спросила:

— Долго ли еще я буду коротышкой? Хочу стать огромной-преогромной, как киты!

Бабушка-акула сидела в это время на дне и, нацепив на нос очки из прозрачных морских раковин, читала книгу, написанную на длинных стеблях водорослей. Она подняла на лоб очки и посмотрела на внучку.

— Ха-ха-ха! — рассмеялась она, выслушав Маленькую Акулу.— Так, значит, тебе захотелось стать такой же, как киты? О деточка, если бы ты знала, как это нелегко.

— А что для этого надо делать, бабушка? — спросила Маленькая Акула.

— Надо жить как они. В точности выполнять великий морской закон.

— Я буду, буду выполнять! Даю тебе честное слово, бабушка! — воскликнула Маленькая Акула, волнуясь.

— Это не так просто,— с сомнением покачала головой мудрая акула.— Ну что ж, посмотрим...

И Маленькая Акула отправилась к Великому Кита. Это был старый, повидавший жизнь кит. Усы его были так густы и длинны, что торчали из пасти во все стороны. Он был самый главный над китами. Несмотря на это, он приветливо улыбнулся Маленькой Акуле и погладил ее по головке плавником.

— Изумрудных вод вам, дедушка! — поздоровалась Маленькая Акула и спросила: — Не скажете ли вы мне, что такое великий морской закон?

— Великий морской закон — это очень, очень просто. А вот на словах не объяснишь. Если захочешь, сама все поймешь. Поплавай с нами, китами, приглядывайся и прислушивайся ко всему. Давай мы с тобой договоримся так: будешь поглядывать на меня. Только станешь нарушать великий морской закон, а я тут же подмигну тебе правым глазом. Договорились?

— Да.

Стала Маленькая Акула с того дня плавать с китами.

Подплыл к ней как-то Веслонос. Тот самый, что так любит пугать малышей, гоняясь за ними.

— Маленькая Акула,— предложил Веслонос,— в подводной пещере сидят морские ежи. Давай шуганем их оттуда! Вот будет потеха!

Смешно Маленькой Акуле, хочется ей поозорничать, да вовремя спохватилась она, вспомнив про уговор с Китом. Взглянула на старика, а тот прищурил правый глаз.

— Нет, Веслонос, не товарищ я тебе,— сказала Маленькая Акула.

— Эх ты, размазня! — фыркнул Веслонос и, ударив хвостом, исчез в темной глубине.

А Маленькая Акула снова поплыла с китами. Как и они, питалась мелкими рачками — планктоном. Хотя это и не очень вкусно, делать нечего. Ведь она бабушке слово дала.

Откуда ни возьмись — Щука Морская. Говорит Маленькой Акуле, сверкнув острыми зубами:

— Послушай, внизу, среди водорослей, полно кальмаров. Давай вместе полакомимся!

У Маленькой Акулы глаза загорелись: кальмары такие аппетитные! Она уж рванулась было вслед за щукой, да взгляд ее случайно упал на Кита. Старик подмигивал ей правым глазом, а сам улыбался в усы.

— Нет, Щука, нельзя мне,— сказала Маленькая Акула.

— Ну и оставайся, тихоня! — крикнула Морская Щука и, сверкнув серебристой молнией, тут же пропала.

До того обидно стало Маленькой Акуле, что даже слезы брызнули у нее из глаз. И тут она с удивлением почувствовала, как кожа у нее на спине стала натягиваться и

сделалась до того тугой, что казалось, вот-вот лопнет. Она пробовала извиваться, выгибаться, даже выпрыгивала из воды, но ничто ей не помогало.

— Дедушка, что со мной,— обратилась она к Киту,— отчего мне спину так распирает?

— Этого я и сам не знаю,— ответил старик, хитро прищурясь.

А все объяснялось очень просто: Маленькая Акула ни разу не нарушила великий морской закон, а потому принялась быстро расти. Сама она пока не догадывалась об этом. Ведь в море нет зеркал, и поглядеть на себя она не могла.

Примчалась Рыба-Меч и позвала Маленькую Акулу с собой.

— Погляди-ка,— сказала она,— вон там идет большой деревянный корабль. Давай пропорем ему днище и потопим! Люблю глазеть, как люди барахтаются в воде!

Слова глупой рыбы не на шутку рассердили Маленькую Акулу, но она сдержалась и сказала ей:

— Не могла бы ты помочь мне? К хвосту что-то пристало, взгляни, пожалуйста.

Рыба-Меч бросилась выполнять просьбу, а Маленькая Акула изловчилась да что есть сил ударила ее хвостом. Длинный острый нос Рыбы-Меч погнулся, и ей нечем стало дырять корабли.

— Вот тебе, получай! — крикнула Маленькая Акула.— Не будешь нарушать великий морской закон.

— Подумаешь, паинька какая нашлась! — прогнусавила Рыба своим покосившимся носом.— Она, видите ли, и воды замутить не желает!

Старый мудрый Кит, самый великий среди китов, погладил Маленькую Акулу плавником по голове.

— Ну вот,— сказал он,— теперь ты стала понимать, что такое великий морской закон. А потому я разрешаю тебе навестить бабушку.

Маленькая Акула простилась с китами и отправилась в путь. Долго, очень долго плыла она и, сколько ни пробыла в море одна, ни разу не нарушила великий морской закон.

Вот она увидела бабушку. А та, оказывается, все еще не дочитала свою книгу. Старая акула долго приглядывалась к гостье и не могла ее узнать. Она пробовала даже перевернуть очки, думая, что так они ей больше помогут, но все напрасно.

Что же случилось? Да просто Маленькая Акула перестала быть маленькой. Она так вытянулась, что больше смахивала на маленького кита. Только сама она все еще не догадывалась об этом.

Наконец бабушка узнала внучку по родимому пятну.

— Ах, солнышко мое! — воскликнула она, всплеснув плавниками.— Как же ты выросла! Настоящая богатырша!

Очень скоро рыбы всех морей и океанов прослышали об удивительной истории, которая произошла с Маленькой Акулой, потому что под водой новости разносятся так же быстро, как и на земле. С тех самых пор Маленькую Акулу и прозвали Китовой Акулой.

Войди, сказка, в мой дом!

А.Тимергалин. Чудесный камень Шангеря

Ура! Ура! Завтра праздник, сабантуй! Соберется весь народ, будет шумный хоровод! Будут песни, встанем в круг — поспешите все на луг! — так пищали, жужжали, трещали и гудели повсюду стрекозы, жуки и пчелы.

Под этот неумолчный шум две бабочки-двойняшки вдруг пробудились от сна, открыли глазки и огляделись. Все было странно и непонятно вокруг. И неудивительно, ведь весь этот светлый мир они видели впервые в жизни. И голубое небо с лучистым солнцем, и земля, устланная цветочным ковром, и кудрявые деревья, и огромные коровы, гулявшие по лугу, и рой маленьких непоседливых насекомых — все, все было для них ново, забавно и удивительно. Где же они были раньше, почему до сих пор не видели этой красоты? А что там, подальше? Так же ли хорошо? А вдруг по-другому все, гораздо хуже?.. Нет, нет, лучше уж не двигаться, тихонько лежать и смотреть на всю эту пленительную и такую разнообразную жизнь...

— О, какая радость — сестрички родились! — воскликнула какая-то бабочка и нежно коснулась малюток шелковистым сине-зеленым крылышком.— Ой, до чего они мягонькие, а ножки, ножки-то тонюсенькие какие!.. Вы еще не знаете, малышки, что я ваша старшая сестричка. Будем же знакомы!

— Ты сестричка нам? — удивились маленькие бабочки.— Тогда скажи, где мы раньше были, откуда явились.

— Вот подрастете немного и сами все узнаете, все увидите. А теперь попробуйте взмахнуть крылышками и подняться в воздух. Летайте, порхайте, играйте, радуйтесь, пока солнышко так ласково... Ах, до чего сладок аромат цветов, как нежен ветерок! Поскорей летите сюда, будем плясать, плясать...

— Ну а вдруг убьемся? Расшибемся?

— Не бойтесь, глупышки, я помогу вам. Мне известны многие секреты полета. Вот смотрите!

И бабочка взмыла ввысь, повисела немного в воздухе, а потом, кувыркаясь, стала снижаться. Малыши и опомниться не успели, а уж она, плавно взмахивая крыльями, вернулась к ним.

— Пойдемте же, нельзя терять чудесный день, надо учиться! Иначе что же вы завтра на сабантуе делать станете?.. Все будут смеяться над вами... Вот смотрите, как славно качаться на ветерке! Это упражнение совсем легкое, так может каждый...

Малютки и сами не заметили, как очутились в воздухе. Или это само солнце притянуло их к себе светлыми ниточками-лучами? Сверху хорошо было видно, как вдали голубеет что-то. Сестрица объяснила, что это ручей. Завтра на лугу возле того извилистого ручейка соберется весь народ...

Но двойняшки уже не слушали ее — голову им кружило не испытанное доселе блаженство — они летали!

Прошло совсем немного времени, и бабочки летали уже так уверенно, что их не могла догнать даже старшая сестрица, хоть ей и известны были премудрости полета.

— Ах вы, озорницы! Ах вы, баловницы! — кричала она им вслед.

Бабочки только смеялись, слушая ее.

— Чур, я буду Шаян — озорница! — обрадовалась одна.

— А я — Наян, баловница! — подхватила другая.

Так вот нежданно-негаданно появились у малышей имена. Но обе были так похожи друг на друга, что, по правде говоря, и разобрать нельзя было, кто из них Шаян, а кто Наян.

Вот бабочки опустились на веселый разноцветный луг. Каждая выбрала себе цветок и маленьким хоботком стала тянуть из него сладкий нектар.

Вдруг сестра закричала близнецам:

— Шаян! Наян! Взгляните-ка на пчелу-акробатку. Она готовится к сабантую... Вон туда, туда смотрите, где на тонких стебельках светятся в траве крошечные цветы.

Близнецы повернули головы и увидели, как продолговатая янтарно-желтая пчела подлетела к нежному цветку, похожему на звездочку, и встала на него головой, задрала лапки.

Близнецам понравилось это. Они поспешили к белым цветам и сели на них. Но тонкие стебельки согнулись под ними, и бабочки скатились на землю.

— С легких упражнений начинать надо, — сказала им сестра. — Уж очень вы торопитесь!

Шаян и Наян хотели еще посмотреть на пчелу, чтобы лучше все запомнить, но акробатки уже не было.

Бабочки поднялись в воздух.

— Давайте догоним ее! — предложила сестра. — Крылья у нас в десять раз больше, мы должны ее догнать. Вперед! Вперед!

И погнались они за пчелой, которая летела к лесу. Оказавшись среди густой листвы, бабочки замедлили полет и потеряли пчелу из виду.

— По-моему, она спряталась за дерево, — решила Наян.

— Она играет с нами в прятки! — обрадовалась Шаян.

Сестра только усмехалась, слушая их.

— Эх вы, глупышки! Пчела уж давно улетела. Но отыскать ее нетрудно — в воздухе за ней остается медовый след. По запаху мы живо отыщем ее.

Много ли, мало ли летели они, вот лес поредел, и вокруг стало светлей. А вскоре показались на поляне маленькие домики.

— Это ульи, — объяснила старшая бабочка. — В них живут пчелы.

А один улей, что стоял в стороне, на самом краю поляны, был большой-пребольшой, в тысячу раз больше других. Бабочки, конечно, не знали, что это дом пчеловода. Возле него в гамаке качалась девочка и громко пела.

Увидев ее, Наян воскликнула:

— Взгляните, большая пчела!

Старшая бабочка рассмеялась:

— Какая же это пчела? Разве на свете одни пчелы да бабочки? Есть еще люди, звери всякие... А это девочка, внучка старого пчеловода. Она приехала к нему из города. Вчера я была здесь, и мы играли с ней в догонялки...

Проказница Шаян не слышала последних слов сестры. Увидев под навесом паутину, она бросилась к ней. «Только бы Наян не опередила, — думала она, — я первая хочу в гамаке покачаться!»

Старшая бабочка испуганно крикнула ей вдогонку:

— Наян, вернись!..

От волнения она перепутала имена близнецов, а потому Шаян не обратила на ее слова внимания и угодила к пауку в сети. Крылышки и лапки ее запутались в паутине. Плохо Шаян — бьется она в сетях, хочет вырваться на волю, зовет жалобно на помощь, а паук уж спешит к ней. Глаза его огнем горят, бедняжке беду сулят.

— Ах, он погубит сейчас бабочку!

Это вскрикнула девочка, сидевшая в гамаке. Соскочила она на землю, схватила длинную палку и бросилась выручать бабочку.

— Чуть не погибла, бедная крошка, — пожалела она маленькую шалунью. — А теперь отдохни на моем окошке!

И выпустила ее в дом. Обе сестренки влетели за ней следом. Ночь они решили провести у девочки, чтобы набраться сил, а с рассветом отправиться на сабантуй.

Рано утром, едва глянуло в окно солнышко, девочка встала и выпустила бабочек на волю.

— Цветам от меня привет передайте,— сказала она им на прощание,— а к вечеру возвращайтесь ко мне!

Ах, как прекрасно утро сабантуя! Жемчугами блестит в траве роса. Жуки — зеленые, красные, золотые — просыпаются, росой умываются... Словно живые цветы, по траве потом расползлись и с жужжанием вверх поднялись. А там уж пчелы гудят, комары пищат, стрекозы крыльями трещат — все на сабантуй спешат.

Бабочки туда же отправились.

Сначала летели по лесу. Березки кудрявые, дубы могучие, липы пахучие провожали их, помахивая вслед ветками. А вот полянка лесная. Красиво переплелись тут кусты малины, пахнет смородиной. Где-то в листве щелкает соловей.

Выпорхнув из леса, понеслись бабочки над лугами. Внизу, в хороводе камышей, поблескивали на солнце озера, встречались кустарники и одинокие деревья, вольготно раскинувшие свои ветви.

— Вот мы и прилетели к Светлому ручью! — сказала двойняшкам старшая бабочка.— Здесь, на зеленой лужайке, проходят наши славные праздники.

У маленьких бабочек дух захватило от того, что они увидели, так здесь было красиво! Небольшой холм за ручьем полого спускался к воде. Кудрявые ивы, как в зеркало, смотрелись в тихий прозрачный ручей. А цветов кругом было так много, что не охватить взглядом,— яркие, не похожие друг на друга. Они улыбались и приветливо кивали головками, приглашая бабочек: «Летите, друзья, сюда, отведайте душистого нашего нектара!» В тени большого дерева развешаны гамаки. Уставшие смогут отдохнуть в них. Нет-нет, пауков сегодня не нужно бояться! Сегодня они добрые и никого не обидят.

Под большим дубом устроился оркестр — кузнечики со скрипками, майские жуки с кубызами, бабочки-трубачи, улитки-барабанщицы и еще много других музыкантов собралось здесь. Впереди на возвышении большая бабочка Махаон. На ней нарядный фрак из черного бархата с фалдами — ну, чем не дирижер?

Вот на трибуну поднялись самые уважаемые гости из леса — пчелы и муравьи. Дирижер взмахнул крыльями, и луг огласился ликующим, торжественным гимном, заглушившим все прочие звуки. Это означало, что парад начался.

Первыми в небо взлетели бабочки-гимнастки. Было похоже, будто все цветы, что росли на лугу, вдруг ожили и поднялись в воздух: ярко-красные, желтые, нежно-бирюзовые, темно-синие, черные с зеленым отливом... Замелькали на солнце атласные, бархатные, кисейные крылышки. Наши бабочки тоже были среди них.

Вслед за гимнастками в небо взмыла эскадрилья стрекоз. Не успели они пролететь, а уж по земле скачет лихая кавалерия кузнечиков. Услышав в траве дружное гудение, все испуганно стали озираться. А это жуки — живые «танки» двинулись на парад. Солнечные зайчики заплясали на крепкой их броне, вспыхивая всеми цветами радуги. Было очень красиво и весело. Прошагали полки муравьев-удальцов, а над ними, кружась, роем пролетели пчелы. Что тут поднялось! Все захлопали, заскрипели, зашелестели крыльями и закричали трудолюбивым своим друзьям: «Ура!».

На шум из-за камышей, расправив огромные крылья-вееры, поднялась саранча, из леса примчались мухи и злая мошкара, из болот — оводы. «Вы слышите, как радостно кричат?» — спрашивали они друг у друга.— Не иначе как нас почтить спешат». Черным облаком закружились они в воздухе и заслонили собой солнце. Сразу стало скучно и темно.

Приуныл шестиногий народ — испорчен их праздник.

Тут на помощь им поспешил ветер. Дунул он раз, дунул два и прогнал злодеев за синие моря, за дальние горы.

Все вздохнули с облегчением, и праздник продолжался.

Оркестр грянул марш веселых козявок. Старшая бабочка потащила малышкой на майдан, где должны были состязаться борцы.

— Это так интересно! — говорила она им. — Имена батыров станут всем известны. Наш лесной муравей Рыжик встретится с черным Компонотусом. Этот иностранец прибыл к нам на сабантуй из дальних мест...

Как зрители ни теснились, не могла лужайка уместить всех желающих. Бабочкам ничего иного не оставалось, как взлететь и наблюдать за борьбой сверху.

Вот с разных концов зеленого ковра выбежали двое — маленький Рыжик и великан Компонотус. Увидев иностранного гостя, друзья Рыжика встревожились...

Пчелиная мать, почтенная Балджамал, прожужжала громко:

— Начнем, пож-ж-жалуй!

Борцы тотчас выскочили на середину, ухватили друг друга за кушаки-травинки. Каждый силился другого с места сорвать да через себя перекинуть.

Трудно бедному Рыжику — тонкие ножки подкашиваются. Как устоять перед натиском гостя? А тот прям, как свеча, поглядывает невозмутимо. Вот он сделал выпад, схватил Рыжика лапами и вверх поднял. Ну а тот — вот ловкач! — успел боднуть его в живот, да так, что великан закачался и упал.

Разгорелся бой. Оба муравья, сцепившись, по земле катаются, за кушаки ухватиться норовят, только все напрасно.

Наконец, по велению Балджамал, настал перерыв. Отпустили друг друга соперники и поднялись. Рыжик все еще бодр, хотя пот с него катится градом. Зато Компонотус похож на рыбу, которую выбросили из воды на сушу, — судорожно хватая ртом воздух. Малыш снова вцепился в великана, чтобы не дать ему опомниться. Хотел его вправо кинуть, да сам на спину опрокинулся. Майдан ахнуть не успел, как Рыжик вскочил и перекинул гостя через голову! Смотрит народ — Компонотус уж на спине лежит, а Рыжик, подбоченившись, рядом стоит да усами гордо крутит. Майдан загудел от радости, а наши бабочки осыпали победителя белыми цветочками.

Шумит, веселится сабантуй!

Но что это с двойняшками?.. Ни жуки-молодцы, что по десять раз без передышки на шест взбегали, ни танец пчелок на цветах, ни прыжки ловкачей-кузнечиков не радуют их. Обе вдруг в голос заплакали.

— Что с вами? — забеспокоилась их сестрица. — Заболели вы, что ли?

— Мы тоже на сабантуе отличиться хотим!

— Давно сказать надо было, глупышки! Не хотите ли в перелете через ручей участвовать?

Шаян и Наян хотели.

— Вот и хорошо! Летим туда!

Возле ручья в воздухе сновали какие-то существа, похожие на ос, только очень тонкие.

— Ой, кто это? — вскричала Наян. — Отчего им спокойно не сидится?

— Это храбрые баккорсаки. Они, хотя и маленькие, за себя постоять умеют. Чуть что, живо вскакивают своим обидчикам на спину. Потому их еще наездниками называют.

— А волнуются почему? Вон и нас к себе зовут!

— Они сегодня судьи. Будут решать, кто в перелете лучшим окажется. Вон видите, пчелы, стрекозы уже приготовились лететь. Надо и нам поторопиться, как бы не опоздать!

Бабочки полетели и опустились на бережок рядом со стрекозой в зеленой майке. Она была готова к полету, лишь сигнала ждала.

Волнуется сестра, близнецам наказы дает:

— Крылья уверенней расправьте, держитесь выше, подальше от воды — боюсь за вас, как бы не было беды... А я вас здесь подожду, над водой у меня кружится голова...

А Шаян не слушает ее. Надоела ей сестра своими советами да наставлениями.

Говорит стрекозе:

— Давай соревноваться с тобой! Поглядим, кто из нас лучше кувыркаться умеет.

Отвечает стрекоза:

— Кувыркайся сама, если хочешь. А я прямо помчусь, раньше всех на месте буду!

— Фи, нашла чем удивить,— засмеялась Шаян,— так каждый сумеет! Лучше бы у меня кувыркаться научилась. А на тот берег всегда успеешь.

Тут раздалась команда — все дружно сорвались с места. Разговор на том и оборвался.

Вместе с другими вверх устремила и Шаян. Вот она замедлила полет, остановилась и, кувыркаясь, стала снижаться. А под ней ручей блестит, в нем зубастые щуки за мелкими рыбешками гоняются, плещут по воде хвостом. Услышала бабочка плеск, смотрит, а уж она у самой воды! А вокруг ни души — далеко все умчались. Испугалась Шаян, часто-часто крылышками замахала — хотела повыше подняться, хотела догнать Наян, только сил уже не было. И стала она падать. Увидела это пролетающая мимо стрекоза и крикнула:

— По ручью листья, щепки плывут, на них сесть постарайся! Видишь, к чему хвастовство приводит?

Как жаль, что этого не могла слышать Наян! Ах, ей бы совет пригодился! Как раз в это время она летела над ручьем и рассуждала про себя: «И почему это к воде нельзя опускаться? Чем страшна она? Или у нее есть руки, которыми она притягивает к себе бабочек? Как узнать это?.. Слетаю-ка туда да сама все и разгляжу!» Решила так любопытная Наян и бросилась вниз, забыв про соревнования.

В спокойном ручье все было видно как в зеркале — и небо, и солнце. Вон бабочка какая-то в воде резвится, все ближе, ближе летит... Так это же Шаян!

— Шаян! — радостно позвала она сестру, глядя на свое отражение.— Где же ты пропадала?

Бедной маленькой бабочке еще никогда не приходилось видеть себя в зеркале, а потому что удивительного в том, что она ошиблась? Бросилась она к Шаян, чтобы обнять ее, и, конечно же, угодила в воду... Напрасно трепыхалась Наян, изо всех силенок пытаясь выбраться из воды, но ничего не получалось. Крепко держал ее ручей. Устала бабочка и затихла. Течение подхватило ее и понесло.

Совсем промокли у Наян крылья, стали тяжелыми, вот-вот под воду ее утащат. Бабочка уж глаза закрыла, готовая ко всему. И тут чьи-то теплые руки подхватили ее и бережно положили на сухую доску. Открыла Наян глаза, а перед ней в лодке знакомая девочка сидит, рядом ее дедушка с белой бородой. Они подбирали в воде козявок и сажали на согретую солнцем скамейку. Пчелы, бабочки, жуки рядом лежат, крылышки сушат. И Шаян тоже здесь, еле лапками шевелит.

— А вот и вторая бабочка! — воскликнула девочка.— Они сегодня у меня ночевали.

И посадила Наян рядом с Шаян. Увидев сестру, приунывшая было Шаян вдруг весело взмахнула крылышками.

— Ах, Наян,— сказала она,— как хорошо, что ты жива! Теперь уж мы с тобой никогда не разлучимся, всюду будем вместе. Ладно?

Дедушка с внучкой смотрели на них и улыбались.

осмограмма-молния

ВСЕМ ПРОМЕЖУТОЧНЫМ СТАНЦИЯМ:
ПРОСИМ ПРОПУСТИТЬ НАШЕ СООБЩЕНИЕ БЕЗ ЗАДЕРЖЕК!

Адрес: Левая ветвь Млечного Пути, созвездие Восьмерик, система СФ,
в Космический Центр.
Директору О'НЕЙРО

Глубокопочтимый директор!

Пролетая сквозь атмосферу Третьей планеты (Земли), мы потерпели аварию, во время которой потеряли материализатор. Жертв нет. Причины аварии будут подробно объяснены в рапорте. К несчастью, координаты пункта, где произошла авария, установить не удалось. Эта часть планеты покрыта дремучими лесами и топями, малолюдна. Аппарат заключен в герметический контейнер. Думаю, что опасность попадания его в руки обитателей планеты минимальная.

Мы на спутнике Третьей планеты (обитатели Земли называют его Луной). Программу исследований продолжаем. Одновременно из лунных минералов готовим атомное горючее, необходимое для возвращения.

Ждем Ваших распоряжений.

Координатор экспедиции О'Шейли

10203 год, третий квартал, первая декада
(по времяисчислению землян год Лошади, месяц Гиацинта)

Космограмма-сверхмолния

РЕТРАНСЛЯЦИОННЫМ СТАНЦИЯМ ПРИКАЗЫВАЮ
НЕ ЗАДЕРЖИВАТЬ НАСТОЯЩУЮ КОСМОГРАММУ!

Адрес: Правая ветвь Млечного Пути, созвездие Старца, система Желтой Звезды, спутник Третьей планеты.

Координатору научно-исследовательской экспедиции О'ШЕЙЛИ

Координатор О'Шейли!

Потеря материализатора и возвращение без него равносильны преступлению! Если аппаратом завладеют дикие планетяне, последствия могут быть непоправимы. Пострадает не только открытая Вами планета, но и вся система Желтой Звезды. Напоминаю об обязательном для всех галактик требовании — решительным образом пресекать чуждые влияния на историческое развитие обитателей планеты. Вам лично, а также всему экипажу выношу строгое порицание и предлагаю принять самые неотложные меры по поиску аппарата. С обитателями Третьей планеты в контакт входите лишь в случае крайней необходимости. Они не должны догадываться о том, кто вы. Иначе в сознании дикарей можно вызвать страх перед неизвестными им силами природы.

В своих радиосообщениях будьте предельно кратки. Эмоции и терминология «землян» излишни.

Доктор Космического Центра,
лауреат премии Объединенных Звезд О'Нейро

10203 год, четвертый квартал, первая декада

...Жил в давние времена человек по имени Шангерей. Встал он однажды засветло и пошел рыбу ловить.

Время шло, а сети Шангерей, в которые он для крепости вплел конский волос, каждый раз, как назло, оставались пустыми. Обидно рыбаку. Чтобы лов был удачным, дорогой к реке он перебрал в памяти все молитвы и заклинания, какие только знал, загадывал по звездам желание. Знать, напрасно старался. Только не могла же пропасть рыба в Меше? Это все равно как если бы деревья в лесу разом сквозь землю провалились. Нет, такого не может быть!

А рыба Шангерейю нужна. Теперь самое время ею заняться — сушить, солить, вялить. Скоро с запада придут христианские купцы. Они в эту пору рыбу на зиму закупают.

После уж Шангерейю не до того будет. У него других забот хватает. В лес за медом идти надо. Высоко на деревьях примечено у него шесть бортей — гнезд диких пчел. Шангерей уже два раза брал из них душистый мед. Надо бы и теперь поспеть, пока другие не опередили да медведь-сластена не пронюхал. Этот разбойник куда угодно вскарабкается, головы своей не пожалеет, лишь бы медком полакомиться. А там возьмет Шангерей лук со стрелами и отправится на охоту, чтобы зимой было чем кормиться.

Еще избу, двор, сарай к холодам подготовить надо, липового лыка надрать. Зимой станут они с сынишкой Рахимкулом легкую обутку плести. Этому Шангерейю мужики из Субаша, соседней деревни, обучили. Рахимкул уже большой стал, годится в помощники. Вдвоем они, глядишь, на каждого по три пары лаптей изготовят. Вот и хватит им на зиму. Сапоги, пожалуй, не выдержат до весны, прохудятся.

Баньку бы еще срубить! О такой, как в Булгаре, понятно, и мечтать нечего. Но и без бани никак нельзя. Стоит попариться березовым веничком, сразу силы в тебе прибывают, молодцом себя чувствуешь! Да и детишкам чистота нужна.

Так помаленьку и обживутся на новом месте.

Вот уж два года, как бежали они из Булгара. Не стало там житья от лихих людей. То белый князь с дружиной набег учинит, то хазары грабят, то ладьи с разбойниками нежданно-негаданно к берегу пристанут. Каждый год повадились. Сколько уж раз Булгар огню предавали.

А как пронесся слух, что из далекого Каракорума двинулись несметные полчища монголов, всякому терпению конец пришел. Посоветовался Шангерей со своим верным другом Гали. Решили они, пока целы, уйти в леса. Наскоро, за бесценок, распродали добро, а что и так побросали, погрузились на телеги да и простились с родными местами, с милым сердцу полноводным Итилем.

Вдали от Булгара, на берегу тихой Меши, раскинули войлочные юрты. Пришлось попотеть, пока место под двор и избу расчистили. Силой бог не обидел Шангерейю. Любит он во всем надежность и порядок. Все делать готов, только бы не мешал никто. Вместе с Гали они выроют колодец, освободят в лесу новые земли и посеют рожь.

Подрастут у них сыновья — легче будет. Одного хорошо бы к кузнечному делу приспособить... Как знать, может, через много лет на этом месте город поднимется...

Размышляя так, Шангерей растянул сети в устье небольшого притока. После сел на траву и стал закусывать. Достал из мешка горшочек с катыком, краюху хлеба, испеченного в золе. Обед запил сладкой ягодной водой.

Подкрепившись, решил размяться немного. Привязав лодку к дереву, пошел берегом. Не удастся ли где полое дерево приметить? Из него добрый улей или

кадушку смастерить можно. А вдруг олени рога подберет? Слышал Шангерей: из них снадобье от змеиного укуса готовят.

Эх, золотишко бы теперь найти!.. Да не водится оно в здешних местах. И камней-самоцветов нет. И про плоский прозрачный камень не слышать что-то. Он в окна вставляться годится. А с пузырьем темновато, свет едва пробивается.

Зато до чего болгарская земля лесами и водами богата! Зверья здесь всякого видимо-невидимо: рыси, барсуки, бобры, куницы, выдры, горностаи. О медведях, волках да лисах и говорить не приходится. Лоси и олени большими стадами пасутся. Уток на реках и озерах тьма-тьмушая. Даже лебеди весной прилетают. А в лесу орехи, черемуха, вишня, ягоды. Все, чего душа пожелает!

Шангерей взглянул на солнце, прикидывая, сколько прошло времени. О водяных и песочных часах ему приходилось слышать, да только не видел он в них проку. Ведь до той поры, когда человек станет дорожить каждой минутой своего времени, было еще очень и очень далеко. А пока Шангерей не было надобности спешить. Он спокойно, полной грудью дышал чистым воздухом, смело валил любое понравившееся ему дерево, охотился, сколько хотел,— хватило бы только сил. Словом, жил в полном согласии с природой, и невдомек ему было, что шагает он по дороге, ведущей к неведомому прогрессу.

Держась за торчащий из земли кол, Шангерей спустился с откоса к воде. На западе сгущались тучи. Зашелестел ветер в листве. Нахмурилась река. Вся природа, казалось, вдруг ожила и вздохнула...

«Надо бы до дождя выбрать сети»,— забеспокоился рыбак.

Он снова ухватился за кол, который вначале принял за сломанное сухое деревце. Однако, приглядевшись, понял, что перед ним железо. Настоящее железо! Оно покрылось ржавчиной. Дожди и ветры сделали его шершавым на ощупь. Чудеса! И какому дурню пришло в голову притащить сюда и вогнать в землю бесценное железо? Сколько топоров, ножей, наконечников для копий можно из него наковать!

Шангерей попробовал было раскатать кол, да куда там! Он стоял, как столетний дуб. Без лопаты здесь нечего было делать.

«Завтра же приду,— подумал Шангерей,— и выкопаю».

Рыбы поймалось негусто. Шангерей обрадовался большой щуке, остальное была мелочь: плотва, язь.

Но почему сети поддаются с трудом? Неужели за корягу зацепились? Вот возни не хватало!

Осторожно выбрав сети, Шангерей увидел в них нечто темное. На корягу вроде не похоже.

Рыбак переложил улов в вершу. Вся рыба не тянула и четверти батмана.

Тяжелая темная штукавина в сетях в длину была не больше локтя. Очистив ее от ила, Шангерей увидел нечто похожее на кирпич, только янтарного цвета. Сердце его учащенно забило: а вдруг это клад?

Рыбак вымыл находку в воде и теперь совершенно ясно видел, что она — творение человеческих рук. Желание посмотреть, что у нее внутри, было так велико, что Шангерей решил приняться за дело тотчас, не откладывая. Тем более что здесь никто не мог за ним подглядеть. Если ожидание его оправдается и он в самом деле найдет золото, друга своего Гали уж он не забудет...

Рыбак оглядел находку со всех сторон, однако ничего похожего на замок или крышку на ней не было. Он взял увесистый камень и принялся бить им по янтарному кирпичу. Но что за диво! Удары, наносимые им, не оставляли никаких следов.

Шангерей работал с упорством, на какое были способны только наши далекие предки.

Наконец в кирпиче что-то хрустнуло, и он открылся! Да так неожиданно, что рыбак даже растерялся.

Дрожащими от волнения руками он достал какой-то сверток. Откинув податливую шуршащую «бересту», увидел прямоугольный камень. На нем были начертаны неизвестные Шангереею загадочные знаки. Нечто похожее ему приходилось видеть на солнечных часах, которые привозили в Булгар багдадские купцы.

Находка была нелегка, все же рыбак решил взять ее с собой. Он снова вложил ее в янтарный короб и сунул в мешок.

Солнце уже скатилось за лес, надо было спешить. Шангерей торопливо развесил сети в густых зарослях кустарника, чтобы не попались на глаза злому человеку, выволоч на берег лодку и закидал ее ветками. Потом, перекинув через плечо мешок и вершу с рыбой, зашагал к дому.

Дорога была недалняя — версты три всего, но вела через дремучий лес.

Кругом быстро темнело, только на полянах, пожалуй, еще было достаточно света, чтобы вдеть нитку в иглу.

Дома Шангерее встретили Рахимкул и Ташбаш — верный пес, с которым он ходил на охоту.

— Отец, покажи, сколько наловил! — закричал Рахимкул, подбегая.

Шангерей потрепал мальчика по голове.

— Довольно, сынок, — ответил он устало.

— У-у, да здесь щука! Зубастая какая...

— Мы запечем ее в хлебе, — сказал отец.

— Это как в Субаше делают?

— Да. Хорошие там люди живут — на все руки мастаки... А мама где?

— Штаны тебе шьет. Уж пять иголок сломала.

— Видать, иголки плохие. Стальные бы завести.

— А какие это, стальные?

— Железные же, да только потверже будут. Я и сам толком не знаю. Вот вырастешь, станешь кузнецом, сам во всем разберешься. Ну, рассказывай, что вы тут без меня делали.

— Я воды натаскал.

— А братишка?

— Алмыш проплакал весь день.

— Почему?

— Сидел возле очага, а горячий уголек упал ему на ногу.

— Ай-ай! Яичным желтком смазать надо было.

— Смазали. И подорожник приложили...

Так, разговаривая, они прошли во двор, огороженный плетнем. На пороге дома показалась Иртагуль, которая вышла встречать мужа.

Женщине частенько приходилось оставаться дома одной. Кругом темный лес. Страшно ей с детьми без мужа. Люди в лесу есть, да чужие. Она языка-то их толком не понимает. Нелегко ей здесь, вдали от родных мест. Только Иртагуль пошла бы за мужем хоть на край света. Она и замуж против воли родных вышла.

— Устал? — спросила она.

— Не очень, — Шангерей распрямил спину.

— Поешь. У нас сегодня мясо.

— Откуда?

— Гали дал. У них беда: гнедой ногу сломал. Пришлось зарезать.— Пока Иртагуль говорила, лицо ее стало совсем печальным. Было видно, как жаль ей лошадь и соседей. Шангерей покачал головой. Как это некстати! Им лес корчевать, лошади теперь так нужны... Выходит, на два дома всего три лошади осталось.

Оставив рыбу возле крыльца, Шангерей вошел в дом и сунул мешок под нары.

В горнице было темно. Окошки, в которые с трудом можно было просунуть голову, едва светились. В углу, где топилась печь, на стенах плясали блики огня. Алмыш тихо лежал на нарах. Боль и усталость, видно, сделали свое — малыш спал. Из-под тулупа торчали его голые ноги. Шангерей осмотрел их при свете лучины, которую вставил в щель между кирпичами. Кожа на месте ожога покраснела, вздулись два волдыря.

С огнем стало веселее, однако тьма, казалось, не ушла совсем, а забила в черные от копоти и дыма углы.

Хозяин поел, потом не спеша достал находку и показал ее домашним.

Когда он развернул таинственный камень, по избе разлился слабый мерцающий свет. Глаза Рахимкула загорелись.

— Что это, отец? — он с опаской дотронулся до отцовской находки.— Это золото, да?

— Нет, на золото не похоже...— Шангерей задумчиво посмотрел на сына.

Иртагуль возилась возле печи.

— Что если там сидит нечистая сила? — подала она голос.— Ты говоришь, оно в коробе лежало?

— Да как тебе сказать, вроде и коробом назвать нельзя... Я по нему камнем — а оно вдруг и открылось...

— Осторожно бы надо, после беды не оберешься...

— Какой беды?

— Забыл разве сказку про рыбака? Нам ее в Булгаре Алпамыш рассказывал. Ну тот, что у арабов в услужении был...

— Знаю, знаю,— закричал Рахимкул,— это сказка про джинна, который сидел в горшке!

— Ну да, про него.

Шангерей всегда прислушивался к словам жены. Что ни говори, она грамоте училась, целую зиму к бике ходила.

Странный камень снова убрали под нары.

Тут проснулся Алмыш. Он выпил молока и снова задремал. Тело мальчика горело. Ему дали выпить настой полыни с медом. Однако легче ему не стало. Алмыш стонал...

Когда все смолкло, Рахимкул, который спал в сенях, прокрался в дом и юркнул под нары. Он нашарил в темноте сверток и притих, прислушиваясь. Потом осторожно выбрался во двор.

В небе стояла полная луна, и за лабазом было светло. Мальчик развернул камень и ощутил его тепло. Рахимкул повертел камень в руках, надеясь вскрыть его, но из этого ничего не получилось.

«Вот бы вышел теперь из него джинн,— подумал Рахимкул,— и сказал бы: «Приказывай, о господин, проси все, что тебе надо! Хочешь белого коня — будет тебе белый конь! Хочешь серого в яблоках — будет серый! Если велишь, построю тебе дворец до самого неба, в тысячу куполов...» Интересно, чего бы я у него попросил?.. Ни золота, ни серебра мне не надо. Я бы, наверное, янтарные бусы для мамы попросил. Для отца топор и косу попросил бы. А для Алмышаша...»

Размечтавшись, мальчик не заметил, как странный камень начал мало-помалу оживать у него в руках. Сияние, исходившее от него, становилось все ярче, а внутри

явственно слышалось теперь легкое жужжание, будто там сидела муха. От неожиданности мальчик выронил камень на землю.

Однако мальчик из города Булгара не был трусом, он снова подобрал непонятную вещь и принялся внимательно разглядывать ее со всех сторон. Среди затейливых знаков он увидел сбоку нечто вроде пуговки. Она светилась голубым светом. Что же это могло значить?

Рахимкул ткнул в пуговку пальцем и зашептал страстно:

— О могущественный джинн! Если ты добрый, то дай Алмышу хорошие сапоги, кожаные, с круглыми носками, крепкими каблуками... Мне сшей бешмет и теплую шапку... Маме дай бусы янтарные, а отцу косу и топор, да такие, чтобы всегда острые были. А еще дай ему долото. Ты не жадничай, джинн, за добро я сумею отплатить тебе добром... Ягод тебе наберу. А если грибы любишь, то грибов...

Тут послышался вой, как в морозную пору бывает в печной трубе, откуда-то сверху подул ветром — «камень» сам оттолкнул его от себя! Вернее, мягко отстранил, но устоять под его напором было невозможно. Мальчик отступил на два шага, но не убежал.

Вот перед ним появилась пара чудесных сапожек. Мальчик спокойно ждал, нисколько не сомневаясь, что все его желания будут исполнены. Вслед за сапогами возник бешмет, замечательная пушистая шапка, бусы — такой красоты, что от них глаз оторвать было невозможно, топор, коса, долото...

— Нет, нет, не к добру это,— сказала Иртагуль мужу.— Мне страшно! Где это видано, чтобы такие подарки давали просто так, даром?

— Так ведь не совсем уж и даром,— спокойно возразил Шангерей,— я же из воды его вытащил. Может, спас...

— Да ты не бойся, мама,— поспешил Рахимкул на выручку отцу.— Эта штука добрая! Дает, что ни попросишь. Ты посмотри, какие красивые бусы!

— Да откуда все это взялось? — нахмурилась Иртагуль.— Ведь штуковина, если поглядеть, совсем малюсенькая...

— Из воздуха, мама! Все из воздуха.

— А как?

Вот этого-то Рахимкул не мог объяснить матери. Такая задача была бы не по силам даже величайшим из мудрецов Востока и Запада. Воздух... Его и разглядеть-то нельзя, а вот попробуй побегика против ветра!

— Нет,— решительно стояла Иртагуль на своем,— ничего этого мне не надо, и бусы не нужны! Колдовство это принесет нам несчастье...

— Эх, мать, что ни говори, а топор у меня хоть куда! Таким топором не то что деревню — целый город срубить можно! А коса! Ты погляди, сама ведь косит!

— Мам, а мам,— сказал Рахимкул,— давай снадобье для Алмышы попросим!

— Еще чего выдумал!

— А что,— задумчиво проговорил Шангерей,— неужели выдаст?

— Выдаст, отец, выдаст! — закричал Рахимкул и бросился в дом. Вскоре он появился с заветным свертком в руках и положил его на крыльцо.

— Ну-ка покажи, что ты там делал,— сказал отец с интересом, склоняясь над свертком.

— Сперва я помял его вот так, после сюда нажал. А сам и говорю: дай мне то-то...

— Ладно. А теперь попроси-ка у него снадобья маленько... От ожога, мол... А после от перегрева попросишь.

Рахимкул, как заправский колдун, уверенно нажал на пуговку сбоку.

— О добрый дух,— зашептал он,— дай нам немного снадобья, чтобы мы могли смазать Алмышу ногу. Сделай так, чтобы нога у него поскорей зажила. А еще дай нам средства от головы: Алмыш весь горит, а целителей и знахарей у нас нету...

Не успели они дважды сосчитать до десяти, как лекарства уже стояли на крыльце.

— О, Аллах милостивый! — прошептала Иртагуль, бледнея.

Одно лекарство было в неглубокой баночке, другое — в посуде, похожей на китайскую чашечку.

— А, это, должно быть, питье,— догадался Шангерей.

Малышу смазали ногу, дали попить из чашечки — ему сразу же стало легче. Прошло немного времени, и Алмыш выбежал к ним на крыльцо. Мальчика обули в новые сапожки. Лицо его так и просияло от радости.

— Шангерей... — робко заговорила Иртагуль, понизив голос до шепота,— а не попросить ли нам ведерко для молока и новый казан? Ты ведь уже устал латать его, правда?..

— Хе! — весело крикнул Шангерей и взглянул на старшего сына.

Тот важно приосанился.

— Раз, два, три,— пропел он,— все могу я — посмотри!

Однако на этот раз все получилось как-то нескладно. Вместо привычных ведра и казана на крыльце появились какие-то несуразные вещи.

— Это еще что за диковины такие?! — удивилась хозяйка.

— Погоди, мама,— сказал Рахимкул.— Ведро ты попросила, а какое оно, не объяснила. И казаны всякие ведь бывают, наверное. Одни с ручкой, чтобы над очагом вешать, другие — в печку заделывать.

— Пусть ведерко будет легким, чистым и прочным. Да чтобы молоко не прокисло в нем... А казан нужен без ручки.

— А ведро тебе деревянное нужно?

— Лучше жестяное или медное... — подсказал Шангерей.

— Ну вот,— сказал парнишка,— теперь все будет как надо.

Диковинные казан и подойник вдруг растаяли у всех на глазах, будто растворились в воздухе, а на их месте появились другие.

Ведро было просто загляденье: внутри беленькое, снаружи небесно-голубое. А поверх голубого яркие цветочки. А казан не медный был, а из тяжелого черного металла — из чугуна, как видно.

Шангерей, не мешкая, вынул из печи старый казан, а на его место приладил новый. А Иртагуль не могла наглядеться на свое новенькое ведерко.

Маленький Алмыш крутился возле старших, но на него теперь никто не обращал внимания. Мальчик не на шутку был обижен на старших и уж подумывал, не прищемить ли ему палец дверью, чтобы его снова пожалели, но представив, как это больно, отказался от своей затеи.

— Отец, отец,— теребил он Шангерей за полу,— хочу меч или кинжал. Я буду воин — ювари! Или мерген — охотник! Врагов бить стану... Пусть не суются к нам никогда!

Однако Шангерей отогнал его, говоря:

— Ишь, чего выдумал! Век бы глаза мои все эти мечи да кинжалы не видали!

Но от малыша отделаться было не так-то легко. Пришлось попросить для него маленький карманный ножик. Зато для себя Шангерей попросил чудесный охотничий нож.

Таков человек: слишком скоро привыкает он к хорошему, а потребности его не знают границ... Освоившись с чудом, Шангерей, его жена и дети наперебой стали

выпрашивать для себя разные вещи. Вскоре крыльцо и сени заполнились множеством нужных и не очень нужных предметов. Чудесный камень безотказно выдавал все.

Космограмма. Сверхсрочно!

ВСЕМ РЕТРАНСЛЯЦИОННЫМ СТАНЦИЯМ: ПРИКАЗЫВАЮ ПРОПУСКАТЬ НАСТОЯЩУЮ КОСМОГРАММУ ВНЕ ОЧЕРЕДИ!

Адрес: Правая ветвь Млечного Пути, созвездие Старца, система Желтой Звезды, спутник Третьей планеты.

Координатору научно-исследовательской экспедиции *О'ШЕЙЛИ*

Уважаемый координатор!

Из динамического центра через альфа-тоннель теряется энергия. Это означает, что вашим материализатором кто-то пользуется. Немедленно отложите все Ваши научные дела и отправляйтесь на поиски аппарата!

Директор Космического Центра *О'Нейро*
10205 год, второй квартал

Космограмма. Срочно!

РЕТРАНСЛЯЦИОННЫЕ СТАНЦИИ ПРОСИМ ПЕРЕДАВАТЬ БЕЗ ЗАДЕРЖЕК.

Адрес: Левая ветвь Млечного Пути, созвездие Восьмерик, система СФ, в Космический Центр.

Директору *О'НЕЙРО*

Уважаемый директор!

Мы приложим все усилия для поиска материализатора. Однако на Третьей планете беспрестанно идут войны, что чрезвычайно осложнило контакты между людьми. В район предполагаемой утери аппарата нами был сброшен маяк-антенна, который, к сожалению, не действует. Другим средством для получения информации о людях мы не располагаем, а потому нам предстоит обследовать площадь в один миллион квадратных фантметров. Мы приняли обличие иноземных купцов, однако к нам мало кто проявляет интерес. Народ здесь сильно запуган. Возможно, нам удастся определить направление теряемой энергии и таким путем обнаружить материализатор.

Координатор экспедиции *О'Шейли*
10205 год, третий квартал

Перед воротами остановились всадники.

— Эй, хозяин! — закричали они. — Встречай гостей!

Один из прибывших, как видно, самый важный, спрыгнул с коня и накинул уздечку на плетень.

Шангерей выглянул из лабаза, где коптил рыбу, и внутри у него все похолодело. «Не иначе как сборщики ясака из Булгара, — подумал он. — И сюда добрались...» Он двинулся к непрошеным гостям, вытирая на ходу руки о холщовый фартук. Выдернув из ворот шест, он отворил их и, сложив руки на груди, поклонился, приветствуя пришельцев.

Трое незнакомцев были в кольчугах, вооружены луками, стрелами, булавами и бердышами, четвертый же — в обычной одежде из дорогих тканей. Он остановился перед Шангереем.

— Я сборщик ясака из Булгара,— сказал неизвестный господин.— Нам сообщили, что ты живешь тут уже несколько лет и пользуешься всеми благами земли нашей... а ясак не платил еще ни разу. Как твое имя? Сколько душ у тебя в доме? Сколько голов скота? Сеешь ли хлеб?

— Зовут меня Шангерей, родом из Булгара,— ответил хозяин дома, всем видом своим выражая послушание и покорность.— Нас четверо душ. Есть две лошади, две коровы...

— Телят сколько?

— Одна телка двухгодовалая.

— Овец?

— Всего три... Двух еще весной волк задрал.

— Кто твой сосед?

— Гали. Чувашского племени.

— Их сколько душ?

— Пятеро. Они лошадь на днях зарезали — ногу сломала...

Сборщик ясака вынул из-за пазухи какую-то бумагу и что-то на ней пометил.

— Именем великого хана,— сказал он торжественно,— раб божий Шангерей задолжал в ханскую казну одну телячью шкуру, три овечьих шкуры, пять белок, пять бобров, пять вязанок сушеной рыбы, полбатмана животного жиру, один бурдюк топленого масла, один бочонок меда с воском...

— Не многовато ли, господин? Я ведь только обживаюсь здесь. Еще землю не пахал ни разу...

— Тебе лучше помалкивать! — оборвал его сборщик ясака.— Скажи спасибо, что я в беглые тебя не записал! Гнить бы тебе тогда в яме! Весь род твой сгинул бы.

— Спасибо,— прошептал Шангерей, взглянув на окна своего дома.— Спасибо, господин.

— А ну-ка проводи нас в дом,— приказал сборщик ясака.— Пусть подадут нам холодного айрана. Медовуха у тебя есть? Угости слуг моих.

— Не знаю уж, созрела ли,— пробормотал Шангерей, исподлобья поглядывая на гостей.

— Сколько дней стоит?

— Шесть суток...

— Ну, тогда крепость в ней уже есть,— с видом знатока сказал сборщик и подмигнул своим.— Одного горшка нам довольно будет. День-то жаркий какой! — Он вытер с лица пот.

Иртагуль украдкой следила за пришельцами из окна. Увидев, что они направляются к дому, она спряталась за занавеску. Дети вскарабкались на печь и тоже притихли.

Гости, утолив жажду айраном, выпили по два ковша медовухи, положив перед тем в рот что-то белое. Сборщика, впрочем, интересовала не медовуха. Он все время озирался по сторонам, разглядывая жильё и утварь.

— А ты богато живешь, как тебя... Шангерей,— сказал он наконец, покашляв для важности.— Дом у тебя, вижу, полная чаша.

— Слава Аллаху... Тружусь день и ночь.

— И окна больше, чем у других. Где стекло взял?

— Стекло? А что такое? А-а... Что в окна вставлено? Возле сухого ручья среди камней нашел, — соврал Шангерей.

— Так. Известно ли тебе, что силикатное стекло не встречается на этой планете?

— Откуда мне это знать? Мы люди темные, неученые.

Усмехнувшись в усы, сборщик кивнул на ведро.

— Ну а это откуда?

— Куплено. Еще в Булгаре...

— Ты неправду говоришь мне, Шангерей, — нахмурился гость. — Сам небось и понятия не имеешь, что ведро твое изнутри покрыто эмалью, а снаружи нитролаком. А ведь подобные синтетические вещества земной цивилизации пока неизвестны.

Услышав столько мудреных слов, хозяин дома вовсе пал духом. Напрасно старался он заслонить собой топор, прислоненный к печи. Проницательный гость давно его заметил.

— И топор у тебя очень хорош. А ну-ка покажи! Так... Так... Сталь высшего качества, и черенок не деревянный, а из ударопрочной пластмассы... Да, вещи прямо-таки удивительные, Шангерей! Придется обыскать дом. Слышал небось, что разбойники на ханский караван напали?

— Нет, не слыхал. Да и что тут, в глухом углу, услышишь?

Сборщик сделал знак своей охране, и та принялась рыться во всех углах. Не прошло и минуты, как из-под боковых нар вытащили чудо-камень. Сборщик развернул его и довольно улыбнулся.

— Материализатор, — сказал он сам себе и облегченно перевел дух. — В полном порядке. Так где ты взял его? — обратился он к Шангерее.

Тут из-за занавески послышался голос Иртагуль:

— Расскажи ему всю правду, Шангерей. Повинную голову меч не сечет. Пусть заберет, не жалко. Подальше от беды.

Рахимкул на печке шепнул брату на ухо:

— Эх, хорошая была штука...

— Ага, — согласился Алмыш с братом и крепче прижал к себе сапожки.

Шангерей уж и сам собирался выложить все как есть.

— Я вытащил это сетью из воды, — сказал он, глядя сборщику прямо в глаза.

— Далеко отсюда?

— Версты три будет. Надо на восток идти, к притоку Меши...

Сборщик тут же послал туда своих слуг.

— Радиомаяк надо уничтожить! — сказал он. — Камень этот, похоже, из ханского каравана, я заберу его с собой. — Он посмотрел на Шангерее. — Ты можешь поклясться, что никому ни словом не заикнешься о нем?

— Клянусь... Не узнает ни одна душа.

— Клянись солнцем и хлебом!

— Солнцем клянусь! Не видать мне хлеба, если нарушу клятву!

— Ладно, Шангерей. Пусть и жена твоя помнит про эту клятву. И дети.

— Запомнят на всю жизнь, милостивый господин!

— Ну, коли так, я, пожалуй, порву твой ярлык. — И сборщик, вынув из кармана давешнюю бумагу, порвал ее на мелкие клочки и выбросил в печь.

— Спасибо, господин! Очень благодарен вам, да будет вам место в раю!

— Гм-м... В раю, говоришь? До того мне еще предстоит пережить трепку директора О'Нейро! Так-то, брат... — Взгляд гостя внезапно угас, и весь он будто стал меньше ростом.

Шангерей взгляделся в белое как мел лицо сборщика, в его темно-лиловые волосы, зеленые глаза, изнеженные руки с тонкими, как у музыканта, играющего на сазе, пальцами, и ему показалось, что перед ним чудное, сказочное существо... Как зачарованный смотрел он в нечеловеческие глаза, и его будто затягивало в бездонный омут.

— Ну, давай прощаться, друг Шангерей,— прервал молчание странный человек, возвращая хозяина на землю.— Желаю тебе удачи. Отсюда мы пойдем пешком. Лошадей оставим тебе. Одну отдашь соседу. Прощай. Помни о клятве!

Дверь за гостем закрылась, а Шангерей все еще стоял, глядя перед собой остановившимися глазами. Очнулся он только после того, как из-за занавески показалась жена.

— Ушли...— проговорил он каким-то чужим голосом.

— Ну, кажется, пронесло,— шепотом сказала Иртагуль.— И что это за люди были, Шангерей?

— Говорили, будто из Булгара... Не поймешь, кто такие. Лошадей нам оставили, ярлычную бумагу порвали...

Мальчики живо слезли с печи.

— Ты видел, сбруя у них какая — вся из серебра? — Рахимкул схватил брата за руку и выскочил на крыльцо.

Следом за ними вышли и отец с матерью.

Лошади были не скаковые — сильные и коренастые, как раз для тяжелой крестьянской работы. Теперь уж будет весело пни корчевать да землю пахать. Шангерей ласково потрепал коней по спине и повел их под навес. Мальчиков он отправил с маленькой тележкой за сеном, а Иртагуль побежала к соседям, чтобы обрадовать их новостью...

Счастливым хозяин напоил лошадей и на радостях насыпал им зерна.

Вскоре во двор влетели мальчики. Они так задохнулись, что едва могли говорить:

— Отец! Мама!

Шангерей поспешил им навстречу, на душе у него все еще было беспокойно.

— Что случилось?! — Тут и Иртагуль подросла.

— Ох, что мы видели! Что видели!

— Страшно так! — вставил маленький Алмыш.

— Ну, ну,— торопила их мать,— рассказывайте скорее!

— Что же вы видели? — спросил Шангерей.

— На поляне, где ты волка в прошлом году поймал...

— Ну зачем же в такую далищу вас понесло, ведь сено совсем рядом?

— А мы за теми дяденьками потихоньку...

Шангерей недовольно покачал головой.

— Они на той поляне под старой ивой остановились,— захлеб рассказывал Рахимкул, блестя глазами.— У одного длинная палка в руке, как копьё...

— Что же дальше-то было? — Шангерей не терпелось узнать, что так всполошило ребят.

— Мы в кустах спрятались...

— Ох и испугался же я! — снова перебил брата Алмыш.

— Да не мешай ты! — прикрикнул на него Рахимкул.— Лежим мы, глядим, а те раздеваться стали. Все с себя сняли — кольчугу, одежду, голые почти остались...

— Ну а дальше что?

— Потом они достали из дупла какие-то узлы, переоделись. Так сверкало все на них! Как чешуя на рыбе. Развели они костер и бросили туда все, что сняли с себя. Оружие тоже...

— А ты не врешь? — прервала его мать. — Где же это видано, чтобы железо в огне горело? — Она с сомнением покачала головой.

— Они чего-то подсыпали в огонь — муки, что ли... Искры выше деревьев взлетели.

— Ка-ак вспыхнет все! — вмешался Алмыш.

Рахимкул торопился рассказать удивительную новость:

— Тут они кадушки какие-то на спины вскинули, ремнями пристегнули...

— Опять ка-ак вспыхнет! — не удержался Алмыш, который не спускал с брата горящих глаз.

— Из-под кадушек сперва огонь показался, после повалил дым, и они полетели прямо в небо!

— Так уж и прямо в небо!

— Ну да, прямо в небо, мама. Такой грохот стоял, что я глаза зажмурил!

— Я тоже, я тоже! — закричал Алмыш, не желая отстать от Рахимкула.

— А когда открыл глаза, они уж высоко были, малюсенькие, как птички...

— Вот так чудеса... — проговорила Иртагуль.

— А костер вы осмотрели? — поинтересовался Шангерей, глядя сыновей по голове.

— Чтобы эти двое да не осмотрели, — усмехнулась мать.

— Там, отец, зола одна. От одежды и оружия ничего не осталось...

— И кола железного возле речки уж нет, — прошептал Шангерей, потирая лоб.

Но сколько бы он ни ломал голову, сколько ни морщил лоб, ему, древнему охотнику и землепашцу, трудно было понять то, что он увидел и узнал. Все было темно, как в лесу, обступившем их со всех сторон, все загадочно.

Откуда было ему знать, что страна волжских болгар, добившись значительного расцвета, идет навстречу грядущим событиям, что впереди у нее жестокие испытания, что предстоит ей быть затоптанной и сожженной дикими полчищами, что после веками будут стонать ее потомки под властью царей и мулл?..

Лошади, еще не привыкшие к стойлу, беспокойно заржали. Шангерей поспешил к ним.

Космограмма — обычная

*Адрес: Левая ветвь Млечного Пути, созвездие Восьмерик, система СФ,
в Космический Центр.*

Директору О'НЕЙРО

Уважаемый директор!

Сообщаем, что материализатор найден. Некий рыбак вытащил его со дна реки и, к сожалению, овладев механизмом управления, успел получить для себя кое-какие предметы домашней утвари (казан — емкость для приготовления горячей пищи, ведро — резервуар для переноски и хранения жидкого оксида водорода, и тому подобное). Факт этот свидетельствует о любознательности, трудолюбии и больших способностях обитателей Третьей планеты. Судя по современному состоянию наук и техники на планете, думаю, что предметы, добытые с помощью материализатора,

не могут оказать сколько-нибудь значительного влияния на ход исторического развития обитателей планеты. С годами вещи эти изнасятся и исчезнут сами собой. В далеком будущем остатки их, возможно, обнаружат археологи, и открытие приведет их в некоторое замешательство. Однако в те времена вопрос о влиянии иных космических цивилизаций будет окончательно снят с повестки дня...

В жизнь народов планеты мы не вмешивались — во время поисков материализатора нам пришлось являться к людям в облики сборщиков податей. Жертв нет. В любом случае появление наше может сохраняться в людской памяти лишь как смутное фантастическое видение — и то до некоторых пор. Не больше.

У обитателей Третьей планеты довольно сил и способностей, чтобы построить в будущем справедливое общество, где все члены будут обладать одинаковыми правами. Генетические данные для дальнейшего роста и прогресса у них хорошие.

Однако... отчего бы нам не начать помогать им сегодня же? Я, будучи ответственным руководителем экспедиции, намерен поставить этот вопрос перед Правлением Космического Центра и приложить все свои силы к тому, чтобы некоторые ранее принятые решения были пересмотрены. Космическое братство и сотрудничество я рассматриваю не только как равенство, но и как помощь молодым цивилизациям.

Наш вылет состоится через пять суток по космическому времени.

Координатор экспедиции О'Шейли

Космограмма отправлена с южного полюса спутника

Третьей планеты.

Р. Фаизов. Таинственный остров

Прочитав название этой необычной истории, вы, конечно, тут же представили себе дальние моря и океаны. Воображение уж нарисовало вам зеленые острова, затерявшиеся в них, не так ли? Но я должен вас разочаровать.

Островок, о котором я собираюсь рассказать вам, находится рядом, на речке Ташлы, что тихо петляет по нашим лугам. В одном месте Ташлы описала такую лихую петлю, что стала похожа на мамину круглую серьгу. В том месте, где серьга вдевается в ухо, речка, словно пробудившись от сна, с сердитой воркотней устремляется в узкую щель, которую пробила себе, спрямляя русло. Получился пятачок суши, окруженный водой, поросший мелким кустарником и непролазными дебрями колючих трав. Он невелик — всего девяносто два шага в поперечнике. Прикиньте сами, какова вся его площадь.

Хотя от деревни до острова всего тысяча двести сорок пять шагов, местечко это укромное. Топкие берега речки неприступны и густо поросли камышом. Еще недавно луга у нас были сплошь заболочены. Колхоз высушил их и теперь косит там сено. А вокруг островка болото. Его не смогли одолеть даже специальные трактора с широкими гусеницами.

Люди не проявляют к островку интереса, даже не пытаются заглянуть туда. Зато я и друг мой Науфаль кое-что придумали и теперь можем бывать на островке когда только пожелаем. Если быть точным, то я тут ни при чем. Это Науфаль сплел из ивовых прутьев нечто наподобие коротких и широких лыж. Мы нацепляем их — и готово! — никакая, даже самая страшная, топь не помеха! Легко одолеваем болото — и вот уже речка. Раздевшись, водружаем одежду и удочки себе на голову и вброд идем к острову. Ташлы в этом месте неглубокая, нам как раз под подбородок.

А на острове...

Я продолжу рассказ только при условии, что об этом вы нигде ни гу-гу. Так что язык держите за зубами! Идет?

Так вот, на середине острова растет старая ветла с разохшейся макушкой. Под ней у нас устроен шалаш. Если не знать об этом, ни за что не заметите, настолько надежно он замаскирован. На шалаше мы обычно сушим удилица. Если от ивы пойти в сторону (в какую, не скажу), придешь к высокому берегу. Под ним живет ондатра, водяная крыса. Она, хотя и зовется крысой, нисколько не похожа на сестер своих, что шмыгают под полом. Ондатра с маленькую собачку, красивая и такая проворная, что уследить за ней не так-то легко. Мы с Науфалем прозвали ее Искоркой. Она и в самом деле, как искра, сверкнет на солнце мокрой спинкой — и нет ее. Если тихонько полежать на берегу, можно подглядеть, как таскает она к себе в норку камышовые листья для подстилки. Рыбы спокойно плещутся у самого берега, не боятся ее, потому что ондатре нет до них дела. Питается она только растениями. Мы сами убедились в этом. Подбросили как-то к норке живую плотвичку и стали смотреть, что дальше будет. Искорка понюхала рыбешку, чихнула, смешно сморщив нос, и юркнула в камыши.

Если кому-нибудь посчастливится побывать на островке и пройти нашей тропкой (сами мы ее никому не покажем!), тот узнает, что там двадцать шесть птичьих гнезд — сорочьих, соловьиных, воробьиных, трясогузочьих. Нам нравится наблюдать за птицами. Летом мы пропадаем на острове почти каждый день — кормим наших питомцев пшеницей, хлебными крошками, вареным картофелем. Кормушки у нас висят на расстоянии от гнезд. Какой птице понравится, если рядом с его гнездом будет общая столовая? Из гнезд иногда вываливаются птенчики. Наше дело — поскорее вернуть их на место, иначе их ждет гибель.

Но больше всего мы любим ловить на острове рыбу. Только не пытайтесь узнать, какая там водится рыба и на что она клюет — не скажем все равно.

Вы, конечно, спросите, почему мы называем наш остров Таинственным, да? В этом-то все дело! Вот мы и добрались с вами до самого главного. Теперь слушайте очень внимательно.

До того дня мы были уверены, что на острове бываем одни. И вдруг...

В тот день, едва придя на остров, я сразу же уселся удить рыбу, а Науфаль отправился к птичьим кормушкам. Вскоре из зарослей послышался его взволнованный голос:

— Ильяс, Ильяс! Скорей, сюда!

Прибегаю, а Науфаль стоит на коленях в траве. На смуглом лице его растерянность, глаза широко раскрыты. Я проследил за его взглядом и увидел возле гнезда трясогузки маленькую яркую стрелу. Красивую стрелу, похоже, из пластмассы.

Все ясно, на острове кто-то был, нашел гнездо и оставил возле него свою мету!

— Кто бы это мог быть? — спросил Науфаль.

— Что если Тагиржан?..

— Нет, не он. Тагиржан на прошлой неделе в город уехал.

Идем к шалашу, а там новый сюрприз. Кто-то срезал длинные удилица и прислонил их к дереву для просушки. Вот и выходит, что не одни мы хозяева тут. Кто-то в наше отсутствие ведет себя на чужом острове, как в собственном доме.

Постой, спохватились мы, а как же другие гнезда? Целы ли они? Обходим все гнезда до одного, проверяем кормушки. Все на месте. Если непрошенные гости — мальчишки, то это, как видно, не самые плохие ребята.

— Все равно, — говорит Науфаль, — какие бы ни были, нечего им здесь делать! Парень он, между прочим, рослый и сильный. Словами бросаться не привык.

— И когда только они бывают? — недоумеваю я.— Почему мы ни разу не встретились? Не невидимки же они, в самом деле?

— Давай завтра пораньше придем. Может, к утреннему клеву повадились?

На другое утро еще и светать не начало, а мы уже были на острове. Осторожно, как разведчики, которых мы видели в кино, подползаем к берегу. Трава еще в каплях росы, так что оба мы вымокли насквозь.

Ага, так и есть! Сидят, голубчики! Двое мальчишек... Рыбу, значит, удите? И не где-нибудь, а на нашем месте! Ну, сейчас покажем вам!

Подползаем совсем близко и, разом заорав «ура!», вскакиваем на ноги. Мы ожидали, что мальчишки, застигнутые врасплох, напугаются и бросятся наутек, а они как ни в чем не бывало продолжали свое занятие. Даже не взглянули в нашу сторону. Один только руку поднял: не шумите, мол.

Ах так! Они, как видно, еще не знают, с кем дело имеют.

— А ну сматывайтесь отсюда! — крикнул я.

Те сидели, будто глухие.

— Кому говорят! — грозно поддержал меня Науфаль, засучивая рукава.

Тут на нас будто пахнул ветерок — какая-то неведомая сила отодвинула нас на четыре шага назад! Прямо колдовство какое-то... Мне стало страшно. А Науфаль все не сдавался, воинственно глядел на незнакомцев.

— Уходите с нашего места!

Один из мальчишек наконец обернулся, и я чуть не вскрикнул — никогда в жизни не видел я такого красавца! Черные волосы локонами спадали на плечи. А глаза... Глаза лучились такой доверчивостью и лаской, так много было в них теплоты, что душа моя невольно дрогнула и начала оттаивать.

— Доброе утро, мальчишки! — кивнул он нам приветливо.

И мы вдруг оба поклонились ему.

— Место тут все же наше,— невнятно пробормотал Науфаль.— Хорошие рыбаки так не делают...

— Ну что ж,— сказал второй незнакомец,— мы можем перебраться на другое место.

Я снова удивленно заморгал глазами: этот был точь-в-точь такой же, как первый. Близнецы, видно. Науфаль тоже ошалело переводил глаза с одного брата на другого.

Они прошли вдоль берега и устроились неподалеку от нас.

По рыбацким законам на берегу шуметь не положено, а потому мы молча закинули удочки и просидели около часа, не проронив ни звука, но на странных соседей поглядывали. Они оказались рыбаками хоть куда. Я видел, как за это время они вытащили из воды восемь рыбин на двоих. Науфаль снял с крючка всего двух, а я — одну.

Признаться, мне было не до рыбы. Все время так и подмывало встать и пойти к братьям, узнать, откуда они, как попали на остров, как их зовут. А еще хотелось взглянуть на их леску, узнать, какая у них наживка. Науфалю, чувствовалось, тоже нелегко было усидеть на месте. В конце концов он не выдержал и крикнул:

— Эй, парни, из какой вы деревни? Из Атни, что ли?

— Мы не из деревни.

— А, понимаю, из города в гости приехали.

— И не из города мы.

— Да как же это,— воскликнул я, умирая от любопытства,— не из города и не из деревни? Может, это тайна, что и сказать нельзя?

Один из красавцев встал и пошел к нам. Он сел между мной и Науфалем и сказал, поглядывая на нас:

— А вы никому не скажете?

— Могила! — дружно заверили мы его.

— Слово мужчины?

— Слово мужчины! — снова сказали мы вместе.

Незнакомец понизил голос и сказал торжественно:

— Мы не из города и не из деревни. Мы вообще не с этой планеты.

Вот уж насмешил так насмешил! Так мы ему и поверили! Видели мы таких инопланетян! Конечно, красоты они оба необыкновенной, ничего не скажешь, но все равно такие же мальчишки, как все. У инопланетян скафандр должен быть, а тут самая обыкновенная одежда. Тоже мне пришельцы!..

— Ох, держите меня! Ха-ха-ха,— развеселился Науфаль,— рыбаки вы классные, ха-ха-ха! И заливаете складно!..

— А на островок этот вы, конечно, летели, чтобы рыбу половить, да? — съязвил я.

— Мы случайно здесь. Родители наверху,— серьезно возразил незнакомец, глядя в синее небо.— Они корабль ремонтируют. Профилактический ремонт. Наш путь лежит на одну очень далекую планету. Мы с братом решили воспользоваться передышкой и порыбачить. Немного развлечься. Подолгу сидеть в корабле скучно.

— Надо ж, как гладко у тебя все получается! — Науфаль прищурил и без того узкие глаза и недоверчиво уставился на мальчишку.— Ну а язык наш откуда знаешь?

— А вот это пока что тайна.

— И как вы с корабля на землю спустились, а? Может, спрыгнули?

— Это — тоже тайна.

— Нет, вы не настоящие рыбаки, вы и врать-то толком не умеете! — Науфаль уставился на свой поплавок, давая этим понять, что разговор окончен.

— Все у вас тайна,— сказал я.— Ну почему бы откровенно обо всем не поговорить?

— Нам старшие не разрешают,— грустно признался мальчишка.

Я чувствовал, что он не прочь открыться нам, но ему что-то мешает сделать это.

— Неужели нам никогда не удастся поговорить?

— Отчего же? На обратном пути мы снова сделаем на Земле остановку. Спустимся на это же место. Вот тогда — другое дело.

— И сколько надо ждать вас?

— Возможно, мы будем пролетать в конце лета, а может случиться, пройдет несколько лет. В космосе по-всякому бывает.

— Ну да, конечно,— снова вмешался Науфаль,— в космосе все возможно. Только вот от тумана, который ты тут напустил, задохнуться легко!

Мальчишка ничего не ответил ему и пошел на свое место. Неужели обиделся? Вскоре он уже снимал с крючка здорового язя.

Со мной стало происходить непонятное. Меня со страшной силой вдруг потянуло домой. Ну хоть бросай все и беги. Науфаль, как ни странно, видно, испытывал то же самое. Он сказал:

— Пойдем, Ильяс! Что толку глазеть, как другие рыбу из речки таскают?..

Утренний клев был в полном разгаре, а мы наспех смотали удочки и помчались домой.

Перейдя Ташлы, Науфаль бросился в траву.

— Прячься скорей,— сказал он мне,— интересно все же узнать, в какую деревню пойдут.

Больше часа просидели мы, затаившись в траве, и наблюдали за островом. Занятие это мне надоело, и я уже собирался встать, когда рука Науфалья с силой придавила меня к земле.

— Гляди, гляди,— испуганно зашептал он мне в самое ухо.

Я посмотрел в ту сторону, куда он показывал, и оцепенел от страха. С неба на наш островок спускался огромный голубой шар. Различить его можно было только при самом пристальном внимании. Вот он завис возле старой ветлы над нашим шалашом. Сбоку у шара открылась дверь, и мы видели, как оба брата исчезли в ней. Мне показалось, что один из них напоследок повернул голову к нам и взмахнул рукой. Шар снова беззвучно взмыл в воздух и растворился в нем.

Долго еще всматривались мы в небо, надеясь увидеть шар, но он больше не появился.

— Выходит, это была правда, Ильяс! — прошептал Науфаль, не решаясь говорить в полный голос.

— Выходит, так, а ты не верил! — неожиданно разозлился я на друга, которого всегда считал умнее себя и привык слушаться во всем.— Ты обидел их...

— Да, да, я был неправ! — Науфаль вдруг упал в траву и обхватил голову руками.— Что же я наделал! Я нагрубил инопланетянам! Гостям из космоса!..

Мне стало жаль его.

— Ну что ты так убиваешься? — сказал я.— Они же вернутся.

— Ты правда так думаешь, Ильяс? Верить, да?

— Конечно, верю! Еще бы!

— Только бы они вернулись! — Науфаль улыбнулся.— Мы с тобой такую встречу им устроим, такую встречу!..

Теперь мы бываем на острове каждый день — готовимся к встрече с пришельцами из космоса. А что мы делаем для этого — наша большая тайна...

Ф.Шафигуллин. Ляйсан

У других кукол, что стояли с ней рядом на полке, имен тоже не было, но их купили. На опустевшей полке осталась она одна.

Утром в магазин пришла маленькая девочка с голубым бантом в каштановых волосах. Она держалась за руку своей мамы.

— Мамочка,— воскликнула малышка,— посмотри, какая красивая кукла!

Продавщица достала игрушку с полки.

— Фи,— сказала мама, коснувшись ее башмачков ярко накрашенными ногтями,— того и гляди, развалятся. Если бы башмачки были покрепче, куклу давно купили бы.

Женщина пошла к двери, ведя девочку за собой, а та продолжала смотреть на куклу, не в силах оторвать от нее глаз.

Вот и опять не пришлось кукле выбраться из магазина. Видно, уж не видать ей неба и солнышка. По-прежнему одна стояла она среди запылившихся книг.

Ближе к полудню в магазине появился очкастый мужчина с разбухшим портфелем в руке и спросил строго:

— Почему это у вас куклы на одной полке с книгами стоят?

— Не куклы, а кукла,— смущенно поправила его продавщица, оправдываясь.— У нее сандалии плохо сшиты, вот и не берет никто. Не хотелось мне ее рядом с другими игрушками ставить...

Едва человек с портфелем исчез за дверью, продавщица сунула куклу под прилавок.

На все была готова бедняжка, но такого никак не ожидала. Ей рано на покой, у нее так много дел. Она ничего еще не испытала, не видела! Она не знает, кто станет ее хозяйкой, не слышала счастливого смеха той девчужки, не поиграла с ней. Сама она смеяться не умеет, зато очень любит слушать, как смеются дети. А вот слезы малышей всегда ее огорчают. Неужели никогда уж не суждено ей видеть смеющихся и плачущих детей? До сих пор у нее даже имени нет. И все из-за пары неудачных сандалий!..

Под прилавком и днем, и ночью одинаково темно, неприятно и скучно. Иногда мимо куклы деловито шныряют мыши, поблескивая в полумраке мелкими острыми зубками. Некоторые из них уж до того развязны, что смеют обнюхивать ее! А те, что посмелее, уже попробовали на вкус ремешки ее сандалий... Ну и пусть! Ей нисколько не жаль их, лишь бы не трогали шелковых локонов, длинных ресничек и розовых пальчиков. Иначе уж никто никогда не восхитится ее красотой...

У женщины, которая убиралась в магазине, была смешная лохматая собачонка с озорными глазками-пуговками. Однажды вечером, позевывая и потягиваясь, пролезла она под прилавок и увидела куклу. Собачонка ухватила ее за нарядное платьице и вытащила на середину магазина. Продавщица с уборщицей переглянулись, улыбаясь, и с двух сторон стали подступать к собачонке, чтобы отнять у нее игрушку. Однако та быстро разгадала их маневр, сверкнула глазками, тряхнула головой и, прихватив куклу, выскочила через открытую дверь на улицу.

Кукла нисколько не испугалась, напротив, ей было очень радостно. Наконец-то выбралась она на свободу! Над ней, качаясь, будто в зыбке под голубым пологом, катилось румяное солнышко. А чтобы зыбка не упала, ее со всех сторон осторожно поддерживали зеленые верхушки высоких деревьев.

Лохматая собачонка сначала что есть духу неслась вдоль длинной ограды сада, стараясь опередить собственную тень, потом бросила куклу в зарослях гвоздики и убежала...

До осени было далеко, дни стояли сухие и теплые. Кукла, у которой все еще не было имени, спокойно лежала на спине и смотрела, как листья на рассвете хлопают в зеленые ладоши, приветствуя солнце, а ночью любовалась тысячами звездочек на темно-синем небе, печально мерцавшими в вышине.

Однажды утренний ветерок раздвинул стебли гвоздик, и кукла увидела перед собой белую стену, а на ней окошко. Вскоре оно открылось, и в нем показалась встрепанная головка девочки. Глаза малышки напомнили кукле ночные звезды, так они были печальны. «Видно, девочка любит плакать»,— подумала кукла. И то ли росинка упала на нее, то ли ей стало жаль грустную девочку, только солнце, глянув на куклу сквозь кружево листьев, увидело у нее на глазах слезы.

Под окном проходила добрая женщина в сиреновом платочке.

— Ты почему не выходишь погулять, девочка? — спросила она.— Сегодня так хорошо на улице.

— У меня ноги болят,— сказала девочка, опуская заблестевшие вдруг глаза.

— Ты не плачь, умница моя, ноги у тебя обязательно поправятся. Надо только слушаться доктора и делать все, как он скажет,— посоветовала женщина и пошла дальше.

Вот показался дедушка в бархатной тюбетейке. Борода у него была совсем белая.

— Здравствуй, Ландыш! — улыбнулся он девочке.

Реснички у куклы дрогнули. Так вот как зовут маленькую девочку — Ландыш!

— Дедушка, я хочу на улицу,— сказала Ландыш.

— Потерпи немного, внученька. Ты ведь знаешь: терпение и труд все перетрут. Вот поправишься, тогда и выйдешь. В саду погуляешь, по бережку походишь. А уж я к тому времени смастерю тебе прехорошенькие сандалии!

Услышав про сандалии, кукла загрустила. Она уж успела забыть, что в магазине ее называли куклой с некрасивыми сандалиями. Ах, почему башмачки для нее сшил не этот дедушка, у которого такой ласковый голос? Теперь у нее был бы дом, было бы имя, и какая-нибудь девочка, вроде Ландыш, баюкала бы ее в своих теплых объятиях.

Тут белобородый дедушка раздвинул гвоздики и, склонившись над куклой, протянул к ней руку.

— Ландыш, деточка, посмотри, кто здесь лежит!..

— Дедушка, это кукла! — вскричала Ландыш.— Дай мне ее скорее. Бедняжке, наверное, очень холодно на земле... Ах, какая она красивая, дедушка!

— Не спеши, птенчик мой,— все так же ласково сказал старик.— Я посажу ее вот сюда, на окно. Тебе ее отсюда будет хорошо видно. Ну а если игрушку кто-то ищет — заметит сразу. Не придут за ней — твое счастье. Кукла тебе останется.

Девочка потянулась за куклой, но достать не смогла.

— Как же тебя зовут? — улыбнулась она. Ландыш положила голову на руки.— Так у тебя нет имени? Тогда давай назовем тебя Ляйсан, ладно? Дедушка сошьет тебе хорошенькие туфельки. Вот поправятся ноги, мы пойдем с тобой в сад, на речку побежим. Оставайся со мной, Ляйсан, ладно?..

Кукле очень хотелось кинуться девочке в объятия, но она устыдилась своего желания: вдруг Ландыш подумает, что она обещанным туфелькам так радуется? А разве туфельки нужны ей?! Да она всю жизнь босиком прожить согласна, только б были у нее красивое имя и славная подружка!

Содержание

Катись, катись, волшебный мой клубок

К.Насыри. Солом-Торхан ...

Падчерица ...

Гульназек ...

Байдек ...

Три сына ...

М.Гафури. Заятлюяк и Суслу ...

А.Еники. Кузнечик ...

Р.Батуллин. Про джигита, который хотел стать бессмертным ...

М.Амир. Зирек ...

А.Абсалямов. Сказка старого Ли Чен Чаня ...

Ф.Шафигуллин. Фируза ...

Впереди батыра удача бежит

А.Файзи. Сказка про Азата Мергена и про девушку-лань ...

Г.Баширов. Дуган-батыр ...

В великом царстве природы

К.Насыри. Лиса ...

Кот и медведь ...

Н.Исанбет. Отчего у сороки платье пестрое ...

Отчего летучая мышь днем не показывается ...

Отчего белый гусь крапчатым стал ...

Почему у ласточки хвост рваный ...

Про то, как верблюд на свой рост понадеялся, да ни с чем остался ...

Про то, как заячий хвост достался белке ...

А.Алиш. Нечкебиль ...

Кто всех сильней? ...

Ф.Шафигуллин. Мама-индюшка и ее детки ...

М.Амир. Про то, как козел в командировку ходил ...

Р.Фаизов. Китовая Акула ...

Д.Тарджеманов. Шаян и Наян ...

Войди, сказка, в мой дом!

А.Тимергалин. Чудесный камень Шангеря ...

Р.Фаизов. Таинственный остров ...

Ф.Шафигуллин. Ляйсан ...

Издание для детей и юношества

Фируза

(Сказки татарских писателей)

Редактор *Г.М.Хасанова*

Художественный редактор *Р.Г.Шамсутдинов*

Техническое редактирование и

компьютерная верстка *А.С.Газизяновой*

Корректор *А.Г.Хамитова*

Лицензия на издательскую деятельность

№ 04184 от 6 марта 2001 г.

С оригинал-макета подписано в печать 22.07.2003.

Формат 70×90^{1/16}. Бумага офсетная. Гарнитура «Школьная».

Печать офсетная. Усл. печ. л. 19,89 + форз.0,29. Усл. кр.-отт. 81,32.

Уч.-изд. л. 17,05 + форз.0,49. Тираж 5000 экз. Заказ Я-470.

Татарское книжное издательство. 420111. Казань, ул.Баумана, 19.

<http://www.tatarstan.ru/books/> E-mail: tki@books.kazan.ru

Оригинал-макет подготовлен с помощью пакета программ Jahat™

Государственное унитарное предприятие

издательско-полиграфический комплекс «Идел-Пресс».

420066. г. Казань, ул. Декабристов, 2.